В 154
122 т2(2)
„Вабонемент и
мбА
не выдается"

...ЦИКОВ

...НА

РЕВОЛЮЦИЯ

К ИСТОРИИ ТАЙНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В РОССИИ

ЧАСТЬ III

ВЫП. 2

ИЗД-ВО ПОЛИТКАТОРЖАН МОСКВА
1929

ИЗДАТЕЛЬСТВО
СВОБОДНОГО
ОБЩЕСТВА
ПОЛИТИЧЕСКИХ
КАТОРЖАН
И
ССЫЛЬНО-
ПОСЕЛЕНЦЕВ

ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЩЕСТВО ПОЛИТИЧЕСКИХ
КАТОРЖАН И ССЫЛЬНО-ПОСЕЛЕНЦЕВ

ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННАЯ БИБЛИОТЕКА

1929 г.

ВОСПОМИНАНИЯ, ИССЛЕДОВАНИЯ, ДОКУМЕНТЫ И ДР. МАТЕРИАЛЫ ИЗ ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПРОШЛОГО РОССИИ

Книга 2

(XLIII)

МОСКВА

В154
122

Л. МЕНЬЩИКОВ

ОХРАНА и РЕВОЛЮЦИЯ

К ИСТОРИИ ТАЙНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ, СУЩЕСТВОВАВШИХ ВО ВРЕМЕНА САМОДЕРЖАВИЯ

ЧАСТЬ II

Выпуск 2

1929

Госуд. публичная историческая библиотека РСФСР
449955 V

ОТ РЕДАКЦИИ.

Выпускаемая в настоящее время 2-я часть II тома книги Л. П. Меньщикова «Охрана и революция» не является окончанием его работы. В ближайшее время выйдет в свет третий (последний) том, к которому будет присоединен именной алфавитный указатель ко всем трем томам.

I том книги Л. П. Меньщикова вышел в 1925 г., а 1 часть II тома—в 1928 году.

Госуд. публичная историческая библиотека РСФСР
449955 V

Москва. Главлит А 42.482. 3.000 экз.

«Мосполиграф», 16-я типография, Трехпрудный, 9.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

ГЛАВА V.

Л. Н. Толстой и толстовцы. Толстой не политик. — Наблюдение за Ясной Поляной. — Толстой в подполье. — Гектограф Новоселова. — Арест Фальборка. — Смерть Дрожжина. — Обыск у Дунаева. — Высылка Буланже. — Дело Озмидова. — Филеры и граф. — Толстовец-миллионер. — «Свободное слово». — Иностранцы под надзором. — Толстой и рабочее движение. — Гектограф Ушакова.—Толстовские общины.—Рядовой Чага . . . 7

ГЛАВА VI.

Провокатор Гурович. — Охрана транспортирует нелегальщину. — «На край света». — Дело Войнаральского. — Зубатов содействует побегу Махновца. — Аресты Ногина и Теплова. — «Сотрудник в квадрате».—Журнал «Начало».—Типография в Козлове. — Гурович — чиновник охраны 30

ГЛАВА VII.

Группа интеллигентов-пропагандистов. — Рабочий кружок и журнал «Волна». — «Революционеры» помогают охране искать типографию.—«Экспроприаторы» (дело Лысика). — Предатель Карамышев.—Витебские и виленские транспорты.—«Южный рабочий».—Убийство «по служебной необходимости». — Охранник, жандармы и агент Журавленко 44

ГЛАВА VIII.

Соц.-демократическая пропаганда в Бежице, Рязани, Нижнем-Новгороде и Твери.—Московский комитет Р. с.-д. р. п.—Типография «Рабочей библиотеки».—Южные с.-д. организации. — Первомайская пропаганда в Петербурге 65

ГЛАВА IX.

Северный Рабочий Союз. — Ярославский комитет С. Р. С. — Костромской комитет. — Иваново-Вознесенский комитет.—Воронежская группа «американцев». — Деятели С. Р. С. 85

ГЛАВА X.

Рабочая партия политического освобождения России. — Русская с.-д. партия («Рабочее Знамя»).—Социалисты-революционеры. — Предатель татаров.—«Орел» (Убийство Плеве). — Рыжий парик (дело Конопляниковой) 108

Примечания 131

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.

Аг.—агент.
Б.—бывший.
В.—волость.
В.-о. с.—военно-окружный суд.
В. Сб.—Восточная Сибирь.
Г.—год.
Гб.—губерния.
Г. ж. у.—губернское жандармское управление.
Г. н. п.—гласный надзор полиции.
Д.—деревня.
Д. д. п.—директор департамента полиции.
Д-т п.—департамент полиции.
Ж. о.—жандармский офицер.
Ж. у.—жандармское управление.
З. аг.—заграничная агентура.
Крн.—крестьянин.
К. р.—каторжные работы.
М. в. д.—министерство внутренних дел.
Мщн.—мещанин.
Нач.—начальник.
О.—Обзор важнейших дознаний (официальное издание).
О. о.—охранное отделение.
Рд.—родился.
С.—село.
С.-д.—социал-демократ.
С.-р.—социалист-революционер.
С. с.—секретный сотрудник (охраны).
Т. уч.—техническое училище.
Т. з.—тюремное заключение.
У.—уезд.
Ун.—университет.

ГЛАВА V.

Л. Н. ТОЛСТОЙ И ТОЛСТОВЦЫ.

Толстой не политик.—Наблюдение за Ясной Поляной.—Толстой и подполье.—Гектограф Новоселова.—Арест Фальборка.—Смерть Дрожжина.—Обыск у Дунаева.—Высылка Буланже.—Дело Озмидова.—Филеры и граф.—Толстовец-миллионер.—«Свободное слово».—Иностранцы под надзором.—Толстой и рабочее движение.—Гектограф Ушакова.—Толстовские общины.—Рядовой Чага.

ТОЛСТОЙ НЕ ПОЛИТИК.

«Я не политический человек»,—писал Л. Н. Толстой в 1857 году после того, как увидел в Париже гильотину; таким он оставался и всю жизнь. Тем не менее, писатель, не говоря уже о его рационализме в сфере религиозной, часто вторгался, как моралист, в область политических вопросов. Всем памятны мужественные выступления Толстого с протестом против смертной казни («Письмо к Александру III», «Не могу молчать») и в защиту духоборцев («Письмо к Николаю II»). Критика Толстого некоторых сторон «существующего строя» (земельные отношения, милитаризм) носила иногда такой резкий характер, что легко могла быть «подведена» под те или другие статьи уголовного кодекса. Как известно, проповедь свою Толстой вел во всеуслышание и от ответственности не уклонялся; наоборот—желал ее.

Несмотря на все это, Толстому за всю его долгую жизнь не довелось иметь острых конфликтов ни с полицией ни с юстицией. Единственной репрессивной мерой,которую пришлось испытать великому писателю, было лишь знаменитое синодское «отлучение», имевшее, впрочем, более платонический характер. И в то время, когда последователи Толстого, повторявшие только слова своего учителя, подвергались всевозможным гонениям, сам он оставался застрахованным от всяких мер начальственного «воздействия». Даже тогда, когда Толстой, страдая за своих учеников, терпевших преследования, просил, чтобы вместо них привлекали его—истинного виновника, ему отказывали в этой «милости».

В 1896 году Толстой, по случаю ареста в Туле одной женщины-врача, написал министру юстиции Муравьеву письмо, в котором говорил о «неразумности, бесполезности, жестокости мер, принимае-

мых правительством против лиц, которые распространяют его запрещенные сочинения, и просил «все меры наказания, устрашения или пресечения зла направить против того, кто считается виновником его». «Я заявляю вперед,—писал Толстой далее,—что буду не переставая, до самой смерти делать то, что правительство считает злом, а что я считаю священной перед богом обязанностью».

Позднее, в 1908 г., Толстой в одном письме к А. М. Бодянскому признавался: «Ничто бы так вполне не удовлетворило меня и не дало бы мне такой радости, как именно то, чтобы меня посадили в тюрьму — вонючую, холодную, голодную».

Исключительное явление! Толстой всю жизнь провел в России и все время оставался как бы «вне пределов досягаемости». Толстой открыто говорил и писал то, что думал, и ни разу не был за это арестован! Факт, которому едва ли можно найти прецедент в истории русской общественности.

НАБЛЮДЕНИЕ ЗА ЯСНОЙ ПОЛЯНОЙ.

Не следует думать, что Толстой был совершенно оставлен без внимания со стороны «недреманого ока».

Имя Л. Н. Толстого в анналах охранной полиции появилось в 1861 г., когда председатель главного управления цензуры запросил 8-го мая главного начальника III Отделения собственной его императорского величества канцелярии о том, «не встречается ли каких-либо препятствий к дозволению графу Толстому быть редактором периодического журнала» (речь шла о журнале «Ясная Поляна»). Шеф жандармов, князь Долгорукий, на это ответил: «препятствий нет».

Почти одновременно легла на Толстого и первая тень подозрения в «неблагонадежности».

24-го ноября 1861 года из Москвы выехал в Ясную Поляну, имение Толстого, студент Московского университета Алексей Соколов, состоявший под надзором полиции «в виду прикосновенности к изданию и распространению запрещенных сочинений» (дело о листах «Великорусс», изданных Обручевым). Начальник 2-го округа корпуса жандармов Перьфильев предписал находившемуся в Тульской губернии штаб-офицеру Муратову установить за Соколовым «негласное наблюдение». С этого и началась 39-ая часть дела «о революционном духе народа в России и о распространении по сему случаю возмутительных воззваний» (№ 230, 1-ой экспедиции III отделения), посвященная специально Л. Н. Толстому.

Первые «агентурные» сведения о Толстом гласили, что в Ясной Поляне учреждены школы, в которых занимаются несколько студентов, «кои подвергались каким-либо случаям», и что сам граф, «человек умный и весьма замечательный в своих либеральных

направлениях, очень усердно занимается распространением грамотности между крестьянами». Кроме того, в донесениях говорилось, что «у Толстого на собрании всех преподавателей была сказана речь, в которой много заимствовано из Великорусса», что «в Ясной Поляне поселился некто Елагин», и что там был литератор Якушкин, который, проезжая через Тульскую губернию, распространял воззвания.

На основании этих донесений, управляющий III Отделением, генерал Потапов, сделал ряд строжайших предписаний о секретном расследовании. Последние, однако, не дали результатов. Речь «возмутительного содержания» добыть не представилось возможным, более того—оказалось, что о ней даже «нет никаких слухов». Елагин, как выяснилось, через Тульскую губернию хотя и проезжал, но в Крапивенский уезд не заглядывал. Якушкин, оказалось, в Ясной Поляне был, но всего два дня, а относительно распространения им воззваний, по выражению полковника Муратова, «ничего особенного не слышно».

Источником вышеприведенных «агентурных сведений» являлась московская полиция, у которой в это время завелся «секретный сотрудник». В качестве такового выступил временно обязанный князя Долгорукова, дворовый человек Михайло Иванов Шипов, который «об'явил желание следить за действиями графа Льва Николаевича Толстого и узнать отношение его к студентам университета, жившим у него под разными предлогами».

Рекомендованный III Отделению самим московским генерал-губернатором Тучковым, Шипов явился в январе 1862 года, имея «конфиденциальное письмо» от генерала Потапова к жандармскому штаб-офицеру по Московской губернии, полковнику Воейкову, которому заявил, что «имеет намерение сблизиться с лицами, занимающимися тайными литографиями и печатанием разных запрещенных сочинений» и в этих видах думает «об'ясниться с знакомым ему литографщиком и предложить нанять ему отдельную комнату, в которую поставит станок для означенной цели...»

Полковнику Воейкову «прожект» этот не мог не понравиться, но к осуществлению его встретилось препятствие: Шипов спросил «для устройства сего... денег от 30 до 50 р.». Полковник, не считая себя в праве «делать такие расходы» (доброе старое время!), мог только предложить агенту «сначала хорошенько удостовериться в справедливости начинаемого им дела», после чего обещал дать «на необходимые расходы».

Шипов, вполне убежденный «в справедливости» своих замыслов, не пожелал ждать и обратился с предложением услуг к местной полиции. Московский обер-полицмейстер, граф Крейц, направил его в распоряжение пристава Городской части Шляхтина, занимавшегося розысками. В то время наблюдениями этого полицейского уже было обнаружено, что «граф Толстой, проживая в Мо-

скве, имел постоянные сношения со студентами, и у него весьма часто бывал студент Осфальд, который был впоследствии замешан в деле распространения Великоруссов». Шляхтин, зная, что «граф Толстой сам много пишет», и полагая, что, «может быть, он был редактором этого сочинения», приказал Шипову следить за Толстым даже и в том случае, если он будет проживать в Ясной Поляне, хотя последняя и находилась за пределами ведения столичной администрации.

Шипов был типичным «сотрудником». Его дебют у Воейкова и последующие подвиги доказали, что он обладал всеми доблестями, свойственными людям его профессии. Но ему не повезло прямотаки на редкость: в феврале 1862 года Шипов был командирован в Тульскую губернию, а 1-го июня того же года полковник Муратов донес III Отделению следующее:

«Галицкий почетный гражданин Михайло Иванович Зимин прибыл в город Тулу 17-го минувшего февраля с тамбовским мещанином Гирос, распустил слухи, что он агент правительства, и что ему поручены важные секретные дела.

По требованию полиции г. Зимин представил свидетельство, выданное ему приставом московской полиции Городской части, г. Шляхтиным, от 15-го февраля 1862 г. за № 101, сроком на два месяца; у г. Гирос был паспорт, выданный ему тамбовской градской управой.

Г. Зимин все время пребывания своего в Туле вел разгульную, нетрезвую жизнь, посещая гостиницы низшего разряда, и, наконец, дошел до такой крайности, что заложил часы товарища своего г. Гирос без его позволения, и через этот поступок они поссорились и разошлись.

Между тем, Зимин болтливостью своею обнаружил секретное поручение, данное ему будто бы правительством, следить за действиями графа Льва Толстого и за лицами, живущими в с. «Ясная Поляна».

Узнав об этом, я пригласил к себе г. Гирос, который подтвердил все относящееся до г. Зимина и прибавил, что г. Зимин обещал ему дать 6 т. рублей сер., если он откроет что-нибудь о графе Толстом, но во все это время г. Гирос ездил в с. «Ясную Поляну» только два раза, не открыв ровно ничего. Г. Гирос живет еще в Туле, а Зимин выехал в Москву 22-го мая, не заявив никому о своем от'езде».

По поводу донесения полковника Муратова управляющий III Отделением написал такую резолюцию: «хорош агент! но я удивляюсь, как можно было его выбрать, — это простой сыщик для мелких воришек, которого я знаю лично».

Нетрудно догадаться, что под видом «почетного гражданина» Зимина отличался дворовый человек князя Долгорукова Михайло Шипов.

Предчувствуя грозу, шпион поспешил в Петербург под тем предлогом, что туда выехал и граф Толстой. Не найдя своего наблюдаемого, агент явился в III Отделение «для узнания, не имеют ли они адреса графа». На приеме генерал Потапов осведомил Шипова о донесении тульских властей относительно его похождений и предупредил, что ему будет «нехорошо».

Действительно, когда Шипов вернулся в Москву, его немедленно арестовали и посадили в Городскую часть. Тогда, чтобы как-нибудь реабилитироваться, Шипов начал рассказывать о своих «открытиях» по делу Толстого, при чем, как в басне, «к былям небылиц без счета прилыгал». В показаниях, данных подполковнику Шеншину, чиновнику особых поручений при генерал-губернаторе, Шипов повествует, между прочим: «При графе находится более 20 студентов разных университетов и без всяких видов... На четвертой неделе прошедшего великого поста привезены были к нему в имение из Москвы камни для литографии, шрифты, краска для печатания каких-то запрещенных книг, но, не знаю вследствие каких причин, печатание не состоялось, и все к оному принадлежности отправлены в другое имение, принадлежащее ему в Курской губернии, но потом предположено, чтобы раньше августа месяца работы не начинать... В числе показанных мною учителях находится еще курьер, должность его состоит в частных поездках по трактам к Харькову и к Москве, также у его сиятельства часто бывают продавцы разного товара из Стародубенских слобод, которые у него иногда ночуют и живут по 1 и по 2 дня. Кроме ж всех сказанных, приему бывает очень лично даже ближним соседям и знакомым. Также мне известно, что в августе месяце настоящего года предполагается у его сиятельства печатание какого-то манифеста по случаю тысячелетия России, и оный манифест был у них на просмотрении и отправлен для чего-то за границу, но куда—мне неизвестно... К тому ж в доме его сиятельства из кабинета и канцелярии устроены потайные двери и лестницы, и вообще дом в ночное время всегда оберегается большим караулом... К этому имею присовокупить, что мной от господина подполковника Дмитрия Семеновича Шеншина с 1-го февраля по настоящее время получено в разное время на расходы триста пятнадцать руб. серебром, в ста руб. из оных представлен отчет в феврале месяце. А в остальных тоже обязуюсь дать полной добросовестный отчет, если же вашему благородию угодно будет отложить до августа месяца вышеупомянутое дело, то обязуюсь содействовать к его наискорейшему открытию. К сему показанию временно обязанный князя Долгорукова дворовый человек Михаил Иванов Шипов руку приложил».

Чтобы развязаться с неприятной историей, московские лекоки решили сплавить «почетного гражданина» Зимина в Петербург. «Препровождаю к вам, почтеннейший Александр Львович,—писал

генерал-губернатор Тучков 26-го июня 1862 года генералу Потапову,—бывшего секретного агента Михайлу Шипова со всеми показаниями, сделанными им по известному вам делу графа Льва Толстого. Хотя Шипов есть такого рода личность, на которую полагаться совершенно нельзя, но важность показаний его требует особенного внимания».

Несмотря на предупреждение Тучкова и на очевидную вздорность сообщений Шипова, III Отделение, само бывшее о нем весьма нелестного мнения, решило все-таки произвести по его доносам особое исследование. Через неделю, 2-го июля, жандармский полковник Дурново получил от князя Долгорукова предписание, которое, помимо дословного изложения шиповских измышлений, гласило: «Находя по настоящим обстоятельствам сведения эти важными и признавая необходимым удостовериться, в какой степени оные справедливы, я предписываю вашему высокоблагородию отправиться в Тульскую и потом, если окажется нужным, в Курскую губернии и сделать надлежащее дознание по сему предмету».

Полковник Дурново начал исполнение данного ему поручения с производства обысков в Ясной Поляне, которые были сделаны (в отсутствие Толстого) с подобающей помпой и продолжались целых два дня. Результат экспедиции не оправдал ожиданий: самый «тщательный и всесторонний» осмотр всего имения обнаружил только... полную лживость донесений Шипова.

Вернувшись в Петербург, полковник Дурново представил шефу рапорт о своей поездке. Он доложил, что в Ясной Поляне проживают только 9 молодых людей, при чем «все они имели свидетельство на жительство», ни у кого из них «предосудительного не оказалось». Лишь у студента Фон-Боля, управляющего имением, обнаружили выписку из № 11 журнала «Колокол».

В школах также, «кроме общеупотребительных учебных материалов и книг, ничего не найдено». Также «в доме графа Толстого, устроенном весьма просто, не оказалось ни потайных дверей и лестниц, ни литографских камней и телеграфа». В бумагах Толстого нашлось лишь несколько писем 1856 года от Тургенева (писателя), по которым «можно было судить, что он находился в коротких отношениях с Герценом. Кроме того, при просмотре корреспонденции выяснилось, что в одном из собственноручных писем (от 25 января 1862 года, к Сердобольскому) Толстой жаловался на жившего у него студента Соколова, осуждая его за то, что любит заниматься литографией, слушает бредни Герцена, но делом не занимается».

В заключение Дурново пишет, что «с посторонними граф Толстой держит себя очень гордо и вообще восстановил против себя помещиков, так как, будучи прежде посредником, он оказывал особое пристрастие в пользу крестьян», обращение с которыми у графа «чрезвычайно просто, а с мальчиками, учащимися в школах, даже дружеское».

III Отделение потерпело полное фиаско. Оно чувствовало себя так неловко, что не решилось даже полностью доложить содержание рапорта полковника Дурново,—князь Долгоруков просто пометил: «Выписку из этого донесения я отправил государю императору 17-го июля».

Но на этом история не кончилась: Л. Н. Толстой не захотел отнестись безучастно к учиненному над ним произволу и обратился с жалобой к самому государю. Письмо, которое он послал по этому поводу императору Александру II, является настолько характерным для настроений Толстого того времени, что стоит привести его целиком. Толстой писал:

«Ваше величество. 6-го июня жандармский штаб-офицер в сопровождении земских властей приехал во время моего отсутствия в мое имение. В доме моем жили во время вакации мои гости: студенты, сельские учителя мирового участка, которым я управлял, моя тетка и сестра моя. Жандармский офицер об'явил учителям, что они арестованы, потребовал их вещи и бумаги. Обыск продолжался два дня, обысканы были: школа, подвалы и кладовая, ничего подозрительного, по словам жандармского офицера, не было найдено.

Кроме оскорбления, нанесенного моим гостям, найдено было нужным нанести то же оскорбление мне, моей тетке и моей сестре. Жандармский офицер пошел обыскивать мой кабинет, в то время спальню моей сестры. На вопрос о том, на каком основании он поступает таким образом, жандармский офицер об'явил словесно, что он действует по высочайшему повелению. Присутствие сопровождавших жандармских солдат и чиновников подтверждало его слова. Чиновники явились в спальню сестры, не оставили ни одной переписки, ни одного дневника непрочитанными и, уезжая, об'явили моим гостям и семейству, что они свободны, и что ничего подозрительного не было найдено. Следовательно, они были и наши судьи, и от них зависело об'явить нас подозрительными и несвободными. Жандармский офицер прибавил, однако, что от'езд его еще не должен окончательно успокаивать нас, он сказал:«каждый день мы можем приехать».

Я считаю недостойным уверять ваше величество в незаслуженности нанесенного мне оскорбления. Все мое прошедшее, мои связи, моя открытая для всех деятельность по службе и народному образованию и, наконец, журнал, в котором выражены все мои задушевные убеждения, могли бы без употребления мер, разрушающих счастие и спокойствие людей, доказать каждому интересующемуся мною, что я не мог быть заговорщиком, составителем прокламаций, убийцей или поджигателем. Кроме оскорбления, подозрения в преступлении, кроме посрамления во мнении общества и того чувства вечной угрозы, под которой я присужден жить и действовать,—посещение это совсем уронило меня во мнении народа, ко-

торым я дорожил, которого заслуживал годами, и которое мне было необходимо по избранной мною деятельности—основанию народных школ.

По свойственному человеку чувству я ищу, кого бы обвинить во всем случившемся со мной. Себя я не могу обвинить: я чувствую себя более правым, чем когда бы то ни было; ложного доносчика я не знаю; чиновников, судивших и оскорблявших меня, я тоже не могу обвинять: они повторяли несколько раз, что это делается не по их воле, а по высочайшему повелению.

Для того, чтобы быть всегда правым столь же в отношении моего правительства и особы вашего величества, я не могу и не хочу этому верить. Я думаю, что не может быть волею вашего величества, чтобы безвинные были наказываемы, и чтобы правые постоянно жили под страхом оскорбления и наказания.

Для того, чтобы знать, кого упрекать во всем случившемся со мной, я решаюсь обратиться прямо к вашему величеству. Я прошу только о том, чтобы с имени вашего величества была снята возможность укоризны в несправедливости, и чтобы были ежели не наказаны, то обличены виновные в злоупотреблении этого имени.

Вашего величества верноподданный граф Лев Толстой.

22 августа 1862 года, Москва».

По поводу этого письма III Отделение представило всеподданнейший доклад, в котором имело наивность выставить причиной нанесенного Толстому «оскорбления» проживание у него студентов, занимавшихся преподаванием в школах «без ведома местного начальства».

Дело разрешилось тем, что Толстому в сентябре 1862 года объявили через тульского губернатора, что обыск в Ясной Поляне был вызван «разными неблагоприятными сведениями», и что «его величеству благоугодно, чтобы принятая мера не имела собственно для графа Толстого никаких последствий».

К этому об'явлению князь Долгоруков нашел нужным прибавить, для передачи Толстому, «что если бы он, во время пребывания полковника Дурново в Ясной Поляне, находился сам лично, то, вероятно, убедился бы, что штаб-офицеры корпуса жандармов, при всей затруднительности возлагаемых на них поручений, стараются исполнить оные с тою осмотрительностью, которая должна составлять непременное условие их звания».

О том, действовали ли с надлежащей «осмотрительностью», сами руководители штаб-офицеров, приказавшие, на основании явно вздорного доноса «простого сыщика для карманных воришек» и личности, «на которую полагаться совершенно нельзя», принять меры, нарушившие «счастье и спокойствие людей», об этом шеф жандармов благоразумно умолчал...

Последующее десятилетие жизни Толстого явилось периодом пышного расцвета его художественного творчества: появились романы «Война и Мир», «Анна Каренина».

Характер новых произведений Толстого, направление его деятельности, протекавшей за эти годы в самых строгих рамках легальности, вызвали примирительное отношение к нему со стороны «власть имущих». Последнее простиралось до того, что, когда Толстой, задумавший писать «Декабристов», пожелал осмотреть знаменитую Петропавловскую крепость, ему это охотно разрешили.

Доброжелательное отношение «начальства» к Толстому продолжалось недолго; оно сразу изменилось, как только в мировоззрении писателя наметился крутой перелом.

ТОЛСТОЙ И ПОДПОЛЬЕ. ГЕКТОГРАФ НОВОСЕЛОВА. АРЕСТ ФАЛЬБОРКА. СМЕРТЬ ДРОЖЖИНА.

Как известно, в половине 70-х годов Толстой пережил духовный кризис, который разрешился тем, что писатель сосредоточил центр своего внимания на проблемах этики и религии. С прямотой, свойственной Толстому, он стал резко трактовать вопросы морали и громко провозглашать истины, противоречившие учению господствующей церкви, что сразу поставило его в коллизию с «внешними условиями».

Новое душевное состояние Толстого впервые публично выразилось в его «Письме к Александру III» (1881 г.). Относясь вполне отрицательно к героям 1-го марта, Толстой не мог, однако, примириться и с готовившимся актом судебного возмездия. Следуя своим основным убеждениям, он возвысил свой голос против смертной казни. Обращение его осталось гласом вопиющего в пустыне.

Два года спустя Толстой решил опубликовать первый свой философский опыт «Исповедь», написанную еще в 1879 году; она должна была появиться в журнале «Русская Мысль»; цензура воспротивилась этому, и статья была вырезана из готовой книжки журнала. Пришлось напечатать «Исповедь» за границей, где она вскоре и появилась в издании Элпидина. Это было первое произведение Толстого, вышедшее нелегальным путем.

В 1884 году Толстой сделал попытку опубликовать новое свое творение «В чем моя вера»; когда книжка была уже готова (в издании Маракуева), ее, по настоянию Победоносцева, конфисковали. Волей-неволей яснополянскому мудрецу пришлось уйти в «подполье».

Поклонники Толстого, которые находились среди революционеров, принялись за распространение его «запретных» сочинений, переписывая и воспроизводя их всякими способами. Так, в 1884 году появились оттиснутые в тайной московской литографии «Исповедь», «В чем моя вера», «Изложение евангелия». Потом были от-

гектографированы «Так что же нам делать», «Крейцерова соната» и прочее.

В связи с такой деятельностью последователей Толстого стали возникать и «дела». Первым крупным эпизодом в этом роде был арест в Москве М. Новоселова, принадлежавшего к кружку присяжных поверенных Оленина и Родионова. По обыску, произведенному в рождественский канун 1887 года, у Новоселова были обнаружены гектографские чернила, брошюра «Николай Палкин» и целый ряд других сочинений Толстого; в числе отобранных манускриптов были: «Что сделал Павел», «Мое решение на эти вопросы», «Размышление о жизни Иисуса», «О промысле божием вообще», «Об отношениях человека к человеку», «Критика догматического богословия», «В чем моя вера» (1).

На допросе Новоселов 29-XII 1887 г. об'яснил: «В заявлении третьего дня я употребил неверное выражение: просьбы со стороны Л. Николаевича никакой не было, а было лишь согласие и желание видеть распространенными свои последние произведения в той форме, в какой они вышли из-под его пера, чтобы публика не оставалась в заблуждении относительно его истинных мыслей». (2).

Почти одновременно с Новоселовым, 27-XII 1887 г., были арестованы В. И. Чарнолусский и Г. А. Фальборк, принадлежавшие, повидимому, к числу поклонников Толстого; у последнего из них были обнаружены брошюры «Письма В. Фрея к Толстому» и гектографированный «Каталог систематического чтения». Поводом к задержанию Фальборка послужило следующее обстоятельство: он хотел напечатать об'явление, приглашающее на панихиду по Некрасове; это ему не разрешили; он заказал в церкви Большого Вознесения (на Никитской улице) панихиду и разослал несколько приглашений на нее. Когда Фальборк явился на поминальную церемонию, полиция отправила упрямого почитателя «поэта народных слез» прямо из церкви в арестный дом, а потом выслала в г. Владимир (3).

В эпоху идейного развала 80-х годов проповедь о непротивлении злу — основная идея учений Л. Толстого — нашла себе немало последователей среди интеллигенции, в которой господствовали настроения, представлявшие к тому подходящую почву. Но было бы неправильным отожествлять проповедь Толстого с тем, что принято называть «толстовщиной», так как ученики великого писателя внесли в свою практику немало и маскарадного и утрированного; это признавал и сам их учитель. «Не даром,—пишет в своих воспоминаниях И. Толстой («Рус. Слово», 20-XI 1913 г.),—отец поговаривал про «толстовцев», что это — наиболее чуждая и непонятная для него секта».

Что касается «начальства», то оно, в первое время по крайней мере, смотрело на толстовщину очень снисходительно, учитывая мистический характер этого течения общественной мысли и видя

в нем, не без некоторого основания, противовес революционным устремлениям молодежи, которых оно так боялось.

Более серьезное внимание на толстовцев было обращено лишь в девяностых годах, когда они заинтересовались сектантами, в частности движением, возникшим в среде кавказских духоборцев.

5-го октября 1891 года по Ярославской железной дороге из Москвы отправлялась партия арестантов, в числе которых было несколько политических и три человека (Л. Вернидуба, А. Торяник и Ф. Стрижак), высылавшихся в Вологодскую губернию «за поношение православной религии». На свидание с этими лицами явились два «интеллигента, оказавшиеся Евгением Ивановичем Поповым и Павлом Ивановичем Бирюковым, известными в качестве давнишних знакомых Л. Н. Толстого». С этого времени за деятельностью помянутых лиц было учреждено наблюдение, в частности при посредстве перлюстрации их корреспонденции.

Духоборческое движение обратило на себя особое внимание правительства, так как оно было направлено против отбывания воинской повинности. Примеру сектантов стали следовать, руководясь религиозными побуждениями, и другие лица. Между прочим, отказался исполнять солдатские обязанности призванный на военную службу бывший учитель, Евдоким Никитич Дрожжин. За ряд «ослушаний» он был отдан в дисциплинарный баталион, потом его судили и приговорили к девяти годам одиночного заключения. Заболев чахоткой, Дрожжин 27-го января 1894 года умер в Воронежской тюрьме. Среди толстовцев, принимавших в судьбе Дрожжина большое участие, возникла мысль написать подробную его биографию. Об этом стало известно из письма, перлюстрированного деп-м полиции, в котором Е. Попов писал 9-VI 1894 г. П. Бирюкову: «Кто знает, что впереди, и я спешу о Дрож... Черновую работу кончу и посмимо Л. Н. и тогда займусь вегетарианством». Сообщая об этом письме московскому о. отд-нию, д-т п. прибавил, что, по имеющимся сведениям, после недавних обысков у толстовцев на Кавказе и в Екатеринославской губ. некоторые материалы были укрыты у Попова, и что приятель его Бирюков получил недавно из-за границы запрещенные издания.

Опасаясь развития антимилитаристской пропаганды, правительство решило принять свои меры. Руководители духоборцев, в том числе их глава П. В. Веригин (4), были сосланы в Сибирь. Репрессивные меры обрушились и на толстовцев, поддерживавших связи с сектантами на Кавказе и других местах. Дошла очередь и до москвичей. 18-VI 1894 г. Бирюков, находившийся в Костромской губ., был обыскан; у него обнаружили рукописи «О жизни Л. Толстого» и «Буддийский катехизис», а также книжку Ренана «Жизнь Иисуса». При составлении протокола об обыске Бирюков отказался дать письменное обязательство извещать полицию о перемене жительства, так как, заявил он, «по своим религиозным

убеждениям не нахожу нужным подчиняться требованиям должностных лиц, если считаю таковые неразумными». Самый акт об обыске Бирюков также отказался подписать, об'яснив, что он «не желает быть участником такого неразумного дела».

По обыску у Попова, произведенному 17 июня, отобрали рукописи «Жизнь и смерть Евдокима Никитича Дрожжина», «Перевод евангелия» и «Заключение к последнему отчету о помощи голодающим» Л. Толстого, а также литографированные брошюры «Учение о христианском непротивлении» (251 стр.); «Трудолюбие или торжество земледельца»; «Война», Д. Раймонда; «Предисловие к краткому изложению евангелия» Л. Толстого и несколько писем последнего.

Попов при обыске также отказался дать подписку о неотлучке из Москвы и о том, что претензии относительно порчи вещей при обыске не имеет...

Однако цель полиции не была вполне достигнута, в чем она и убедилась вскоре, ознакомившись с письмами Попова,— добытыми перлюстрационным путем,— написанными им после обыска. В одном из них — к Л. Н. Толстому — он сообщил, что «все черновики целы». Другу своему, В. Г. Черткову, он написал: «Сохранились все документы, нужные для биографии, кроме полученных за самое последнее время». И еще: «бумаги я поместил так, что они не могут быть взяты... Просить возвращения желательно было бы всего, но этого не исполнят. Третьего дня проводил в Сибирь одного штундиста. Вчера был в охранном отделении и заявил, что на три дня уеду к матери и что впредь отказываюсь давать подобные сведения». И еще, тому же Черткову: «частным образом узнал, что у меня собираются сделать обыск... Опять приходится переживать тревожные ночи»... Приятелю своему Королькову Попов написал: «Из всего у меня забранного жаль писем по этому делу, жаль, что по ним могут привлечь многих. Есть письма Коли, которого могут за это бить и убить. Уберите в сохранное место, что вы имеете. Я под следствием. Может быть, сошлют, как посмотрят в Петербурге. Главное, я не знаю, откуда все началось. А жизнь Е. Н. так хороша, что тем, которые забрали все у меня, полезно будет почитать, может быть, им стыдно сделается, что они замучили такого чистого и святого человека. У меня сохранились почти все нужные документы».

На этом недоразумения не закончились: оказалось, по сведениям д-та п., что жандармский офицер, производивший обыск у Попова, об'яснил ему, что «всему виною — дело Дрожжина и переписка о нем». Таким образом к прежней задаче — секвестру документов о Дрожжине,— оставшейся невыполненной, прибавилась новая: надо было выяснить проболтавшегося офицера.

В конце-концов д-т п. сообщил меланхолически охр-му отд-нию 12-VII 1894 г.: «Бумаги о Дрожжине не находятся в руках Попова,

а помещены им куда-то, где они не могут быть взяты, ни сгореть»...

Между тем Попов продолжал собирать материалы о Дрожжине; очевидно, на его запрос некий Скоробогатько сообщил ему: «Писем покойного у меня нет». Другой корреспондент, Д. Кореньков, писал Попову из Чернигова 28-VI: «Я друг Е. Н. Дрожжина, и трудно вспомнить минуту, в которую лишился товарища через «варваров», вынувших душу невинного раньше, чем следовало... Я был посажен в тюрьму за вывоз иконы в церковь... Ваше предложение о похождениях моих с братом и в тюрьме могу выполнить»...

В конце-концов биография Дрожжина, написанная Поповым, появилась в печати в том же 1895 году, в берлинском издании Ф. Готгейнера.

Потерпев неудачу, охрана шире раскинула перлюстрационную сеть. «Агентурные сведения» д-та п. посыпались, как из рога изобилия. Вот некоторые из них.

Разыскиваемый Антон Васильев думает вернуться в Москву; А. Анненкова озабочена тем, как его укрыть, о чем переписывается с Изюмченко и Дунаевым. Несколько позднее д-т п. сообщил: Васильев в Москве, посещает Татьяну Толстую.

Далее: Кандидов, живущий в помещении редакции «Посредника» (штаб толстовцев), пишет Бабину: «от полиции ждем обыска».

О. Коссовская в письме к И. Горбунову-Посадову (заведывающему редакцией «Посредника») просит достать брошюру «Тулон».

М. Толстая сообщает Л. Анненковой: «Папа пишет катехизис, но работа подвигается медленно, все переделывает сначала... Мы ждем чего-нибудь из-за присяги, но не призывали никого»...

Ф. Страхов пишет Попову: «Вашу статью о Дрожжине я имею поместить... На-днях собираюсь читать молоканам «Ц. Б.» — мой экземпляр читается по Урюпину нарасхват... У этих молокан три пункта помешательства: 1) боговдохновенность всей библии, 2) необходимость чудес, 3) божественность Христа... Что предпринял Л. Н. по просьбе жены Кудрявцева? Жду с нетерпением «Тулона»...

6-IX 1894 г. директор д-та п. предложил московскому охр. отделению «обратить серьезное внимание на П. Н. Шарапову и воспользоват ся первым случаем для привлечения ее к дознанию».

По сведе ям, полученным деп-м п. в марте 1895 г., М. Шопп должен был взяг у Бирюкова письмо для П. Шараповой в Женеву, но оно было сд но почтой.

Согласно тем е указаниям, Попов, Сычева и Колмогорова собираются открыть склад народной литературы; сообщая об этом, д-т п. предупредил, что разрешение на открытие такового склада выдавать не следует.

30-III 1895 г. директор д-та п. телеграфировал моск-му охр. отд. о том, что из Петербурга в Москву выехали курьерским поездом П. Бирюков и В. Чертков, за которыми следует учредить дальнейшее наблюдение...

Но этим дело и ограничилось. И в то время как провинциальные власти пошли уже походом против толстовцев (в октябре того же года, например, Эриванское губ. ж. у. возбудило дознание о кавказских духоборах и запрашивало моск. охр. отд-ние о Бирюкове, Попове, Дунаеве и Леонтьеве), в Москве, где была их штаб-квартира, на них почти не обращали внимания. И только в январе 1895 г., когда у Бирюкова в квартире проживал без прописки документа М. Шарапов, полиция составила об этом протокол. И в этом случае Бирюков остался верен себе и заявил письменно следующее: «Я отказываюсь дать об'явление полиции, так как по моим религиозным убеждениям не считаю должным как участвовать в полицейских следствиях, так и вообще принимать участие в делах правительства, как такового, считая всех людей братьями и допуская только один род отношений между людьми: любовно-разумный или, что то же, христианский».

Чтобы доказать, что в действительности между людьми существует иной «род отношений», Бердяев представил доклад, по которому Бирюкова оштрафовали на 100 рублей за нарушение обязательных постановлений...

ОБЫСК У ДУНАЕВА. АРЕСТ ТРЕГУБОВА. ВЫСЫЛКА БУЛАНЖЕ. ДЕЛО ОЗМИДОВА.

Если по отношению к Толстому и его последователям центральная власть не проявляла той активности, которая была ей свойственна в борьбе с общественностью, то это не значило, что они были оставлены без всякого внимания. «Департамент препон» был настороже и готовился к наступлению. В декабре 1895 года из Петербурга было предписано охранным учреждениям добыть изданное будто бы Поповым «Открытое письмо к обществу по поводу гонений на лиц, отказывающихся от участия в государственных насилиях». В октябре 1896 г. д-т п. потребовал доставить ему сочинение Толстого «Христианское учение», которое он, по агентурным сведениям, только что кончил и «намеревается выпустить его нелегальным путем»...

В том же году в провинции возникло несколько жандармских расследований, нити от которых протянулись к наиболее видным представителям толстовщины.

Бирюкова чуть не привлекли к дознанию, возникшему в Карской области (адрес его нашли у духоборов-постников). Павлом Буланже заинтересовались одновременно и в Эриванской губер-

нии, и в Новозыбковском уезде, куда им была послана казаку Шидловскому толстовская брошюра, и в Херсонской губернии, где он вел пропаганду среди штундистов Елисаветградского и Уманского уездов. В той же губернии возник вопрос о Трегубове (Иван Михайлович), который уже подлежал, согласно постановлению Особого совещания, высылке в г. Гольдинген, Лифляндской губернии, под гласный надзор полиции сроком на 5 лет, но во-время скрылся.

Делу Трегубова суждено было сыграть особую роль в истории толстовщины. Полиция усердно искала скрывавшегося. Агенты были командированы в имение его родственника — А. М. Трегубова при селе Лаптеве и в соседнее поместие князя Грузинского, куда наезжал в гости Л. Н. Толстой. Но Трегубов обнаружился сам собой: он написал письмо, которое было перлюстрировано, князю Илье Петровичу Накашидзе, жившему тогда в Москве, прося его поместить оставленные у него рукописи и нелегальщину у Дунаева. Этого полиции только и надо было. 30-го марта 1897 г. у Дунаева была произведена «выемка», давшая полиции крупную добычу: две корзины с документами. 8-го апреля был арестован на Кавказе и сам Трегубов.

На следующий же день после обыска Дунаев обратился к московскому обер-полицмейстеру, которым тогда был Трепов, со следующим письмом: «От друга моего Влад. Григ. Черткова слышал о вас, как о человеке, сознанию которого доступно понимание справедливого и доброго отношения к людям, что видно из того, что назначили обыск днем, вероятно, чтобы не беспокоить моих детей. Из взятого у меня мне принадлежит только одно неразрешенное к печати произведение Льва Николаевича Толстого, книги и рукописи которого для меня имеют цену моего самого дорогого состояния, как изложение мыслей человека, которому я обязан всем смыслом моей жизни. Среди рукописей много частных излечений писем и дневников Л. Николаевича, принадлежащих Влад. Григорьевичу, которых уже нельзя будет восстановить,— если можно, верните их. Это легко, если вспомните, что мы — люди, желающие осуществления одного: мира и любви на земле. Будьте уверены, что, несмотря на страдания, причиненные при вашем участии, во мне нет чувства недоброжелательности к вам».

Трепов отнесся к этому прошению формально: представил его на усмотрение департамента полиции, который оставил ходатайство «без уважения». Так погиб, благодаря несчастной случайности, ценный архив толстовцев.

Этот удар не обескуражил последователей Толстого, и они вскоре же выпустили гектографированную брошюру «Воззвание о помощи гонимым в России христианам, Л. Н. Толстого, Вл. Черткова и их друзей» (эта брошюра продавалась по 40 копеек, и сбор с нее предназначался «в пользу мучеников-христиан на Кав-

казе»; один экземпляр такого «Воззвания» был представлен московскому обер-полицмейстеру Боголеповым, бывшим тогда попечителем московского учебного округа). Чтобы покончить с толстовской «гидрой», у московской охраны возник план решительных «военных действий». Прежде чем приступить к выполнению его, московский обер-полицмейстер Трепов запросил мнение Петербурга относительно «принятия общих мер против лиц, занимающихся распространением учения Л. Толстого». На этот запрос последовал 21-го апреля 1897 года следующий весьма интересный ответ департамента полиции: «Согласно указаниям господина министра внутренних дел, надлежит придерживаться следующих мер: *оставляя в стороне самого графа Льва Толстого*,- в виду имеющихся по сему предмету высочайших указаний, следует неустанно следить за распространителями его запрещенных сочинений, и лиц, уличенных в этом, привлекать к законной ответственности»...

Но изобличать непротивленцев было дело нелегкое. Так, летом того же 1897 года П. А. Буланже поместил в газетах «Русские Ведомости», «Биржевые Ведомости» и др. горячие статьи с описанием положения духоборцев на Кавказе и с приглашением жертвовать в их пользу. Статьи произвели сильное впечатление на общество, и охрана не знала, что делать, так как придраться к автору статей было трудно. Выход был найден особенный. 28-го августа директор департамента полиции обратился к Трепову с предложением пригласить Буланже прибыть в С.-Петербург и явиться в департамент. «В случае,—писал Зволянский,—если бы Буланже почему-либо не пожелал явиться, предупредите его, что это может повлечь не вполне желательные и удобные для него последствия».

Во избежание этих «последствий», Буланже явился в департамент полиции, а результатом его петербургских переговоров было то, что, вернувшись в Москву, Буланже начал распродавать имущество и через три недели выехал за границу. Перед от'ездом он посетил Л. Толстого и несколько раз виделся с Озмидовым.

Последний служил в то время управляющим виноторговлей барона Штенгеля. Кто-то, повидимому из его сослуживцев, писал на него полиции доносы, сущность которых изложена в одной, нелишенной интереса, справке, таким образом: «Выученик известного Пашкова, отставной коллежский регистратор, Николай Лукин Озмидов, управляющий винной фирмой «Хуторок», 54 лет, принадлежит к числу закоренелых и активных рационалистов, что он сам не стесняется проявлять и гласно. Ставши, например, в 1895 году заведующим магазином, Озмидов прежде всего распорядился убрать находившиеся в его помещении иконы. Будучи в июле 1896 года вне Москвы, он прислал племяннику своему Залюбовскому проект об'явления в газетах о желании снять ком-

нату, с добавлением: «желательно попасть в семью, исповедующую учение Христа на деле, а не внешне». На ряду с торговыми делами Озмидов в отдельном помещении магазина имеет сношения и конспиративного характера. Так, 3-го сентября его посетил там только что вернувшийся из Петербурга Павел Буланже, который долго совещался с Озмидовым по поводу своего от'езда из России, при чем в разговоре они упомянули «Черткова», «200 экземпляров» и говорили: «будем печатать за границей, если здесь нельзя». Нередко в магазин приходили лица, желавшие повидать Льва Толстого, и заручались с этой целью от Озмидова рекомендательными письмами. Наконец, 21-го марта 1897 года «Хуторок» посетил и сам вышеназванный учитель, пробывший у Озмидова несколько часов... Озмидов имеет дочь в замужестве за бароном Спинглер, проживающим в имении близ станции Люботин. В декабре Озмидов отвез туда саквояж, пудов трех весом, полученный им от Павла Буланже. По имеющимся сведениям, получаемые от Буланже рукописи Озмидов, сделавши поправки, отсылал в Люботин, где, весьма вероятно, происходило воспроизведение нецензурных сочинений гр. Л. Толстого и его последователей»...

ФИЛЕРЫ И ГРАФ. ТОЛСТОВЕЦ-МИЛЛИОНЕР. «СВОБОДНОЕ СЛОВО». ИНОСТРАНЦЫ ПОД НАДЗОРОМ.

Несмотря на то, что Александр III, опасаясь, что преследование всемирно известного писателя вызовет скандал, приказал оставить Толстого «в стороне», охранники не могли успокоиться и следили за каждым его шагом. Зимой 1897 г. писатель прибыл в Петербург и сейчас же попал в шпионские сети. «Имею честь доложить,— рапортовал 8-II своему начальству полицейский надзиратель петербургской охранки Наумов,—«что, проезжая сего числа в конке по Невскому пр. от Знаменской ул., я заметил, что когда вагон остановился на раз'езде у Казанского собора, то с империала спустился известный писатель Лев Николаевич Толстой, который, войдя в вагон, возбудил в публике оживление, при чем к нему тотчас же подошли бывшие в вагоне студенты университета и в разговоре с ним просили его посетить их акт, на что граф Толстой из'явил свое согласие, при чем один из бывших в вагоне этом студентов целовал руку Льва Толстого; граф Толстой был в следующем костюме: русский дубленый ничем не крытый полушубок (в нескольких местах заплаты), подпоясан серым кушаком, в войлочной круглой шапке, брюки на выпуск и в руках палка».

Филерское наблюдение за Толстым установило в первый же день, что он имел свидание с Чертковым и Бирюковым, был у И. Г. Эрдели, остановился на жительство в квартире Адама Васильевича Олсуфьева и обедал у его родственника Александра

Вас. Олсуфьева; приехал же Толстой вместе с женой своей Софьей Андреевной и профессором Москов. ун. Н. И. Стороженко... Были получены одновременно и агентурные, сведения особенного свойства, впрочем: филер Алексей Макаров, ездивший в качестве извощика, доложил того же 8-го февраля: «Чертков и Бирюков были посажены на нашего извощика (в 8 ч. 40 м. утра), дорогой Чертков говорит Бирюкову: тебе нужно сегодня напечатать воззвание по этим двум запискам; ты заходи в Валь, его бумага лучше, но только там нужно изменить очень резко. Бирюков говорит: я напишу так: при царствовании Николая I в военную службу брали только с крестьян, с того времени прошло 50 лет и теперча берут с дворян. Затем Чертков говорит Бирюкову: ты пошли этих двух агентов, кажется, новенькой агент неспособин. Бирюков сказал: ничего—обойдется. Затем Чертков говорит Бирюкову: возьми книгу «Спелые колосья» и там посмотри, да впрочем, мы увидем графа. Чертков говорит: я с'ездию к Американским консулам, все схлопочу»...

Смиренномудрые толстовцы и не подозревали, разумеется, что извощик, которого они наняли при выходе из дому и который так назойливо предлагал им свои услуги, был агентом охранного отделения.

Наблюдение за передвижениями Толстого сопровождалось по-прежнему усиленным перлюстрационным надзором. В одном из писем Толстой писал 11-IV 1898 г. за границу кому-то из своих друзей следующее: «О вас с практической стороны я думал вот что: как я писал Ч.,* есть одно лицо, очень хорошо расположенное, но очень, и весьма естественно, по своему положению робкое, которое желает помочь деньгами изданию за границей обличительного органа и намерено дать 100 тысяч. Лицо это в Ницце. Я дал ему письмо к Ч., с тем, что если оно окончательно решится, то послало бы это письмо к Ч., открыло бы свое имя и устроило свидание. Если это устроится, то вам придется, если вы согласитесь, променять свое устраиваемое вами рабочее положение на заведывание и управление этим делом».

Месяцем позже выяснилось, что в толстовской колонии за границей (Эссекс, Англия) появился сын московского миллионера Хрисанф Николаевич Абрикосов, о котором и шла речь в цитированном выше письме Толстого. В одном из посланий к своей сестре названный юноша так описывал свои переживания того времени: «Ты знаешь мою постоянную религиозность. И вот в конце зимы я увидел, что так жить невозможно. Но в своей семье трудно жить так, как хочешь, и я решил поселиться с людьми, которые мне сочувствовали бы. И на таких людей мне указал Толстой, с которым я был знаком эту зиму. И вот я поехал в Англию, живу

---

* В. Г. Чертков—см. прим. 5.

среди людей, которые мне сочувствуют, живу, конечно, не так, как мне хочется. Было бы очень грустно, если бы я уже теперь был доволен своей жизнью. В жизни надо постоянно итти вперед».

«Обличительный орган», о котором Толстой упоминал в письме, действительно появился вскоре за границей, в Англии, где возникло, под руководством Черткова, издательство, занявшееся печатанием исключительно произведений Л. Толстого и других, имевших отношение к вопросам религиозного свободомыслия. Под редакцией П. Бирюкова, тоже переселившегося за границу, стали издаваться сборники под названием «Свободное Слово» и периодические «Листки», в качестве приложения к этому журналу.

Печатание за границей вызвало, конечно, необходимость прибегать к обычным конспирациям по водворению «нелегальных» изданий в Россию и тайным сношениям с единомышленниками, что не всегда обходилось благополучно и служило иногда для охраны средством для выяснения причастных к этим конспирациям лиц. Таким путем в число «соучастников» попал железнодорожный конторщик С. И. Переяславцев, которому писали из-за границы: «Мы давно собирались выслать вам кое-что и теперь непременно воспользуемся удобным случаем, чтобы поделиться тем, что имеем в избытке... Пишите не прямо на наш адрес, а через кого-нибудь из друзей, с пересылкой нам внутри конверта через А. Н. или П. И.»... (Последние инициалы относились, несомненно, к Бирюкову, а первые, вероятно, к Дунаеву).

Под конец завелись у толстовцев и свои «нелегальные». Один из таких, разыскиваемый департаментом полиции Иван Михайлов Клопский, занимавшийся, между прочим, сбором пожертвований на толстовскую общину в Америке, вызвал своими неумеренными конспирациями недоверчивое отношение к себе со стороны некоторых знакомых своих, как это можно было видеть из отзыва о нем (в одной из перлюстраций) писательницы М. К. Цебриковой, к которой он тоже обратился за пожертвованием.

Из других событий позднейшего времени в жизни толстовцев следует отметить еще дело «о столичных слухах о случаях отобрания полицией крестьянских детей от родителей, отвратившихся от православия, имевших место в Самарской губернии». С целью проверки сведений об этих случаях в Бузулукский уезд ездил Феодор Иванович Гучков, чем обратил на себя внимание охраны.

Затем в ноябре 1899 года был привлечен к дознанию при донском областном жандармском управлении (по 4 ч. 252 и 318 ст.ст. Улож. о нак.) толстовец Феодор Алексеевич Страхов. Кроме того, высылки на Кавказ были заменены удалением с Кавказа. Так, князю И. П. Накашидзе главноначальствующим было воспрещено жить на Кавказе «за сношение с духоборцами, расселенными административно в разных уездах Тифлисской губернии». Той же

участи и на том же основании подвергся и домашний учитель Иван Граубергер.

Как известно, Л. Н. Толстой имел много поклонников за границей, и в Ясной Поляне встречались паломники изо всех стран света. За некоторыми из таких лиц при посещении ими России тоже устанавливался «негласный надзор». Одному из близких к Толстому людей, австрийскому подданному врачу Душану Петровичу Маковицкому, одно время даже был воспрещен в'езд в империю, что, однако, не мешало ему посещать своих русских друзей. В 1897 году, например, охрана имела сведения, что Маковицкий «тайно прибыл в Москву, где имеет сношения с А. Н. Дунаевым и думает увидеться с толстовцем Николаем Ростовцевым». В 1901 году опять поступили указания, что Маковицкий «находится, вероятно, нелегально в Москве, где может укрываться у Абрикосовых, Малый Успенский переулок, собственный дом».

Не избегали надзора и другие «знатные иностранцы», имевшие дело с Толстым. В октябре 1898 года, например, учреждалось наблюдение за корреспондентом английской газеты «Times», «Джемсом Марсдэном, прибывшим с паспортом за подписью лорда Салсбюри, как бывший министр и эмиграционный агент Гавайской республики», но, повидимому, «с тайным намерением увидеться с графом Львом Толстым». Другой великобританский подданный, Артур Сен-Джон, был выслан безвозвратно из России «за предосудительные сношения с духоборцами». Еще два англичанина — А. Ф. Моод и Герберт Арчер — также находились под надзором, как почитатели Толстого.

ТОЛСТОЙ И РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ. ГЕКТОГРАФ УШАКОВА. ТОЛСТОВСКИЕ ОБЩИНЫ. РЯДОВОЙ Я. ЧАГА.

С переселением главных масс активного духоборчества в Америку, толстовцы лишились родственной среды, в которой они легко находили себе сочувствующих. С другой стороны, в это время по России покатилась волна могучего рабочего движения. Непротивленцы, всегда тяготевшие к народу, старались не оставаться безучастными зрителями новых явлений. Упомянутый выше Абрикосов, вернувшийся к 1900 году в Россию, искал, повидимому, сближения с пролетарской средой. «Кроме того, что у Льва Николаевича,—говорит он в одном письме,—мы собираемся еще два раза в месяц в двух других местах. В нашем кружке есть и крестьяне и рабочие, но дух всех об'единяет». Сам Толстой не прочь был побеседовать с представителями новых течений, заглядывавшими к нему в имение. «Тут были,—сообщает Лев Николаевич своей жене из Ясной Поляны,—два поразительных по уму и серьезности молодых рабочих из Москвы». Несомненно, дух времени коснулся Тол-

стого, и он стал искать связей с «низами». Например, в октябре 1898 года д-ту п. сделалось известным, что Лев Толстой занят установлением сношений с тюремным населением для распространения среди него своего учения, в чем ему помогают В. А. Маклаков, посетивший с этой целью Таганскую тюрьму, и председатель тульского окружного суда Давыдов. Одновременно выяснилось, что Маклаков имеет для Толстого 10.000 рублей, но не знает, что с ними делать. По этому поводу Толстой писал: «Очень порадовали меня хорошим известием. Деньги переведите в тульское отделение Международного банка. Скажите Дунаеву, кто жертвователь. Хотел бы поблагодарить его. Послал к вам клиента... Хорошо бы защитить и обличить завод»... (Речь шла о рабочих Гилевского завода, осужденных за стачку).

Некоторые из толстовцев позднейшей формации не были чужды и социал-демократическим тенденциям. В феврале 1900 года несколько таких толстовцев попали в общую ликвидацию рабочего кружка. Из откровенных об'яснений одного из них, Ф. Ушакова, видно, что они одинаково охотно пользовались изданиями и толстовскими и социалистическими. В показаниях Ушакова содержатся некоторые сведения, касающиеся самого Толстого, и мы приведем поэтому из них выдержки.

«Сборник действительно мной издан,—показывает Ушаков,—вместе с Зоновым, в числе 35-ти экземпляров, из которых большее число мы с Зоновым передали Л. Н. Толстому. В сборник вошли произведения Толстого: «Голод или не голод», «Карфаген разрушен», передовая статья голландского журнала «Мир» и какие-то два или три письма Л. Н. Толстого, которых не помню. Сборник назывался «Братское Слово». Нелегальную литературу я получил от следующих лиц: А. О. Зонова — 1) «Свободное Слово», сборник, что он достал от Л. Н. Толстого, 2) «Современная Россия», 3) «Сон под первое мая», 4) журнал «Первое мая», 5) «Работник». Кроме того, я от Зонова получил «Листок Свободного Слова» № 1 и 2, которые ему прислал В. Г. Чертков из Лондона. От Овсяникова, Дмитрия Александровича—1) «Фабричный Закон», 2) «Закон 2-го июня», про которые раньше сказал, что получил от Бирюкова. От Л. Н. Толстого, кроме указанных раньше—«Биографию Дрожжина». От князя Накашидзе, Ильи Петровича — № 1-й «Свободной Мысли». Эту брошюру, как и все, которые получал от Зонова и Л. Н. Толстого, я носил читать Александру Ивановичу Архангельскому. От Кутелевой — «Листок Свободного Слова»... Кроме того, от Хрисанфа Николаевича Абрикосова мы с Зоновым получили «Листок Свободного Слова», который он получил от В. Г. Черткова из Лондона. Абрикосова к нам с Зоновым привез в декабре н. г. кн. И. П. Накашидзе. Знакомство с ним нас, между прочим, интересовало потому, что он был за границей, жил близко от Черткова, жил в Швейцарии у Бирюкова и, следо-

вательно, мог нам сообщить о жизни этих лиц, которые нас интересуют»...

Увлечение идеями Л. Н. Толстого вызвало в свое время образование нескольких общин для «упрощенной» жизни, ближе к природе (6). Коммуны эти не отличались долговечностью. Причин тому было много, главным образом — психологических. Довольно рельефно описывает, вскрывая отчасти эти причины, переживания свои один из таких общинников (из с. Маргаритовки, Донской области) в письме к Л. Н. Толстому в 1903 году.

«Много тяжелого, беспросветного, не дающего ни минуты времени одуматься, преподнесла жизнь на новом месте, так что положительно не могу дать себе отчета, где причина происходящей неурядицы, и чем отвратить это гнетущее положение.

Прошлым летом приехали сначала пять семей, построили сообща, помогая друг другу, три хаты, в которых зимовали. Население враждебно относилось к нам. Попы проповедывали против нас, с тремя из них (попами), назначенными к нам миссионерами, случайно пришлось встретиться и разговаривать; после этих разговоров они не пожелали ехать с миссией на хутор.

Вся прошлая зима прошла в добывании денег на пахоту, заготовке семян и переписке с будущими поселенцами, разбросанными по России и Кавказу. В продолжение зимы и весной с'ехались все «братья» (какое горькое чувство вызывает во мне слово «брат» и «любовь»). Всех собралось 20 семей, 133 души обоего пола. Народ все сектанты, из молокан четыре семьи, баптистов 3 семьи, штундисты, оставившие обманы своих сект и свободно, многие очень глубоко понимающие жизнь. Все на своем веку потерпели гонение, были биты, сидели по тюрьмам, некоторые были в ссылке. Я еще раз в жизни поверил в людей и не мог им не верить и не любить их. Радовался, что, наконец, они могут спокойно жить и проводить на деле в жизнь свои мечты о братской жизни. На деле же получился какой-то кошмар. Освободившись от всевозможных суеверий и почувствовав себя собственниками ценной земли, многие начали мелкими интригами, сплетнями, клеветой и разными вымыслами создавать такую неурядицу, что в конце-концов заявили, что нарушают свой частный договор о том, что землю продавать — грех. Трое уже продали кулакам свои паи, а теперь еще несколько собираются продавать. Сколько ни боремся против такого корыстолюбия — ничто не помогло. Получилось враждебное отношение ко мне. Замечательно, что каждый собирающийся продавать и осуждавший раньше продавших слово в слово повторяет те же причины своего ухода: что он не может жить с такими сквернымы людьми. На постройку и обзаведение пришлось большинству занять под залог земли, при чем, благодаря недоверию друг к другу, заняли не в банке все вместе, а у частных лиц, каждый отдельно. Летом украли у нас 6 лоша-

дей и недавно еще двух. Купившие землю кулаки самовольничают, и по всему видно, что хотят сделать для нас жизнь, невозможную без суда, полиции и всяких скандалов. Наши же поселяне не могут единодушно действовать: некоторые за ограждение своих прав судом, другие за непротивление до последней крайности...

Хуже всего в нашей жизни для меня то, что я потерял веру в людей... Я хорошо понимаю, что, разрушив всевозможный обман церкви и государства, человек берет на себя трудную задачу жить новой жизнью. Вот эта-то задача жизненных отношений на новых основаниях и оказалась не по силам нашим братьям потому, что внутренний человек, каждой отдельной личностью, не сдерживаемый внешней силой обряда и права, проявляет себя только на почве эгоизма и гордости... Невольно приходишь к мысли, что самое лучшее—это жить совершенно одному, не касаясь никаких общественных дел»...

Тот же корреспондент рассказывает еще: «Яков Чага, давший нашему хутору землю, в феврале был призван на службу. Он отказывался от присяги—нашли возможным служить и без присяги; он заявил, что не будет убивать людей—ему сказали, что дадут мирную должность при канцелярии или больнице, только для формальности он должен быть месяца три на фронте. Думаю, что он по просьбе жены согласился. При изучении солдатской словесности, на вопрос: «Что ты сделаешь с арестантом, если он у тебя бежит из тюрьмы?», он при всей роте ответил: «Скажу, беги из этого проклятого места скорее». Отправили на гауптвахту. На батальонной стрельбе, попав хорошо в мишень, удостоился от камандира похвалы: «Чага, хорошо». Молчит. «Чага, хорошо». Молчит. Фельдфебель подскакивает и подсказывает: «Отвечай: рад стараться» и т. д. После третьего «Чага, хорошо», он отвечает: «Ничего хорошего во всем этом нет». Опять гауптвахта. Потом назначают в канцелярию, а через две недели — административным распоряжением в гражданскую тюрьму, где просидел пять месяцев, и теперь высылается в Якутскую область на распоряжение губернатора. Два раза видел его в Пятигорской тюрьме. Бодрый духом, он побледнел и мучается за семью, которая следует за ним в ссылку и уже поехала в Иркутск»...

Умер Толстой. Изжила себя толстовщина.

ГЛАВА VI.

Провокатор Гурович. — Охрана транспортирует нелегальщину. — «На край света»—дело Войнаральского.—Зубатов содействует побегу Махновца.—Аресты Ногина и Теплова.—«Сотрудник в квадрате».—Журнал «Начало».—Типография в Козлове.—Гурович—чиновник охраны.

ПРОВОКАТОР ГУРОВИЧ.

В X главе I части моей настоящей работы я упомянул о появлении в 1895 году на агентурном горизонте звезды первой величины — провокатора Гуровича. При каких обстоятельствах произошло обращение революционного Павла в охранного Савла,—мне в точности неизвестно. Во всяком случае, как мы уже и видели, провокационная роль Гуровича обнаруживается с самого начала второй половины девяностых годов: он довел до самоубийства Рыкачева (1896 г.), дал нити к розыску народовольческой типографии («Лахтинской»), выдал кружок Оленина, «освещал» «Рабочий союз» («дело Орлова»), «обслуживал» писателя Богучарского-Яковлева и т. д.

Под руководством Зубатова Гурович так «разработался», что д-т полиции, жаловавшийся на слабость агентуры петербургской охранки, пожелал взять его в свое непосредственное ведение; если не ошибаюсь, с 1899 г. Гурович уже находился в северной столице, где сумел занять выгодную позицию в соответствующей среде, и благодаря его доносам, как мы увидим далее, пострадало много лиц (1).

Пользуясь своей интимной близостью к помещице Воейковой, женщине состоятельной, Гурович разыгрывал из себя человека зажиточного, горячо сочувствующего революционерам и готового притти к ним всегда на помощь в трудную минуту. Конечно, денежная помощь, которую он оказывал «товарищам», покрывалась из сумм, отпускавшихся Зубатову на секретную агентуру.

Естественно, что революционеры, всегда нуждавшиеся в денежных средствах, часто заглядывали к «доброжелателю», в особенности перед тем, как им предстояло совершить какое-нибудь деловое турне. Так, например, 19-II 1896 г. Гуровича посетил в Москве его хороший знакомый В. П. Махновец (литературный

псевдоним «Акимов»); на следующий день о. о. уже сообщало, за № 459, д-ту п., что он «едет в Орел, Киев и Харьков для организации бюро и установления связей с заграницей; на обратном пути он заедет в Ряжск, куда к этому времени, приблизительно ко вторнику 28 февраля, приедет один из воронежских поднадзорных, имеющих в тех же целях совершить поездку по Поволжью. Ему будет передано Махновцем письмо Яковлева к Лидии Петровне *... о доставлении в Смоленск заготовленного ею литературного материала для типографии. О том, что будет сделано Махновцем и названным поднадзорным, ими лично будет сообщено Москве» — т.-е. Гуровичу.

В том же году «Приятель» дал наблюдению одного из уцелевших членов петербургской народовольческой группы — Телятинского, который, прибыв 18-V в Москву, не замедлил посетить Гуровича, после чего отправился,— разумеется, уже в сопровождении филеров,— в круговую поездку: г. Тверь, Одессу, в Тамбовскую губ., где в имении старой революционерки Дьяковой ютились тогда «неблагонадежные элементы» (В. Иваньшин и др.).

ОХРАНКА ТРАНСПОРТИРУЕТ НЕЛЕГАЛЬЩИНУ.

Услуги, которые оказывал Гурович «товарищам»-революционерам, носили иногда совсем исключительный характер; вот, например, дело, в котором шпионские таланты и провокаторская наглость «Приятеля» проявились с наибольшей яркостью.

В 1896 г. к Зубатову стала поступать замысловатая корреспонденция из-за границы (написанная точками под буквами в тексте разных специальных немецких журналов), ключом к которой служила одна из страниц биографии Добролюбова (павленковского издания); эти письма дешифрировались в о. о. и тут же иногда составлялись, в зависимости от их содержания, ответы; переписка эта касалась преимущественно транспортирования нелегальных изданий; по одному из таких уведомлений (от 10-X) был командирован в пограничное местечко Милево (Щучинского уезда) чиновник о. о., который, располагая паролями, заимствованными из дешифрированной переписки, получил у контрабандистов Милевского и Вослава несколько фунтов нелегальной литературы, большая часть которой была затем передана Зубатовым «по назначению».

После того, как этот путь был обследован, Зубатов, пользуясь той же конспиративной перепиской, вызвал из-за границы самого организатора переправы — А. Пескина; последний 26-II 1897 г. приехал в Екатеринослав, где встретился с «доверенным лицом»,

---

* Л. П. Махновец.—Л. М.

каковым в действительности был агент о. отделения, фигурировавший под фамилией Дьякова; последнему Пескин рассказал о новой системе транспортирования нелегальщины в двудонных чемоданах и передал до 500 экз. изданий фонда В. Р. П., перевезенных им таким образом. Вскоре после того Пескин был арестован и привлечен к дознанию.

Правда, другой цели — заманить тем же путем в Россию серьезного эмигранта Егора Лазарева — достигнуть Зубатову не удалось, но все же он мог похвалиться, что революционеры долгое время сносились друг с другом через о. о. и, несмотря на все «трех'-этажные» предосторожности, сами выдали ему свои экспедиционные секреты.

И все это было создано простой любезностью Гуровича, услужливо предложившего Н. Н. Фрелиху, который и был инициатором выписки нелегальной литературы, «нейтральный» (свой) адрес сношений с заграничными товарищами...

Хотя за время своего пребывания в Сибири Гурович и не пользовался хорошей репутацией (как о том свидетельствует, например, Майнов-«Саратовец» в своих воспоминаниях, опубликованных в «Былом»), но это не мешало все же некоторым его товарищам по ссылке обращаться к нему за помощью и содействием. Один такой случай, как мы увидим ниже, готов был разыграться в крупное дело.

Но счастье на этот раз изменило департаментскому «Приятелю», и его шпионская махинация кончилась «в ничью».

«НА КРАЙ СВЕТА» — ДЕЛО П. И. ВОЙНАРАЛЬСКОГО.

С. А. Венгеров в своей статье о Достоевском горячо отзывается о движении семидесятых годов и под конец высказывает надежду на то, «что со временем отчетливое представление об идеализме тех лет, подкрепленное длинным списком почти фантастических фактов, длинною вереницей имен людей, мало чем уступающих нравственною силою первым христианам, вырисуется под пером добросовестного исследователя во всем своем строгом величии».

В движении семидесятых годов принимало участие много людей с четко выраженной индивидуальностью, людей крупных, обладавших широким умственным кругозором, высоким моральным уровнем и непреклонной волей. Имена этих людей, несомненно, привлекут внимание пытливых историков. И в ряду замечательных деятелей этой эпохи займет почетное место Порфирий Иванович Войнаральский. Жизнь этого старого народника так богата содержанием, а финал ее столь трагичен, что памяти этого редкого человека стоит уделить несколько больше внимания.

Личность Войнаральского многим из читателей, вероятно, совсем незнакома; внешнюю сторону событий, сопровождавших его деятельность, можно найти в одной официальной «справке», которую я привожу в примечании (2).

Но полицейский «формуляр» Войнаральского не дает полной характеристики его деятельности, и я пополню этот пробел ссылкой на свидетельство некоторых активных участников движения той знаменательной эпохи.

Еще будучи студентом Московского университета, Войнаральский примыкал к группе, сделавшейся известной впоследствии под именем «каракозовцев». После возвращения из ссылки на Север он решил поступить в Петербургский университет. В это время Войнаральский еще не был настроен революционно. По крайней мере, во время свиданий, которые он имел, будучи проездом в Москве, с Фроленко и Селивановым, последним приходилось его убеждать в том, что «знаний довольно, их следует нести в массы», и что «надо народ поднять до себя». Однако, попав в горячую атмосферу петербургского кружка «чайковцев», Войнаральский быстро изменил свое намерение доучиваться и, как человек решительный, немедленно перешел к практическому осуществлению намеченных целей. Вернувшись в Москву, он, по свидетельству его современника А. О. Лукашевича, сразу сделался «одной из центральных фигур» местных кружков.

Войнаральский, как говорит про него один из ближайших его сотрудников, «не умел отдаваться захватившему его делу напсловину». Раз он вступил на революционный путь, он отдавал все свои силы и материальные средства революции. Его личное состояние, доходившее до 40 тысяч рублей, было достоянием революции... По природе своего ума Войнаральский не был теоретиком. Обладая ясным умом, он быстро усваивал сущность всякой новой идеи или нового учения, но его более всего интересовала практическая сторона дела... В среде интеллигенции он устраивал мастерские, типографии, агентуры, в народе — лавочки, постоялые дворы и всякие притоны для пропагандистов. Сетью таких связанных между собой пунктов он мечтал покрыть район Поволжья, куда он перенес свою деятельность *.

Какие глубокие следы оставляла проповедь Войнаральского и его друзей, каким обаянием пользовались они, можно видеть из признаний людей того поколения. Автор статьи о П. С. Поливанове **, рассказывая о жизни в Саратове Рогачева, Войнаральского и др., говорит: «Недолгое пребывание этих агитаторов в городе оставило в тех, кто их знал, яркие воспоминания... В серой и обыденной жизни провинциального города с его обывательской

---

* «Старик». «Движение семидесятых годов». «Былое», XI. 1906 г.
** «Саратовец». «Саратовский семидесятник». «Мин. годы», I. 1908 г.

средой, в то время совершенно безыдейной и сонной, эти люди промелькнули какими-то метеорами, залетевшими из совершенно иного мира и открывшими проблеск в этот новый мир. Казалось тем, кто их встречал, что раньше шли все каким-то унылым и вязким путем, не зная куда и зачем, только потому, что так велят, и вдруг эти люди точно пелену какую-то сорвали с глаз и взвели за собой на высокую гору, откуда открылся безграничный простор действительной жизни, борьбы и упований человечества»... «Традиция кружка Войнаральского-Ковалика,—пишет тоже «семидесятник» Н. А. Виташевский *,—остались для меня руководящими на всю жизнь»...

Известно, чем закончилось «хождение в народ». Правительство обрушилось всей тяжестью своих материальных сил на проповедников новых идей, и вскоре же многие из деревенских пропагандистов оказались в его руках. Пионер движения — Войнаральский — знал, конечно, что его ждет. Организация рушилась, отчаянная попытка восстановить ее потерпела неудачу; его самого задержали сельские власти и только по недоразумению отпустили.

Что же сделал Войнаральский? Поспешил ли он скрыться? Думал ли он о себе, о той опасности, которая над ним уже нависла? Понимая, что свободной деятельности близок конец, Войнаральский был озабочен лишь одним: как-нибудь обеспечить продолжение начатого дела. С этой целью он составил «завещание»; черновик у него отобрали при втором, окончательном аресте. Документ этот краток, но говорит много. Вот что Войнаральский писал в нем: «Деревня Грязнухи, Ставропольского уезда. Сейчас меня арестовали. Убедительно прошу Каменского (в Пензе) и других все мои деньги употребить на народное дело и выдавать тому, кто предъявит этот шифр. Это мое последнее завещание. Работайте же энергичнее по нашему делу. Друг Порфирий. 21-го июня 1874 года»...

Разгром народнического движения, вызвавший повсеместные аресты (до 2000 человек), завершился, как известно, небывало крупным политическим процессом. Прокурорский надзор первоначально предполагал привлечь к ответственности 265 человек. Из намеченных жертв, однако, 17 скрылось от преследования, 14 умерло, 7 сошло с ума и три покончили самоубийством. В конце-концов число обвиняемых свелось к цифре 193.

Так называемый «Большой процесс», разыгравшийся 40 лет тому назад, является крупным историческим событием. Один деятель той эпохи, народоволец М. П. Попов, полагает даже, что «Дело 193-х» в ряду реакционных мер правительства «имело, может быть, наибольшее значение в решении судьбы Александра II **. С. Л. Чудновский, один из обвинявшихся по «Делу 193-х», совершенно

---

* «Централка». Из воспоминаний. «Былое», VII. 1906 г.
** «К биографии Ипполита Никитича Мышкина». «Былое», II. 1906 г.

правильно отмечает исключительное значение этого процесса. По поводу сравнения, сделанного одной английской газетой, «Выборгского» процесса с «Делом 193-х», он пишет, между прочим: «Если поведение «выборжцев» на суде было в высшей степени достойное, а самый процесс можно, бесспорно, назвать историческим, то Волоховский, Войнаральский, Ковалик, Мышкин, Муравский и другие их товарищи должны занять в истории русского освободительного движения еще более почетные страницы»...*

Почти четырехлетнее предварительное заключение в тюрьме нисколько не повлияло на живой темперамент Войнаральского: на суде он явился «душою» бойкотистской тактики, отказавшись отвечать на вопросы и участвовать в судебном разбирательстве, которое велось крайне пристрастно; вместе с другими «главарями» он во все время процесса занимал почетное место на «Голгофе» — эстраде, отведенной специально для «протестантов».

Суд, разумеется, учел если и не юридические улики, имевшиеся против Войнаральского, то психику его боевой натуры, и назначил ему высшую меру наказания: 10 лет каторжных работ. Войнаральский был лишен признания смягчающих вину обстоятельств; более того: повелено было держать его в оковах...

Но и за решеткой активная натура Войнаральского не успокоилась. Еще до суда он надумал вырваться на волю. Неудача в самом начале первой попытки не остановила его. Он сумел «спропагандировать» кой-кого из тюремной стражи и в одну прекрасную ночь оставил вместе с Ковaликом слишком гостеприимные стены «Предварилки» (с воли им помогали покойный писатель Г. А. Мачтет и О. М. Габель). Беглецы уже были за тюремной оградой и садились на извозчика, когда были замечены «возвращавшимся навеселе из клуба» инженером Чечулиным, который поднял тревогу, и арестанты были задержаны (интересно: сам Чечулин сидел когда-то в крепости по политическому делу).

Злой рок преследовал Войнаральского и далее. Когда разразился суровый приговор, товарищи жертв судебной расправы решили освободить некоторых, более видных осужденных, воспользовавшись моментом пересылки их в каторжные тюрьмы. С этой целью было установлено наблюдение за перевозкой арестантов, были заняты конспиративные квартиры (в одной из них роль хозяйки исполняла известная С. Перовская), подобраны люди, куплены лошади и экипажи. Когда Войнаральского везли из Харькова в Ново-Борисоглебскую тюрьму, четверо заговорщиков напали на конвой, но, как это часто бывает, в решительный момент растерялись: убив одного из жандармов, сопровождавших Войнаральского, они не сумели сдержать лошадей повозки, в ко-

---

* «Из дальних лет». «Мин. Годы». V-VI. 1908 г.

торой он находился, и оставшийся в живых конвойный умчался с арестантом... *

Потянулись томительные годы мертвящего прозябания в душных сырых казематах. И в этой обстановке Войнаральский не упал духом, его деятельная натура и здесь нашла себе работу: в Белогородской, Мценской и других тюрьмах он ведет хозяйственные дела арестантов, улаживает недоразумения, об'ясняется с начальством. В Иркутске он проявляет «особую энергию», требуя скорейшей отправки товарищей на Кару. Здесь, на каторге, Войнаральского тоже выбирают старостой: он «столп тюрьмы», по отзыву флигель-ад'ютанта Норда (см. «справку»—(²)).

В 1884 году Войнаральский увидел, наконец, свет божий, хотя и самый гиблый уголок его — Верхоянский улус, близ северного полярного круга. Бодрость не покидает Войнаральского и тут: живя в юрте, как простой якут, он занимается и мыловарением, и адвокатурой, и разведением ячменя.

Семь лет спустя Войнаральскому разрешили переселиться в Якутск. Здесь он пробовал организовать торговое дело. Но, говорят: «не обманешь—не продашь». «Политики» придерживаться этого правила, конечно, не могли, и немудрено, что Войнаральскому скоро пришлось сесть на казенный паек с семьей из пяти душ (он женился в Сибири на инородке Февралии Гуляевой). Тогда он уехал в Алдан (северная часть Якутской области), где стал заниматься земледелием, производил агрономические опыты, писал статьи в журнале «Сельское Хозяйство и Лесоводство»...

Наконец, в 1897 году, после двадцати трех лет тюрьмы, каторги и ссылки, Войнаральский получил право вернуться в Европейскую Россию, понятно, под надзор полиции и с ограничением в правах жительства относительно некоторых городов. Несмотря на пережитые невзгоды, расшатанное здоровье и шестой десяток лет, Войнаральский, едва перед ним забрезжил огонек желанной свободы, переживает «вторую молодость». Могучий духом, верный своим убеждениям, он едет на родину не на покой, не для отдыха, а за тем, чтобы снова ринуться в борьбу.

Удары неумолимой судьбы преследовали Войнаральского до конца. Отправившись, за отсутствием средств, в далекий путь один, он на полпути узнает о смерти жены и о том, что дети его принуждены искать приюта у добрых людей. Войнаральский утешается несколько надеждой на свидание с любимой дочерью (от первого брака), уже взрослой девушкой; он мечтает о совместной работе с ней. Новые неудачи постигают Войнаральского: семья, воспитывавшая его дочь, принадлежала к другому лагерю, встречает ста-

---

* Подробно эта история описана в листке «Земля и Воля», № 4, 20-II 1879 г.—Л. М.

рика холодно, а сама «барышня» не обнаруживает никакого желания видеть отца...

Несмотря на тяжкие личные переживания, Войнаральский с удвоенной энергией взялся осуществлять свои планы: раз'езжая по городам, он собирал молодежь, старался воодушевить ее, организовать, об'единить. И здесь Войнаральского ждало самое тяжелое разочарование: новое поколение слушало его, принимало тепло, но итти за ним не хотело,—оно, воспринявшее идеи марксизма, уже не в состоянии было проникнуться лозунгами старого семидесятника.

Железная натура Войнаральского не выдержала наконец; нервный под'ем, чрезмерное духовное напряжение израсходовали остатки его физических сил, и, разбитый параличом, он сошел в могилу...

Бывают положения, при которых нельзя не благодарить провидение за то, что смерть поспешила к своей жертве. Как это ни парадоксально, но можно только радоваться тому, что Войнаральский не жил дольше. Его прекрасное сердце перестало биться, не ощутив в своей глубине того яда, который убивает душу. Он ушел из мира сего, не узнав тайны, которая, несомненно, отравила бы последние моменты его чистой, подвижнической жизни.

Чтобы быть понятным, я должен открыть перед читателями последнюю страницу биографии Войнаральского. Для этого мы опять обратимся к тексту официальных документов, которые я приведу полностью. Они говорят сами за себя.

Вот копии телеграмм, подлинники которых лежат передо мной:

1) «Петербург. Рыночная, четыре. Семякину (з) (а) Дополняю письмо. Войнаральский адепт программы Вознесенского, (б) отобранной у Сыцянко (б). Энергии в нем меры нет. Из'ездив треть России в два месяца, пытался организовать всю революционную наличность, повторяя попытку народоправца Натансона. (в) Скорым выехал Питер, торопясь к ожидающим. Пробудет три дня, потом во Псков, Смоленск, Москву, Тулу, Орел, снова Воронеж и опять на юг. Всюду раз'езжает без хвоста. (г) Заметит—провалимся. (д) Пирамидову (е) телеграфировано. Жду распоряжений о порядке наблюдений. Зубатов, № 1978. 14-го декабря 1897 года. 2 часа утра».

2) «Войнаральский Питера пишет: «Москву не заеду, задерживают семейные дела. Надеюсь видеться месяца через два». Посылать ли людей Смоленск, Псков? Пишу. Зубатов. 20-го декабря 1897 года».

На эти депеши д-т полиции ответил 27-го января 1898 года начальнику моск. о. отд. следующее: «Господин директор приказал при первой возможности (через «Приятеля») выяснить: 1) что делал, где останавливался и с кем виделся Войнаральский в последний свой приезд в С.-Петербург; 2) где он находился с 14-го декабря по 15-ое января; 3) откуда берет средства».

8-го февраля того же года Медников, заведывавший наружным наблюдением московского охр. о., телеграфировал Ратаеву (ж): «Войнаральский был Туле, Саратове, Пензе, Самаре и Уфе. Находится Златоусте с билетом Челябинск».

Эта депеша вызывает следующую реплику департамента полиции: «Директор приказал: не упускать из виду Войнаральского, сопровождать его хотя на край света. 9-го февраля 1898 г.»

В апреле того же года Зубатов пишет Семякину: «Войнаральский болен прогрессивным параличом и переехал с Тихоцкой (з) в Купянск, дом Сошальской, Харьковская улица».

Эпилогом истории является сообщение д-ту п. о том, что «Войнаральский 18-го июля 1898 г. умер в Купянске и 19-го похоронен там же на кладбище»...

Филеры Медникова добросовестно исполнили директорское приказание: они тащились, как тени, за Войнаральским не только «на край света», но сопроводили его даже «на тот свет». Тем не менее таким исходом «наблюдений» начальство не было довольно: «на мази» у него было крупное предприятие, сулившее всероссийскую «ликвидацию» и соответствующие «лавры» победителям. Дело находилось в верных руках: «Приятель»-Гурович, к которому по знакомству в ссылке доверчиво обратился, прибыв из Сибири, Войнаральский, уж не выпустил бы из своих сетей лакомой добычи...

И вдруг—сорвалось!.. Я не ошибусь, если скажу, что одним из первых, кто искренно и глубоко пожалел о преждевременной смерти Войнаральского, был... Зубатов. Человек, энергии которого «меры нет», жестоко обманул провокационные замыслы пресловутого охранника, во-время удалившись от «приятельских» об'ятий... в пределы безусловной недосягаемости.

ЗУБАТОВ СОДЕЙСТВУЕТ ПОБЕГУ МАХНОВЦА.—АРЕСТЫ НОГИНА И ТЕПЛОВА.

Весной того же 1898 года Гурович мог доставить московскому о. о. удовольствие задержать нелегального В. Махновца, только что бежавшего из Сибири и поспешившего сделать визит своему петербургскому «товарищу». Хотя д. п. и признавал необходимым (апрель 1898 г.) арестовать Махновца «во всяком случае», выгородив при этом «Приятеля» (телеграмма Зволянского), но Зубатов нашел невыгодным рисковать из-за одного социал-демократа «высокоценной» агентурой и пустил Махновца за границу, рассчитывая, что близость к нему Гуровича даст в руки правительства гораздо больше.

Шпион-престидижатор не ошибся. Вот что писал Ратаев в следующем году, за № 2493, Зубатову: «15-го августа к «Прия-

телю» явился с условной карточкой от Махновца на имя Андрея Ивановича Лаптева (с незагнутыми уголками, что должно означать полное доверие) К. И. Ногин, который заявил, что он приехал из-за границы для организации правильной транспортировки «Рабочего Дела», издаваемого в Женеве В. Иваньшиным, при содействии Плеханова и Аксельрода и при участии Махновца и Тимофеева (псевдоним) *. При свидании 19-VIII Ногин рассказал, что для постановки дела понадобится тысяч 15 франков. Союз располагает семью-восемью тысячами; лично он собрал рублей 80; в одной из средних губерний уже организован склад; прочные связи имеются в Киеве, Одессе, Харькове, Ростове-на-Дону и Екатеринославе... На это Гурович посоветовал «с'ездить для переговоров о материальных средствах к Серебряковым»; Ногин решил послать к ним знакомого, который приедет недели через полторы».

Позднее, 7-IX 1899 г., д. п. сообщил московскому о. о.: «2-го числа Ногин принес «Приятелю» брошюры «Пролетарская борьба», «Закон 2-го июня» и др. и об'явил, что получен транспорт «Рабочего Дела» в пять пудов, который скоро должны привезти из провинции в Москву, где имеются отделения склада; литература уже доставлена; Ногин собрал уже 222 рубля; по совету «Приятеля», он решил ехать сам к Серебряковой»...

Таким образом Ногин попал «из огня да в полымя» — от одного провокатора к другому. С из'ятием Ногина, конечно, спешить не стали, а предоставили ему самому обнаружить свои связи; разумеется, агентурные сведения так и посыпались; наблюдение раскинуло свои сети.

В сентябре Ногину привез транспорт нелегальной литературы Р. Минков. 7-го числа он уехал на юг. В том же месяце, в связи с этим делом, подверглись слежке—в Москве Д. Золотов и Т. Макарьев, снабжавшие Ногина деньгами, а в Петербурге были выяснены Якубовы, Педашенко, сестры Махновец.

В конце декабря Ногин поехал в Москву «для переговоров с представителями местных кружков» и виделся там с Немчиновым, А. Хмыровой, Е. Щегловой и др.; 19-XII на границе задержали Балуева—приятеля Ногина; 24-го числа того же месяца арестовали Клевщинскую, с паспортом Айзенман и двумя чемоданами нелегальщины; тогда же забрали (в Петербурге) Душечкина, супругов Комаровых и др.

Расчеты Зубатова, пустившего за границу Махновца, оправдались. Но агентурная игра в кошки и мышки продолжалась и далее. Еще 31-VIII Махновец писал Ногину: «Моим приятелем я недоволен, прошу вас передать ему прилагаемое письмо». Послание, которое Ногин передал Гуровичу, гласило, между про-

---

* Ц. Копельзон.

чим: «Мне очень хотелось бы переговорить с вами... Может быть, вы не прочь приехать в Европу и повидаться со своими товарищами... Я могу приехать, например, в Краков»... По этому поводу д. п. запросил Зубатова: «в какой мере представляется желательной поездка «Приятеля» за границу». Какой ответ последовал на это,—сведений у меня нет, но известно, что Гурович был за границей несколько раз и, например, во время всемирной выставки находился, вместе с подругой жизни своей, А. А. Воейковой, в Париже.

«СОТРУДНИК В КВАДРАТЕ» (ЖУРНАЛ «НАЧАЛО»).

Может быть, именно в результате совещаний Гуровича с заграничными «товарищами» явилась новая агентурная затея Ратаева и Зубатова; видя, что социал-демократия начинает пускать глубокие корни на русской почве, они надумали выяснить зараз весь ее интеллект путем временного допущения концентрации литературных сил этого направления в легальном органе печати; хлопоты о разрешении издавать новый журнал великодушно взяла на себя упомянутая выше «помещица» Воейкова; ходатайство ее, конечно, увенчалось успехом; в благодарность за эти заботы инициаторы журнала оказали полуграмотному Гуровичу честь, поместив его фамилию на ряду с почтенными идеологами марксизма, принявшими участие в «Начале», и он таким образом оказался «сотрудником» в квадрате. Когда цель была достигнута, журнал не замедлил погибнуть «от мнения четырех министров» (за первую половину 1899 года вышло пять книжек; последняя была конфискована).

В следующем году Гурович получил возможность оказать услугу заграничным «товарищам». 13-V 1900 г. Ратаев писал Зубатову: «В Петербург прибыл делегат «Рабочего Дела» (Махновца и др.), он был уже в Вильне, Ковне, Екатеринославе, виделся с бундистом Ц. Копельзоном» и т. д. Заморский гость поехал после этого в Москву, разумеется, уже с непрошенными спутниками, которые в Симбирске его и задержали; он оказался нелегальным Фетфаджиевым — литератором П. Ф. Тепловым (псевдоним «Сибиряк»; умер по возвращении из Сибири, в 1907 году).

Находясь большей частью в Петербурге, Гурович старался занимать нейтральное положение и выступал, ради своих шпионских целей, сторонником всяких об'единительных попыток. Вот что писал, например, тот же Ратаев в 1900 году, за № 886, Зубатову: «20-го апреля состоялось у «Приятеля» собрание человек 15 представителей активных революционных кружков для обсуждения накопившихся теоретических и программных вопросов. Народовольцы указывали на программу социалистов-революционеров,

как наиболее соответствующую требованиям времени, настаивали на необходимости политической борьбы рабочих и массового террора; социал-демократы возражали, но никто из них не мог достаточно убедительно растолковать и обосновать практически свою программу... Из всех присутствовавших выделялись своею деятельностью два тамбовца. Они действительно среди всех болтунов производили впечатление людей, способных в каждую минуту пойти на самое рискованное революционное предприятие и повести за собой других».

Конечно, эти тамбовцы были немедленно выяснены (в этих целях за Гуровичем часто велась филерская слежка, которая брала затем под свое наблюдение наиболее интересных его знакомых); они оказались Михаилом Сладкопевцевым и Алексеем Кудрявцевым; их вскоре арестовали при взятии транспорта сборника «Свободы» (дело Л. Клячко).

ТИПОГРАФИЯ В КОЗЛОВЕ.

В качестве информационного агента Гурович пристроился к петербургской группе «Рабочее Знамя», с представителем которой, Н. Татаровым (сделавшимся впоследствии тоже предателем), он был давно знаком. Вот что писал Зубатову, между прочим, по этому поводу Ратаев весной 1901 г.: «17-го минувшего апреля в Петербург прибыл неизвестный человек, привезший с собой полторы тысячи майских листков. Привезенные им вещи приезжий оставил в квартире у Грушкиной, а сам ночевал у Аврума Гельфера. Приезжий поспешно выехал из столицы, но 25-го апреля появился вновь для сборов материалов для № 4 «Рабочего Знамени», который они предполагают все-таки выпустить в свет, при чем на этот раз из слов приезжего можно было заключить, что типография перевезена в какую-то местность, весьма близкую к Харькову. 27-го апреля с вечерним поездом Николаевской жел. дор. приезжий выехал в Харьков, указав для сношений с собой адрес: Харьков, Пассаж, модный магазин шляп Софи, № 23 или 24, г-же Суслович... Повидимому, приезжий то самое лицо, которое жило в Киеве по паспорту Моисеенко; есть основание подозревать, что это не кто иной, как разыскиваемый Давид Гершанович».

Двумя месяцами позже Ратаев известил Зубатова о новом госте; 30-VI он телеграфировал: «В Петербурге находится Моисей Фрумкин, отправляющийся на-днях во вновь поставленную, повидимому в одном из южных уездов Тамбовской губ., тайную типографию, откуда намерен проехать в Харьков для наведения справок о Гершановиче, об аресте которого еще не знает». Наблюдение за Фрумкиным повело к обнаружению в Козлове, 8-IX 1901 г., пе-

чатни (Дело Сорина, Надеждина, Авдеева, Маянца) и вызвало аресты в Тамбове (Захарьевский, Гаврилов и др.).

Одновременно по списку, составленному согласно компетентным указаниям Гуровича, была учинена массовая высылка из Петербурга «радикальных элементов», при чем даже сам виновник торжества—«Приятель»—подвергся показному удалению в Воронеж, что не помешало, конечно, Гуровичу завернуть к Зубатову и сдать охр-му отд-нию (26-IV) для отправки в д. п. лишнюю литературу: «Наши задачи»—45 экз.; «Первое мая»—39 экз.; «Листок Рабочего Дела»—59 экз.; «Исторический Поворот»—74 экз.; «Рабочее Знамя», № 2—45 экз. и т. д.; всего более 400 брошюр и воззваний.

ГУРОВИЧ—ЧИНОВНИК ОХРАНЫ.

Этот маневр с высылкой Гуровича, однако, не отвел подозрений, возникших, наконец, у «товарищей»: его заподозрили в измене. Шпион пытался было разыграть роль оскорбленной невинности, потребовал третейского разбирательства, но, несмотря на всю изворотливость свою, он не мог разубедить судей, и его об'явили агентом-провокатором (4). Приговор этот развязал руки Гуровичу, и он не замедлил перейти на официальную службу в д. п. Ему предстояла блестящая карьера, но на первых же порах он встретил препятствие со стороны своих недавних друзей. Как-раз в это время Зубатов добился чести занять пост заведующего особым отделом д-та п.; он мечтал, пользуясь расположением Плеве, широко организовать «имперский розыск». Увидев в своем недавнем «Приятеле» опасного конкурента, Зубатов постарался оттереть его в сторону. Сначала ему дали командировку—сопровождать, в качестве ассистента, генерала фон-Валя, и Гурович, в купе сибирского экспресса, в компании с командиром корпуса жандармов, поехал инспектировать розыскные органы в ту самую Сибирь, по которой он когда-то плелся в партии «государственных преступников». Затем Гуровичу поручили организовать агентуру в Галиции; но едва он успел проехаться по границе и завербовать в секр. сотрудницы Зелинскую и Завадскую, как с ним стряслась беда: в Лемберге его арестовали, как подозрительную личность, вследствие чего он был вынужден вернуться в Петербург. После этого на обязанность Гуровича возложили вербовку и воспитание лиц, способных к политическому сыску, с каковой целью он стал раз'езжать по провинциальным городам, ревизуя учрежденные Зубатовым охранки. Некоторые из выученников Гуровича поддержали славу его имени: секретные сотрудники Фудим и Татаров своими предательствами вызвали такое озлобление, что были убиты; Лернер, он же Раковский, и Шварц за мошенничества подверглись карам даже со стороны своего начальства, а Шапиро извел шантажными проделками розыскные

учреждения юга и даже попал в число разыскиваемых д-том п. Протежированные Гуровичем жандармские офицеры отличались не менее: Заглухинский, облюбованный во время поездки в Сибирь, развел в Уфе такую провокацию, что один агент убил другого (дело Павлова); Рожанов на Кавказе подвел благодаря своему легкомыслию на жестокую смерть сотрудника Манулайшвили; Засыпкин за пьяные дебоши был изгнан на время из корпуса жандармов и т. д.

Считая себя мастером по части улавливания душ и чтения в мыслях, Гурович пробовал свои гипнотизерские способности не только на здоровых, но и на полуживых людях. Так, к израненному взрывом бомбы, уничтожившей Плеве, Е. Созонову, лежавшему в бессознательном состоянии в тюремной больнице, приставили Гуровича, который, под видом доктора «Михаила Александровича», мучил больного расспросами, стараясь выпытать от него хотя бы какие-нибудь данные для выяснения его личности; при этом старательно записывалось каждое слово, вырывавшееся в бреду из уст страдальца. Этот своеобразный дневник занял целую тетрадь, но единственное, чем из добытого материала воспользовался д. п., было упоминание имени «Николай Ильич». Тонкие обер-сыщики вообразили, что это третий участник акта 15-VII, а всезнающий Медников доложил, что по наблюдению в Киеве за социал.-революционерами с таким именем проходил некий Бронштейн; последнего немедленно арестовали и доставили в Петербург, закованным в кандалы. Несчастному Бронштейну, вся вина которого заключалась в том, что его звали Николаем Ильичом, удалось все-таки доказать, что никакого отношения к убийству Плеве он не имеет, и его отпустили (5).

С уходом Лопухина, благоволившего к Гуровичу (брал его в Одессу на расследование дела об еврейском погроме), и падением Зубатова, заслуженному провокатору дипломатически поручили ехать на Кавказ—«водворить порядок»; захватив несколько птенцов из гнезда Зубатова (Г. Трутков, Л. Квицинский, С. Виноградов), Гурович поехал, скрепя сердце, суфлером к Ширинкину—бутафорскому генералу, назначенному заведывать полицейской частью на Кавказе; однако, через год созданная для них «особая канцелярия» при наместнике была упразднена, и Гурович, получив тысячную прибавку к пенсии, вышел в отставку и поселился снова в Петербурге (Галерная, д. № 8).

По позднейшим сведениям, Гурович в послереволюционное время скрывался в Сибири, где и умер.

В Сибири, в которой, благодаря иудиным поцелуям Гуровича, погибло столько людей, в предателе видевших, по жестокому недоразумению, товарища.

ГЛАВА VII.

Группа интеллигентов-пропагандистов.—Рабочий кружок и журнал «Волна». «Революционеры» помогают охране искать типографию.—«Экспроприаторы» (дело Лысика).—Предатель Карамышев.—Витебские и виленские транспорты.—«Южный рабочий».—Убийство «по служебной необходимости».—Охранник, жандармы и агент Журавленко.

ИНТЕЛЛИГЕНТЫ-ПРОПАГАНДИСТЫ.

Попытки организовать московский пролетариат делались в 1899 г. с неменьшей настойчивостью, чем в предыдущее время. Еще в начале зимы сформировалась группа, в которую вошли три инженера-технолога: Иван Ванеев, Ошер Шамет и Михаил Кириллов, а также бывшие студенты Московского ун-та Борис Авилов, Всеволод Руднев и Владимир Дмитриев, к которым присоединились впоследствии ветеринарный врач Лев Никифоров, Федор Липкин, служивший на Московско-Курской ж. д., и чертежник Федор Точисский. Эта группа интеллигентов задалась целью «создать из рабочих возможно большее число самостоятельных агитаторов, подготовляя их к борьбе за улучшение быта трудящегося класса в России».

У Шамета, Ванеева и Руднева происходили собрания для обсуждения вопроса о наиболее успешных приемах социал-демократической пропаганды. Кириллов, Руднев, Ванеев и Точисский вступали в непосредственные сношения с рабочими, чему способствовал быв. студент Московс. ун-та Александр Малиновский, который, будучи выслан из Москвы в Тулу, завязал там знакомство с Пантелеймоном Денисовым и Александром Морозовым; первый из этих рабочих зимою 1898 г. переехал в Москву, куда потом вызвал еще своих тульских товарищей Ивана Пастухова, Александра Салищева, Михаила Кобылина, Льва Баринова, Федора Татаринова, Ивана Немцева и Андрея Лазарева. Некоторым из этих рабочих Кириллов, пользуясь своим служебным положением на заводе, содействовал в поступлении на московские фабрики и распространял через них нелегальную литературу; чтобы добыть таковую, Кириллов ездил в Тулу к Малиновскому, но не застал его и виделся в тех же видах с учителем Иваном Скворцовым.

Группа имела склад нелегальных изданий, который хранился у Елены Каменецкой; кроме того, предполагалось приступить к изданию соц.-дем. сочинений; с этой целью Шамет достал от ветеринарного врача Владимира Бобровского пишущую машину, которую Дмитриев должен был доставить в Смоленск, где предполагалось поставить издательскую технику. Последовавшие вскоре аресты помешали группе осуществить свои планы (1).

Тем не менее, в начале апреля 1899 года на московском заводе Г. Листа появились воззвания (гектографированные) от имени Московского Комитета Рос. с.-д. рабочей партии, призывавшие рабочих к забастовке. Происхождение этих листков охр. отделению было известно, так как к этому делу имела близкое отношение Анна Моисеевна Лукашевич, имевшая несчастье быть хорошей знакомой А. Е. Серебряковой — «Мамочки» охранников (2).

12-IV 1899 г. была обыскана и арестована Ольга Гермогеновна Смидович; у нее обнаружили гектограф, на котором были оттиснуты воззвания. Возникшее по этому поводу расследование установило, что Смидович и Лукашевич, вкупе с Анатолием Луначарским и сестрами Анной и Марией Карасевыми, вели пропаганду среди рабочих. С этой целью Смидович и Лукашевич познакомились на курсах для рабочих с Андреем Шестаковым и Михаилом Афанасьевым, служившими на заводе Листа, а также с наборщиками Константином Павловым и Владимиром Николаевым, и стали затем приглашать их на квартиру О. Смидович, где «внушали им противоправительственные идеи» и снабжали запрещенными книжками.

По данным жандармского расследования вышеупомянутый Шестаков помог составить воззвание к рабочим завода Листа; он же разбросал его 5-IV по мастерским в количестве шестидесяти экземпляров. Кроме этого листка, Смидович и Лукашевич отгектографировали «Письмо к наборщикам», составленное Павловым и Николаевым, каковое, впрочем, распространить не успели. Были заготовлены тем же путем «опросные листки», редактированные Шестаковым и Луначарским. Помимо этого, Николаев, по поручению Смидович, доставил партию нелегальных изданий рабочему завода Московского товарищества механических изделий (в Подольском уезде) Петру Белоусову, которого Николаеву рекомендовал слесарь того же завода Иван Мягков.

КРУЖОК «ВОЛНА».

Случайно вскрылось другое дело о пропаганде среди рабочих. 6-XII 1899 г. в помещении Прохоровской мануфактуры в Москве был задержан, по доносу фабричного хожалого, ткач Григорий Парфенов, читавший брошюрку «Рабочие союзы»; одновременно поли-

ция обыскала товарищей арестованного, Ивана Козлова и Василия Алексеева Анциферова (крн. Веневского уезда, д. Семенкова), у которых по обыску обнаружили «нелегальщину».

Будучи допрошен в охранном отделении, помянутый Анциферов дал 17-XII 1899 г. откровенные показания, сущность которых сводится к следующему: Н. Д. Алексеев (кличка «Царский») содержал коммунальную квартиру; у него жил приятель Н. И. Бибичев; их посещал интеллигент; последний дал Алексееву нелегальную книжку «Что надо знать и помнить каждому рабочему», которую он затем передал товарищу Козлову; при втором свидании, за Трехгорной заставой, интеллигент познакомил Алексеева с «блондинкой», отрекомендовав ее как личность, которая будет с ним заниматься; однако в следующий раз, 24-X, на беседу к нему пришла уже «брюнетка». 31-го числа Алексеев опять виделся около читальни Островского с интеллигентом, который передал ему четыре брошюры и один экземпляр газеты «Волна»; эти книжки брал читать Козлов; последний, возвращая их, дал Алексееву № 8 газеты «Вперед». 21-XI Бибичев принес Алексееву два номера того же «Вперед», а в обмен получил, с согласия Козлова, брошюру «Пролетарская борьба»...

В дополнительных показаниях Анциферов об'яснил еще, что на свидания к интеллигенту он ходил один раз с товарищем Ермаковым, а другой раз с Козловым; первому из них он передал брошюру «Секретный циркуляр»; Козлов же дал Ермакову книжку «Рабочие союзы»; Шавкин, доставлявший Козлову нелегальную литературу, имел ее от своей интеллигентки; Козлов давал недозволенные книжки и Лебедеву; два свертка брошюр, полученных Анциферовым около читальни Островского, хранил сначала Виттинов; последнему Анциферов дал потом несколько номеров журналов «Волна» и «Вперед» (3); Виттинов читал их с Ермолаевым; находясь у Алексеева, Анциферов слышал, как жена его Дарья в разговоре с интеллигентом упоминала Бориса Александровича...

По этому оговору рабочие Н. Д. Алексеев, Н. Бибичев, Александр Селиверстов, С. Ермаков, Филипп Шавкин, Ермолаев, Михаил Лебедев и Антон Виттинов были арестованы.

4-I 1900 г. взяли и пропагандистов, которыми по установке охр-го отд-ния оказались Александр Алабин, Евгения Адамович, Елизавета Заславская (выяснена, кажется, неправильно) и Борис Быстров; у последнего по обыску отобрали много нелегальщины. Анциферова тогда же освободили.

Дознание, возникшее при московск. г. ж. у. о кружке «Волна», выяснило, что главным организатором его был Николай Покровский, которого свела с рабочими Наталия Засоркина; помогали ему в ведении пропаганды еще Владимир Команецкий и Анна Колокольникова, а членами кружка были также рабочие Иван Фирсов и Тимофей Зотов.

Виновник «торжества» жандармов Иван Анциферов отделался двухгодичным гласным надзором полиции; в 1903 г. он жил в Калужской губ., на родине.

«РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ» ПОМОГАЮТ ОХРАНЕ ИСКАТЬ ТИПОГРАФИЮ.

Дознание по делу Анны Лукашевич и Ольги Смидович вел при московском г. ж. упр-нии ротмистр Самойленко-Манджаро, пользовавшийся расположением Зубатова; последний посвящал его в некоторые тайны своих розыскных махинаций и руководил ходом допросов, которые послушный и не совсем глупый жандарм учинял арестованным; таким образом интимные указания секретных сотрудников принимали формы более конкретные и удобные для использования (в виде показаний лиц, привлеченных к формальному дознанию), агентурные же источники — «святая-святых» розыска — оставались благодаря этому прикрытыми от любознательных глаз.

Самойленко-Манджаро блестяще выполнил поставленную ему задачу и сумел добиться от Анны Карасевой, представлявшей, по словам Зубатова, «завар всего дела», признаний, которые нашли место в «заявлении», написанном ею 16-IX 1899 г. на имя Самойленки. Вот его текст: «Лицо, которое я раньше назвать отказывалась, это — Владимир Дмитриевич Новодворский. С ним я познакомилась года два тому назад, потому что столовалась у его отца, Дмитрия Ивановича, в Москве. Кажется, в конце января он был в Москве и в то время предложил мне свои услуги заняться печатанием для целей социал-демократической пропаганды при условии, если я добуду для этого необходимый шрифт, краску, валик из массы. В то время он жил уже в Твери, и, я помню, с «оказией» — в то время какая-то подруга его сестры ехала в Тверь — я переслала ему, помню, валик, краску, шрифт. Вскоре он проезжал из Твери в Тамбов и проездом через Москву видался со мной, когда был у меня на квартире. В разговоре он мне сообщил, что у него имеется станок для печатания на бумаге, размером одной четвертой листа. О других принадлежностях разговора не было. Из разговора с ним я помню, что до получения моего шрифта у него не было его. В это свое посещение он взял у меня на квартире книгу — легальную — «Труженики печати», полученную мной от рабочего Александра Журавлева, в которой изложено описание приборов и принадлежностей типографского печатания и техника его печатания; тут же он взял у меня вторую порцию типографской краски. До масляницы как-то я разговорилась с Анной Морицевной Лукашевич о представившейся возможности печатать для целей пропаганды, почему, разговорившись с ней об этом, я впоследствии, вопреки желанию Новодворского, чтобы сношения по издательству шли через меня, передала

Лукашевич его адрес, при чем указала ей обратиться к нему от моего имени. Мне неизвестно, чтобы между ними установились личные отношения. Я знаю только, что с «оказией» она прислала ему добытую часть шрифта и текст «Майского листка» Плеханова. Это было уже в конце поста. Лукашевич мне передала, что листок уже напечатан и, кажется, был уже получен в Москве. Один экземпляр этого листка Лукашевич мне показала. Текст этого листка был озаглавлен: «Московский комитет Российской социал-демократической партии». Текст был оттиснут на четвертушке листа с обеих сторон, неясно и с массой ошибок, так как, по словам Лукашевич, работали одни интеллигенты, при чем, действительно, строчные буквы, за недостатком, были заменены заглавными. После этого с Новодворским я больше не виделась и после ареста Смидович и других никаких мер не принимала, чтобы предупредить его. Ничего добавить к настоящему заявлению более не имею. Подлинное подписала Анна Карасева».

Этим дело не ограничилось: Самойленко-Манджаро уговорил Карасеву помочь, «в интересах скорейшего окончания дела», отыскать принадлежащую кружку тайную типографию; без этого, уверял хитрый жандарм, нельзя закончить дознания и освободить арестованных. Карасева согласилась на эту комбинацию при условии, что ее выпустят на волю и никого не арестуют; она написала Новодворскому письмо, в котором убеждала его представить типографию начальству.

Конечно, со стороны охр-го отд-ния было установлено соответствующее наружное наблюдение, которое закончилось неизбежной «ликвидацией». 25-XI 1899 г. арестовали Новодворского, который жил в Тамбове; одновременно был обыскан целый ряд лиц, имевших сношения с Новодворским: С. Данилов, А. Щерба, С. Слетов...

Результаты ликвидации не оправдали надежд Зубатова: только в чуланчике, принадлежавшем к дому, где жил Новодворский, в земле нашли несколько букв типографского шрифта.

Но и этих «вещественных доказательств» оказалось достаточно для того, чтобы заставить Новодворского сознаться, что типография хранилась у него; в своих об'яснениях, данных при охр. отд-нии, он пошел и дальше: рассказал о своих связях в Твери, оговорив рабочего Зиновьева и других. Под конец и Новодворский принял участие в розыске злополучной типографии; сестра его Нина поехала за ней в Тамбов, но Сергей Данилов, к которому она явилась, типографии не выдал. Новодворская обратилась тогда письменно к тамбовцу Николаю Мелентьеву, который ответил: типография уничтожена.

Дознание установило, что типографские принадлежности были переданы Ерофеем Фирсиным (по поручению Мелентьева) на хранение торговцу Ефиму Крылову, который их в начале января 1900 г., по просьбе того же Мелентьева, пустил в лом.

Относительно происхождения типографии было дознано, что еще зимою 1898 года А. Карасева и ее подруги Смидович и Лукашевич раздобыли, при помощи рабочих Павлова, Журавлева (Журавель), Алексея Борисова и Сергея Косарева, около пуда шрифта и другие материалы, похищенные из типографии Сытина и газеты «Московский Листок», при помощи которых Новодворский и устроил в Тамбове, к апрелю 1899 года, небольшую ручную типографию и затем отпечатал на ней 800 экз. листка, составленного Плехановым, «Майский праздник», которые отправил в Москву.

Попутно дознание выяснило, что в Тамбове еще в 1898 году Степан Слетов организовал рабочий кружок, члены которого собирались у Сафонова и Новодворского; на этих сходках присутствовали иногда Анастасия Слетова и муж ее (впоследствии) Виктор Чернов, уехавшие потом за границу.

Упомянутый Слетов, находясь под арестом в Москве, при полицейском доме Басманной части, уговорил тюремного смотрителя С. Наумова передать письмо «на волю»; для ответа Наумов указал адрес своего знакомого фармацевта Вячеслава Чекулаева; об этом проведало охр. отделение, и оба посредника нелегальной корреспонденции были арестованы.

«ЭКСПРОПРИАТОРЫ».

Пропаганда социалистических идей, которая велась — и довольно успешно — среди московских рабочих, претворялась иногда в незрелых умах пролетарской молодежи не всегда соответствующим образом; уже и тогда некоторые разгоряченные головы, жаждавшие «непосредственного действия», начали попадать на скользкий путь рискованных выступлений, которыми было столь богато последующее десятилетие.

Один случай такой «акции» имел место в Москве еще в 1899 году и явился совершенно неожиданным для самого охр-ного отделения. В начале июля этого года велось наблюдение за рабочим кружком, во главе которого стоял полуинтеллигент Лысик; 2-VII филеры, следившие за этим пропагандистом, проводили его в один из домов на Арбате; велико же было изумление сыщиков, когда их наблюдаемый выскочил на улицу и бросился бежать так, что они не могли за ним угнаться...

Вечером дело раз'яснилось. Из сообщения местного полицейского пристава охранное отделение узнало, что на кассира торговой конторы Карнеева было совершено двумя молодыми людьми покушение в целях ограбления, которое, впрочем, не удалось, вследствие поднятой тревоги, при чем один из участников этого нападения был задержан на месте и оказался Васильевым, который, как было

известно охр-му отд-нию, принадлежал к тому же рабочему кружку Лысика; последний был задержан в тот же день.

Арестованный одновременно конторщик московской уездн. земской управы Г. А. Русинов на допросах в о. о. 9-VII показал: «Знакомство наше началось со школьной скамьи, т.-е. меня, Михаила Васильева, Ивана Смирнова, Королькова, ныне арестованного; затем Васильев познакомил меня с Лысиком... Принадлежал к нам также и Алексей Фиников. Целый год мы были как товарищи и не знали еще ни о какой нелегальной деятельности. Потом у одного из нас, кажется у Смирнова, появилась брошюрка, кажется — «Восьмичасовой рабочий день»; за ней другая, третья... Смирнов в это время служил на фабрике Дюфурмантель и стал там пропагандировать; результатом его пропаганды были рабочие той же фабрики — Косарев, Сафонов, Мочалов и Свешников. Корольков, Фиников, Васильев и я лишь читали... Так продолжалось до последнего времени. Васильев и Лысик, кажется, стали посещать каких-то рабочих... Деньги нам нужны были на покупку книг, на прожитие Смирнова с матерью, но их не было. И вот у Смирнова, или Лысика, зародилась идея добыть их хотя бы путем и не совсем чистым... Лысик, вероятно, сообщил Смирнову о деньгах в конторе Карнеева, где он раньше служил... С самим планом похищения я не был знаком. Они говорили, что нужны такие-то инструменты, которые частью и были доставлены мною... Похитить взялись трое: Смирнов, Лысик и Васильев... Книги и брошюры находились большею частью вначале у Финикова и Смирнова, а с от'ездом Финикова за границу они перешли к Васильеву, а отчасти — к Смирнову»...

Признания Русинова нисколько не облегчили его участи: он был сослан на пять лет в Иркутскую гб.

ПРЕДАТЕЛЬ КАРАМЫШЕВ.

Дело выше упоминавшегося Новодворского, отчасти благодаря его нескромному поведению на допросах, захватило много лиц, и дознание о нем из г. Тамбова перекинулось в г. Тверь, где у одного из арестованных тоже развязался язык.

В переписке по дознанию, которое велось при Тверском г. ж. у. в 1899 году, имелся документ следующего содержания:

«После разговора с вами, я считаю долгом дать вам, подполковник Александров, следующее показание. В августе 1898 г. я познакомился у Граматикова с землемером Новодворским; последний, будучи со мною откровенным, сообщил мне, что доставлял в Тверь из Москвы нелегальную литературу, а в Москву отправил печатную машину, которую через посредство Бориса Савинова сделал ему рабочий, служащий слесарем на фабрике гильз Сумеркина. Через

несколько времени с Новодворским у Граматикова познакомился Зиновьев... Однажды Новодворский принес домой модель кремальеры и попросил Бориса Зиновьева отлить четыре таких же чугунных, а позднее отдал Борису же деревянные модели зубчатки и шарнира. Из разговоров Новодворского с Зиновьевым я узнал, что там же (в мастерской Сумеркина) рабочий, по просьбе Савинова, делает еще две печатных машины... Из разговоров Новодворского с Зиновьевым выяснил, что сестра Новодворского, которая вышла замуж за тверского студента Куприянова, доставляла Новодворскому нелегальную литературу... Печатные машины (я их не видал) имели форму книги. Изобретены они рабочим фабрики Сумеркина. Чугунные плиты для машин были отлиты на заводе Губченко, в Твери. Я думаю, Новодворский в Тамбове ведет тоже всевозможную работу. Он социалист-революционер. Зная хорошо Тверь, в будущем я могу дать относительно тверской интеллигенции и рабочих очень много показаний. В заключение прошу вести дело так, чтобы мои настоящие показания остались участвующим в процессе неизвестными, потому что в таком случае, во-первых, подвергнусь опасности быть убитым, а во-вторых, в будущем буду бесполезен вам, потому что меня будут остерегаться. Петр Карамышев. 2-го августа 1899 года».

Затем, в дополнение к предыдущему, Карамышев показал: «Борис давал отливать части станка Григорию, бывшему в то время рабочим завода Губченко, а теперь этот рабочий служит литейным мастером у Диль-Боволан. Савинов (живет, кажется, в Самарской губернии, кормит голодающих) вел пропаганду среди рабочих завода Сумеркина. У него, по словам Новодворского, хранилась нелегальная литература, а после от'езда ее взял гимназист Брехов. Рагузина (Елизавета) несколько лет под ряд ведет пропаганду среди семинаристов, снабжает их нелегальной литературой, и вообще она лицо, около которого концентрируется все нелегальное в Твери. Борис ходил к ней три раза после от'езда Новодворского за нелегальной литературой. Надежда Чеботарь после ареста Бориса ходила к ней, и Рагузина уговаривала ее не давать указаний. У Савинова есть сестра Ольга Петровна. У нее есть всегда или нелегальщина или переписка»... (Сообщение начальника тверск. г. ж. у. московскому о. о. 8-VIII 1899 г., № 1580).

Полковник Волков, получив признания Карамышева, поехал в Петербург, а д-т. п. направил его к Зубатову, которому предложил перевести новообращенного из тверской в московскую тюрьму, побеседовать с ним и заагентурить. Зубатов, конечно, обделал все в лучшем виде и в декабре того же года имел удовольствие представить д-ту п. сведения тверской «секретной агентуры летучего отряда», суть которых была такова: Серафима Новодворская, урожденная Кулькова, занималась пропагандой еще два года тому назад, за два года до своего замужества; особенно близок к ней был рабо-

чий А. Лазарев; Савинов ездил в Москву, чтобы повидаться с Новодворским, при чем узнал, что посланное им с Морошкиным письмо, извещавшее о его согласии принять для сбыта нелегальную литературу, было им своевременно получено и затем уничтожено Новодворской; значительное количество революционных изданий Савинов спрятал у В. Николаевской и еще в двух местах; их, в случае ареста Савинова, можно будет получить через Рагузину; перед поездкой в Москву Савинов посетил механика Агеева, которому сообщил об аресте в Тамбове Новодворского, при чем из беседы с ним вынес впечатление, что этот рабочий в случае ареста проявит упорное молчание»...

Действительно, по обыску, произведенному 9-VIII в квартире Николаевской, у нее нашли под кроватью 150 нелегальных брошюр; в то же время арестовали Савинова и Лазарева; Зиновьев, Грамматиков и Чеботарь были задержаны еще ранее.

Одновременно в москов. о. о. поступили из д-та п. перлюстрационные сведения. 29-I 1900 г. гимназист Крапоткин писал в Москву Н. Повало-Швейковской: «Вот у моей Надюши теперь все в голове больше убийства высокопоставленных лиц, а у меня больше диаграммы Ильина, над которыми сейчас чуть было не уснул»...

По этому поводу Зубатов сообщил 16-II Ратаеву, на основании сведений, доставленных Карамышевым: «Хотя террористические бредни г-жи Повало-Швейковской едва ли могут считаться серьезными, но за ней необходимо наблюдение, дабы при удобном случае ее арестовать, так как она каждую субботу наезжает в Тверь, куда возит нелегальную литературу». Недели через две после этого Крапоткина обыскали, а Швейковскую арестовали.

В феврале того же 1900 года Зубатов сообщил д-ту п. дополнительные сведения, сообщенные, очевидно, Карамышевым: «В Твери на фабрике Морозова кружок передовых рабочих думает устроить забастовку; с.-д. пропаганду ведет киевский политехник А. Гусев, универсант Г. Александровский и сын учительницы Воскресенский; в сношениях с ними находится петербургский технолог Самойлов, снабжающий строгальщика Михаила Иванова нелегальной литературой; последний бывает у Гусева, хорошо знаком с А. Воскресенской, давал «Речь Алексеева» слесарю Илье и рабочему, живущему в д. Иванова, по Волынской ул.; свидания с рабочими происходят в квартирах М. Крапоткина, М. Лаговского и Е. Рагузиной. Интеллигенты-пропагандисты через Гусева корреспондируют за границу; от них было послано сообщение об арестах в Твери, «когда жандармы хотели изловить социалистов, а поймали гимназиста»; на фабрике Морозовой работает Захаров, имевший сношения с арестованными впоследствии Новодворским и Зиновьевым»...

Для разработки этих сведений московское о. о. командировало в Тверь своих филеров, розыски которых, впрочем, никаких особых результатов не дали.

Осень 1900 г. Карамышев еще жил в Твери; из имевшихся у оберфилера Медникова почтовых расписок видно, что в этом году из Москвы на имя Карамышева в Тверь были посланы заказные письма 9-X и 13-XI (квитанции №№ 489 и 891).

После этого «агент летучего отряда» переселился в Москву, где благополучно предательствовал еще три года.

В апреле 1904 г. «Искра» опубликовала, наконец (в № 64): «В Москве подвизается Петр Карамышев, некогда работавший в социал-демократических кружках в Петербурге (1894—1895 г.г.), а в 1899 г. сыгравший довольно подозрительную роль в тверском-нижегородском деле».

Карамышев, разумеется, потребовал от «товарищей» расследования. Вот что писал по этому поводу с.-д. «Рузов» (А. Г. Орлов) 15 VII-1902 г. из Москвы за границу, на адрес: Базель, Байли: «Вы поручили мне разобрать дело П. И. Карамышева, о подозрительной роли которого была помещена в И. * (№ 64) заметка. Я организовал третейский суд из трех лиц — меня, товарища-большевика и еще одного. Результатом разбора (очень долгого) явилось следующее постановление, подлежащее огласке в партийных органах (о чем мы и просим вас позаботиться, отослав это постановление в «Пролетарий»). Постановление это таково: «Третейский суд, состоявшийся по просьбе П. И. Карамышева, о подозрительной роли которого была помещена в И. (№ 64) заметка, рассмотрев обстоятельства дела, единогласно постановил: 1) что П. И. Карамышев изобличается в даче злостных обвинительных показаний тверскому жандармскому управлению против обвиняемых по нижегородскому-тверскому делу, при чем изложил факты, относящиеся не только к сему делу, но и к прошлой деятельности обвиняемых, и 2) что в дальнейшем Карамышев был вынужден к слишком близким отношениям к жандармерии. Постановление это подлежит огласке и в партийных органах». (Письмо с химическим текстом, перлюстрированное д-м п.).

Итак, после «очень долгого» разбора дела, Карамышев, более пяти лет состоявший форменным шпионом Зубатова, был признан только «вынужденным к слишком близким отношениям к жандармерии». Это позволило Карамышеву и после суда сделать попытку предательствовать в той же Москве (под агентурным псевдонимом «Богданов»), но, понятно, успеха он уже иметь не мог, и Ратко (начальник московского охр. отд.) жаловался в 1902 году, что Карамышев «выдохся», и что «одним инвалидом у московской охранки стало больше».

ВИТЕБСКИЕ И ВИЛЕНСКИЕ ТРАНСПОРТЫ.

После удачного разгрома бундовской организации депар. полиции предоставил московскому охр. отде-нию «carte blanche» в отно-

* «Искра»—соц.-демократ. журнал.—Л. М.

шении провинциальных розысков. Опираясь на свою «центральную агентуру», Зубатов посылал филеров всюду, где имелась какая-нибудь провокаторская зацепка; чаще всего эти розыскные экскурсии сопровождались известным успехом; в 1900 году таких рекогносцировок было несколько; отмечу некоторые, имевшие более или менее серьезные последствия.

В начале года партия «летучих» была командирована в г. Вильно, для наблюдения за деятелями польской социалистической партии по указаниям, которые дал секретный сотрудник Зубатова, бывший студент университета А. Гедвилло, «освещавший» московское «Colo». Филерская слежка, которая велась за К. Битнером в Вильне, констатировала, между прочим, что в кругу знакомых упомянутого «лидера» появился молодой человек, поселившийся в доме Комоцкого, который своим поведением обратил на себя внимание филеров. 12-II этот наблюдаемый перевез вечером, конспирируя, из своей квартиры к знакомым—Брониславу и Елене Юноша-Шанявским—тяжелую корзину. Через два дня Битнера и его друзей обыскали; у неизвестного, который назвался Станиславом Краевским (в действительности это был Казим р Рожновский, университетский товарищ Гедвилло), обнаружили до 4000 брошюр нелегального характера, у Шанявских тоже отобрали 517 экземпляров таких же изданий. В то же время в Лодзи, в квартире, которую занимал некий Домбровский, товарищ Рожновского (живший с ним ранее в Вильне под фамилией Пашкевича), была обнаружена тайная типография польской соц. партии. Под фамилией Домбровского, оказалось, скрывался известный революционный деятель Иосиф Пилсудский — нынешний глава Польской республики.

Другим городом, тоже Западного края, на который было обращено внимание Зубатова, был Витебск. Впервые московские филеры появились на пыльных улицах этого тихого городка в 1898 году, когда поехала туда А. Лукашевич (приятельница Серебряковой), которая была замечена там в сношениях с Шалыт.

К этому делу имеет, повидимому, отношение один весьма пикантный эпизод. Как-то осенью, если не ошибаюсь, 1898 года, Зубатов, вернувшись со свидания не то с Гуровичем, не то с «Мамочкой», заявил с притворной досадой своему подручному — Медникову: «Елизариха»* все пристает, чтобы дали ей побольше адресов для корреспонденции заграничной, русской и московской»; «Евстратка» обратился ко мне — я присутствовал при этом разговоре — не могу ли помочь «беде»; я указал на одного полицейского надзирателя охранного отделения, имевшего много знакомых в торговой среде, среди людей, не занимавшихся политикой; таким образом «Елизариха» получила два «нейтральных» адреса: один — «Москва, Садовая-

---

* Анна Ильинишна Елизарова (по мужу), сестра В. И. Ульянова-Ленина.—Л. М.

Сухаревская, д. Казаринова, Андрею Ильичу Борисову», а другой — «Москва, магазин Сапожникова, Верхние торговые ряды, Ивану Гавриловичу Иванову». Чтобы адресаты не смешивали свою корреспонденцию с «деловой», слово «Москва» на конвертах этих писем должно было иметь двойное подчеркивание. В ноябре, 9-го и 13-го числа, были получены из Витебска письма, с шифрованным, дробями, текстом, которые, разумеется, поступили прежде всего в руки Зубатова, а затем, по ознакомлении с их содержанием, они были переданы через агентуру по назначению.

Так велась революционерами конспиративная переписка по адресам, данным охр. отделением (4).

Наблюдение московских филеров в Витебске возобновилось в начале 1900 г. в некоторой связи с перлюстрацией письма, автором которого был студент казанского ун-та Пальчик. Слежка «летучих» установила, между прочим, что 24-VIII наблюдаемый б. студент Берко Цетлин перевез вечером тяжелую корзину из селедочного склада купца Яхнина в квартиру банкира М. Гинсбурга. 30-VIII были произведены обыски, которыми в комнате, которую занимала дочь банкира С. Гинсбург, было обнаружено 3586 экземпляров заграничных изданий социал-демократического характера (5).

«ЮЖНЫЙ РАБОЧИЙ».

В марте 1900 года Зубатов доносил д-ту полиции, на имя Ратаева: «15 февраля в Москву прибыл В. А. Русанов, который остановился у землячки своей Г. М.Островой... Одновременно в Москву приехал только что отбывший срок ссылки, известный в литературе под псевдонимом «Ильин», представитель марксизма Владимир Ульянов и поселился нелегально у своей сестры Анны Ильиной Елизаровой, проживающей в доме Шаронова, по Бахметьевской улице... 19 февраля бывший студент Московс. ун-та Дмитрий Ильин Ульянов, отбывающий в городе Подольске, Московск. губ., срок гласного надзора, прибыл в здешнюю столицу и привел с собою на квартиру Елизаровой, где в это время находились Марья и Владимир Ульяновы и еще неизвестное лицо, негласно поднадзорного мещанина Исаака Христофорова Лалаянца, который, как известно вашему высокородию, является ныне, вместе с женой своей, лидером наблюдения, установленного в г. Екатеринославе за группой, тайно печатающей газету «Южный Рабочий». В этот же день квартиру Елизаровых посетил хорошо известный охранному отделению б. студент московс. тех. училища А. В. Бугринов, женатый на Анжелике Карпузи, состоящей под негласным надзором полиции».

Читатель мог обратить внимание на то, что Зубатов, точно перечисляя всех, кто присутствовал у Елизаровых во время свидания

Ульянова (Ленина) с Лалаянцем, не мог назвать только одно «неизвестное лицо». Не потому ли, что благодаря этому «неизвестному» он так хорошо знал все: и о приезде Ульянова и об отъезде Лалаянца? И не была ли этим третьим лицом А. Е. Серебрякова — «Мамочка» охраны и приятельница Елизаровой?..

Сам Зубатов дает основание решить этот вопрос в положительном смысле; описывая в ходатайстве о выдаче Серебряковой денежного пособия (по случаю двадцатипятилетия агентурной службы) ее заслуги, Зубатов заявлял в докладе от 26-III 1907 д-ту полиции, между прочим, следующее: «Убедившись на деле в наличности связи провинциальной преступной деятельности с Москвой, г-жа Субботина * намеренно расширила свои кружковые связи за пределы столицы... Екатеринослав, Кременчуг, Киев были серьезно освещены также ею»... (6).

Надо сказать правду: все «освещение» Серебряковой в данном случае заключалось в том, что она сообщила Зубатову о пребывании в Москве И. Лалаянца и о том, что он тесно связан с типографской техникой соц-дем. группы, издающей газету «Южный Рабочий». Этого, впрочем, было вполне достаточно для того, чтобы московское охр. отд. получило руководящую нить в своих розысках.

Из Москвы Лалаянц поехал, разумеется в сопровождении филерской свиты, в Кременчуг; здесь он посетил один маленький домик и в тот же день выехал в Екатеринослав, где он имел постоянное жительство. «Летучие» осели, конечно, в обоих городах. В Кременчуге обитатели дома, посещенного Лалаянцем (их было трое), сразу обратили внимание филеров своим поведением: они редко выходили из дому, их никто не посещал, и сами они ни у кого почти не бывали... Конспирация била в лицо; являлось очевидным: «техника» здесь.

В то же время наблюдением по городу Екатеринославу за И. Лалаянцем и его женой был выяснен круг их ближайших знакомых, состоявший главным образом из представителей местной интеллигенции, которые и являлись руководящим центром местной с.-д. организации (А. Машицкий и др.).

16-IV 1900 г. была произведена ликвидация наблюдений летучего отряда, при чем по обыскам, произведенным в г. Кременчуге, в таинственном домике, за которым так усердно следили филеры, и в котором оказались живущими Сара Гранд, Х. Рихтерман и Ефроим Виленский, была обнаружена типография и 1740 экземпляров отпечатанного при ее помощи второго номера журнала «Южный Рабочий»; в самой типографии застигли Хаю Гутман, которая вместе с упомянутым Виленским занималась набором шрифта в этой печатне. По обыску в квартире Менделя

---

* Агентурный псевдоним Серебряковой.—Л. М.

и Фейги Болшеверовых отобрали типографские наборы и партию нелегальных изданий (7).

Местная жандармерия была этой ликвидацией весьма огорчена: далекая охранка под самым ее носом сделала такие «открытия». Особенно не нравилось присутствие «летучих» в г. Екатеринославе начальнику местного г. ж. у. генералу Делло. Большой любитель мирных занятий по хозяйству, проводивший много времени за фисгармонией, он выслуживал только свой пенсионный стаж, а все розыскные заботы поручил своему помощнику — Л. Н. Кременецкому (8). Последний по мере сил старался добывать «языки», но особого успеха не имел; в то время у него было только два секретных сотрудника (оба рабочие), К. Артеменко и Ф. Карелый, услуги которых ограничивались мелкими доносами на товарищей и представлением по начальству агитационных листовок, в изобилии распространявшихся на местных заводах. Был еще один осведомитель у генерала Делло, некий Сиволапов, который добровольно явился к нему с заявлением о том, что жившие у него на квартире супруги Лалаянцы занимались варкой какого-то снадобья (речь шла, вероятно, о желатинной массе). Делло очень возмущался тем, что ему не разрешили «ликвидировать» надоевших ему поднадзорных, против которых уже имелось уличительное показание; генерал не знал, что на шею Лалаянца готовились повесить не легкий гектограф, а целый типографский станок... (9).

Производя свои иногородние розыски, Зубатов ставил себе две задачи: во-первых, он стремился нанести удар революционным организациям, возникавшим все чаще и чаще в разных углах провинции, и, во-вторых, он старался, пользуясь обстоятельствами, навербовать новых агентов-осведомителей для местных надобностей в будущем. Поэтому при каждой «ликвидации» по розыскам «летучего отряда» для руководства обысками и производства допросов командировались на место действия жандармские офицеры, состоявшие при московском о. о. в качестве экстернов.

В Екатеринослав для участия в расследовании по делу «Южного Рабочего» был командирован штаб-ротмистр Александр Григорьевич Петерсон, жандарм не особенно злостного типа; обязанный стараться, молодой офицер приложил усилия, чтобы угодить своему начальству, и «беседовал» с арестованными днем и ночью. Попытки добиться от Лалаянца признаний, конечно, не увенчались успехом: обвиняемый отрицал не только факты, но и простое знакомство с другими обвиняемыми. Не помогла Петерсону его откровенность, когда он, потеряв терпение, заявил Лалаянцу, намекая на его свидание с Ульяновым: «Да что вы запираетесь,—мы ведь из Москвы с вами в одном вагоне ехали!»...

Более повезло московскому охраннику при допросе Якова Ефремова Вьюшина, который после первых же «увещеваний» согласился рассказать «всю правду». Откровенные показания названного

рабочего касались главным образом кружка «Начало», организованного в июне 1899 г. И. В. Бабушкиным (10). На квартире Вьюшина происходили собрания членов этого кружка, раздача нелегальной литературы рабочим. Вьюшин вел сношения с Екатеринославским с.-д. комитетом и ездил по его поручению в г. Николаев.

О признаниях Вьюшина узнали его товарищи, кандидат в осведомители провалился, и откровенные показания его пришлось использовать, как следственный материал (11).

В конце-концов Петерсону удалось приобрести серьезного агента в лице земского фельдшера Бакая, который под его руководством сумел завязать сношения с местным с.-д. комитетом — и настолько близкие, что у него на квартире был устроен склад нелегальщины: хранились типографские принадлежности, транспорты революционных брошюр и комитетских изданий.

Благодаря агентурным указаниям Бакая было произведено много арестов в Екатеринославе (Н. Голуб, А. Краснощек, Р. Таратута и др.); по его же сведениям была взята тайная типография с.-р. в Чернигове и т. д.

Предательская карьера Бакая кончилась совершенно неожиданно — ирония судьбы! — благодаря вмешательству жандармов. В 1902 году, по распоряжению ротмистра Беклемишева, командированного в Екатеринослав нач. Киевс. г. ж. у. Новицким (подробно об этой истории будет рассказано в следующей главе), Бакай был обыскан и арестован; освободили его только по предписанию свыше; тогда же он был пропечатан, как предатель, в очередном номере «Южного Рабочего» (12).

В числе выданных Бакаем революционеров был учитель Зимионко, организовавший среди крестьян кружок под названием «Зірка» («Зорька»). Биография этого агитатора представляется весьма незаурядной, и на ней следует остановить особое внимание.

УБИЙСТВО «ПО СЛУЖЕБНОЙ НЕОБХОДИМОСТИ».

Александр Григорьевич Зимионко, по делу о пропаганде среди крестьян Екатеринославской губ., в 1902 г. был выслан в одну из северных губ., но вскоре бежал, потом скрывался в Туле; здесь Зимионко вошел в сношения с начальником местного ж. у. Сазоновым (13), которому подал 24-V 1904 г. «покаянную» с подробным описанием своих похождений, вплоть до переезда из Н.-Новгорода в Тулу. 9-VII того же года Сазонов донес конфиденциально, за № 2578, д-ру деп. полиции следующее: «Только на-днях мне представилась возможность повидаться с сотрудником «Серафимовичем» (псевдоним Александра Зимионко). По его словам, в Туле с давнего времени существует социал-демократический комитет, действующий в последнее время (после демонстрации

14 сентября 1903 г.) под непосредственным руководством так называемого совещательного собрания, в состав которого входят 1) проживающий в Туле, по Киевской улице, в доме Зыбина, известный департаменту полиции Платон Васильев Луначарский, жена которого до сих пор содержится под стражей по делу о демонстрации 14 сентября; 2) некто, по революционной кличке «Леонид», о котором известно пока, что он русский, прапорщик запаса, ранее жил в Нижнем-Новгороде, откуда и прибыл в Тулу для революционной деятельности; он занимает в комитете центральное положение; 3) именующая себя в революционной среде «Анной Павловной», в личности коей можно предполагать известную департаменту по дневникам ротмистра Гринберга (14) Марию Розину. Членами комитета являются, помимо вышеназванных «Леонида» и «Анны Павловны», следующие лица: 1) бежавший из Сибири бывший член одесского комитета, именующий себя «Алексеем»; о нем известно, что он еврей, только что на-днях с'ехал с квартиры агента Первого российского страхового общества Иосифа Наумова Пропина, обысканного вчера по делу об ефрейторе Лютсенберге; теперь поочередно ночует то в квартире вышеназванной Розиной (второй член комитета), то у некоей Надежды Александровны Даниловой (третий член комитета — близкий друг «Леонида»); 4) некая Соня, о которой пока известно, что она весьма близка с «Алексеем», который при ее посредстве ведет сношения с аптекарским помощником, по имени Моисеем, служащим в аптеке провизора Геек, на Пятницкой улице. Тульский комитет последнее время занят исключительно одной пропагандой; за отсутствием же денежных средств он лишен возможности оборудовать типографию, и потому имеющиеся технические принадлежности, как-то: станок, шрифт и т. д., хранит без употребления, довольствуясь одним множительным аппаратом. По словам «Серафимовича», раскол, образовавшийся на заграничном с'езде социал-демократов в августе минувшего года, до сих пор еще не утратил своего значения, и среди местных комитетов, как и в Туле, время от времени слышатся разногласия, доходящие до открытого раздора и разрыва между сотрудниками плехановского меньшинства, с одной стороны, и ленинского большинства — с другой. По тем же собственно мотивам произошел разлад и среди членов Тульского комитета, повлекший за собой выход одного из членов — некоего Николая Преферанцева, которому удалось создать независимую от комитета группу пропагандистов, избранную им преимущественно из молодежи. В эту группу входят, между прочим, известная департаменту (из переписки по особому отделу) Роза Сигалина, бывший член Тульского комитета состава прошлого года (Шишкова, Сидорова и др.) и недавний член «Крымского Союза». Группа эта занята в настоящее время обсуждением реферата на тему «Русские революционные партии и их разногласия», где, по существу, ставится вопрос, должна ли революционная организация об'единяться или обособ-

ляться. Реферат этот готовится для сорганизовывающегося кружка из офицеров и вольноопределяющихся. Кроме сказанного, «Серафимович» обратил мое внимание на некую Эсфирь Рузер (по девичьей фамилии Генина), которая теперь должна находиться в Киеве или Одессе, куда она возвратилась из места ссылки ее мужа, задавшись целью заняться революционной работой; прежде Генина служила фельдшерицей при детском бараке скарлатинного отделения в Киеве.

Сравнительно недавнее освобождение «Серафимовича» из-под стражи и необходимая в таких случаях тактика, как лица уже замеченного сыском, вынудила сотрудника ограничиться самым осторожным общением с революционными деятелями. Вследствие этого, до получения вышесказанных сведений, не представлялось возможным установить более или менее правильное наблюдение, о результатах коего я буду докладывать своевременно.

Через несколько времени «Серафимович» должен отправиться в Минскую губ., где проживает теперь его тяжко больная мать и жена с двумя детьми, оставшиеся без всяких средств к существованию после того, как его сестра была устранена от должности учительницы, как навлекшая на себя подозрение в политической неблагонадежности. Тульский комитет, несколько ознакомившись с тяжелым положением семьи «Серафимовича», желая воспользоваться подходящим для него случаем — поездкой «Серафимовича», поручает ему вступить, при содействии некоего Абрама Ицковича, сторонника взглядов Ленина, в сношения с бундовцами, от которых комитет ожидает материальную помощь. От них же «Серафимович» должен заручиться связями на Киев и Одессу. Абрам Ицкович — молодой человек, всегда проживающий с матерью в Туле. Еще недавно сравнительно в квартире Ицковича хранился множительный аппарат комитета, переданный им затем кому-то другому. 4-го сего июля Ицкович отправился к родным в Минскую губернию через Москву, где он предполагал иметь деловые свидания... Сказанные семейные обстоятельства сотрудника вынудили меня уступить его настоятельным просьбам, выдать ему содержание за июль и август (по 75-ти руб.) 150 руб.».

Зимионко действительно направился в Минскую губ., но здесь разыгралась драма: вскоре после своего приезда домой он убил свою жену и был арестован. Преступление свое Зимионко в письме к Сазонову об яснил, как поступок, вызванный «служебною необходимостью». Очень может быть, что Зимионко в интимном разговоре признался в своем предательстве, встретил осуждение и; боясь выдачи со стороны жены, покончил с ней. На запрос Сазонова, как поступить с Зимионко (он был в числе разыскиваемых), д. п. ответил: выслать его на место прежнего водворения. Зимионко не стал ожидать кары и скрылся.

В 1904 г. нач. моск. о. о. Тржесяк, имея в виду усиление столичной агентуры, спрашивал особый отдел д. п., «где проживает со-

стоящий под особым надзором полиции Александр Зимионко, находившийся до 19 марта в Вятке»; на это было отвечено 23 мая того же года, за № 6567, что, указывая на прежних агентов подполковника Сазонова, дир. д. п. отнюдь не имел в виду Зимионко, который уже утратил свое значение в качестве секретного сотрудника после подозрения в убийстве своей жены и к тому же скрылся из Вятки.

О дальнейшей судьбе Зимионко имеются сведения, что в 1908 г. он сидел, под именем Ивана Макарова, как осужденный на 6 лет каторжных работ, в Екатеринодарской тюрьме.

В журнале «Революционная Мысль», издававшемся в Париже (№ 1, апрель 1908 г.), были опубликованы некоторые сведения о Зимионке и его приметы.

ОХРАННИК, ЖАНДАРМЫ И АГЕНТ ЖУРАВЛЕНКО.

Не раз уже было отмечено, что между жандармами и охранниками существовал, как это ни странно, постоянный антагонизм, который особенно проявлялся, когда дело шло об уловлении провокаторских душ. Характерная в этом отношении история разыгралась в связи с делом «Южного Рабочего». Предоставим слово документам, которые говорят сами за себя.

Штаб-ротмистр Петерсон писал 5-II 1901 г. из Екатеринослава н-ку московск. о. о. Зубатову:

«Многоуважаемый и добрейший Сергей Васильевич! В бытность мою в г. Новороссийске по делу Сергея Кулагина, мне пришлось допрашивать там Германа Журавленко, от которого первоначально и было получено сведение о прибытии в Новороссийск какого-то нелегального, оказавшегося впоследствии С. Кулагиным. Журавленко об'яснил мне, что он состоит под гласным надзором полиции по ростовскому делу, что раньше он чуть ли не 15 лет вращался в различных революционных кружках, но что в настоящее время он не только отрешился от прежних заблуждений, но даже готов работать в противоположном направлении.

Озабочиваясь выяснением связей Кулагина по Ростову и принимая во внимание, что по окончании срока гласного надзора Журавленко рассчитывал переехать на жительство в г. Ростов, я вошел с ним в соглашение, по которому он обязался за известное месячное вознаграждение содействовать по выяснению кулагинских связей в Ростове.

Об изложенном я тогда же донес департаменту полиции, представив одновременно копию сего донесения вам.

Через некоторое время по переезде в Ростов Журавленко доставил мне кое-какие сведения, но настолько несущественные, что я даже не решился и представить их вам. На его письмо я послал ему ответ, где дал ему некоторые указания.

В настоящее время на имя начальника екатеринославского губернского жандармского управления поступило письмо от н-ка донского областного жандармского управления, которое в копии при сем прилагаю, как равно и последовавший на него ответ со стороны генерал-майора Делло.

Комментировать письмо полковника Тихоновича не приходится: оно говорит само за себя.

Если он, не довольствуясь ответом генерал-майора Делло, обратится с соответствующим запросом лично ко мне, то я предполагаю ему непосредственно не отвечать, а представлю его письмо со своим об'яснением вам».

Копия письма н-ка донск. о. ж. у. от 31-I 1901 г., за № 246.

Н-ку екатеринослав. г. ж. у. Делло.

«Милостивый государь, Павел Петрович! Помощник мой в Ростовском-на-Дону округе, подполковник Артемьев, представил мне сего числа письмо, переданное ему Германом Гавриловым Журавленкой, служебными услугами которого подполковник Артемьев иногда пользовался. Письмо это, по словам Журавленки, получено им от штаб-ротмистра отдельного корпуса жандармов Александра Григорьевича Петерсона, с которым он познакомился в г. Новороссийске осенью 1900 года, и которому за условленное вознаграждение согласился доставлять еженедельно агентурные сведения, касающиеся рабочего движения в г. Ростове-на-Дону и Нахичевани. К этому Журавленко добавил, что считает свое условие с г. Петерсоном поступком неблаговидным по отношению к подполковнику Артемьеву и вследствие будто бы поранения руки не может вести дальнейшей переписки с г. Петерсоном.

Не имея сведений о служебных функциях ротмистра А. Г. Петерсона, но усматривая из содержания упомянутого письма, что он находится в г. Екатеринославе и просит Журавленко адресовать ему письма в управление, вероятно, вверенное вашему превосходительству, считаю я долгом препроводить вам это письмо в копии и просить ваше превосходительство не поставить себе в труд выяснить, действительно ли такое письмо писано ротмистром Петерсоном, и, в утвердительном случае, установить, от кого он получил уполномочие наблюдать за рабочим движением в районе вверенного мне управления.

О последующем не откажите почтить меня своим уведомлением».

Копия письма н-ка Екатериносл. г. ж. у. Делло от 5-II 1901 г., за №427, к н-ку о. ж. у. Тихоновичу.

«Милостивый государь, Сергей Васильевич.

Вследствие письма вашего от 31-го минувшего января, за № 246, имею честь сообщить, что чиновник для поручений при отделении по охранению общественной безопасности и порядка в г. Москве отдельного корпуса жандармов ротмистр Петерсон состоит в насто-

ящее время во временном прикомандировании ко вверенному мне управлению и действительно осенью минувшего года, по особому распоряжению департамента полиции, был командирован на некоторое время в г. Новороссийск.

Что же касается состоявшегося будто бы там между ротмистром Петерсоном и Германом Журавленко соглашения, как о том изложено в вышеозначенном письме вашем, то о таковом мне ничего не известно, потребовать же от названного офицера об'яснения по содержанию препровожденного мне в копии письма его я не нахожу для себя удобным, так как проверять его личные отношения с частным лицом я не считаю за собой права».

Копия первого приложения к письму Петерсона.

«Екатеринослав. 16-го января 1901 г.

Письмо ваше получил (на последующих прошу ставить №№ по порядку). Вижу, что вы не вполне поняли вашу роль. Прежде всего вам надлежало немедленно же по прибытии в Ростов сообщить мне свой адрес (что, между прочим, и было уговорено между нами), так как за этот промежуток времени мне могла представиться надобность в сообщении вам каких-либо сведений или даже, может быть, в личном свидании, что за отсутствием вашего адреса я не был бы в состоянии сделать.

Затем личные мои поездки для свиданий не всегда для меня возможны, и таковые вообще могут являться лишь, как редкие счастливые исключения, или обусловленные случаями крайней важности. В виду этого вам придется излагать свои сведения письменно, что совершенно не должно вас затруднять, так как литературности изложения никому не нужно. Надо просто сообщать факты, которые будут тем ценнее, чем они обстоятельнее, не говоря уже о достоверности, которая должна быть безусловною. Вы, например, пишете, что познакомились с семейством таким-то, и присовокупляете, что никаких крутых мер пока не надо, а, между тем, вам надлежало, предоставив о мерах судить нам, сообщать подробно, какого рода собрания происходят у П., что говорится на них, случайные ли они, или устраиваются в определенные дни и т. д., одним словом, сообщать все те подробности, которые могли бы понемногу очерчивать характер деятельности всех этих господ. Впрочем, вы сами отлично понимаете, какого рода сведения представляют для нас интерес.

Итак, 1) не гоняясь за литературностью изложения, составляйте возможно обстоятельные донесения;

2) вы должны писать мне каждую субботу, хотя бы сообщение ваше иной раз было и короткое, при чем в случае получения вами чего-либо особенно интересного желательно получить сведения о сем и до очередного (субботнего) извещения;

3) письма надо законвертовывать тщательно, а то первое ваше письмо я получил наполовину незаклеенным;

4) адресуйте мне без упоминания чина, а просто в г. Ек-в, такое-то управление, такому-то;

5) о всяком изменении вашего адреса сообщайте немедленно.

Ну, помогай вам бог.

Успех зависит от вашего желания работать, старания и сообразительности. А. Г. П—н».

Копия второго приложения к письму Петерсона.

«М. г. Извините, что долго не писал, но, к сожалению, нечего было писать, только за последнее время нашлись кое-какие, веские данные.

Я познакомился с семейством господ Плесковых, у которых собирается много молодежи, преимущественно учащиеся, как-то: реалисты и гимназисты старших классов. Старший сын Плесковых—студент Харьковского университета. Затем ходит к ним Воскресенский, сотрудник местной газеты, и еще кое-какие лица, которых еще не знаю в лицо. Никаких крутых мер пока не нужно. Если вы когда-либо будете в Ростове, вызовите меня в гостиницу, хотя бы по телефону; адрес мой вам известен.

Я не умею излагать на бумаге свои мысли, хотя в данное время и нечего, потому-то я и стараюсь не навязываться на знакомства, как вы мне советовали, но если бы увидел вас лично, то мог бы порассказать все подробнее. Журавленко.

Сейчас еще получил некоторые сведения, которые мною еще не проверены. Желательно было бы, как можно скорее увидеть вас лично. Журавленко.

12 января. Чугунолитейная механическая артель».

За кем в конце-концов остался Журавленко,—мне неизвестно. Кажется, ни за кем. Одним словом:

Не поделили!

ГЛАВА VIII.

Соц.-демократическая пропаганда в Бежице, Рязани, Нижнем-Новгороде и Твери.—Московский комитет Р. с.-д. р. п.—Типография «Рабочей Библиотеки».—Южные с.-д. организации.—Первомайская пропаганда в Петербурге.

СОЦ.-ДЕМ. ПРОПАГАНДА В БЕЖИЦЕ И РЯЗАНИ.

С конца девяностых годов московское о. отд-ние представляло из себя, если можно так выразиться, пожарную команду царского правительства: красные языки революционного пламени вспыхивали неожиданно то там, то здесь, и департамент полиции положительно изводил своего всероссийского брандмейстера приказами о посылке на место «несчастия» своих «людей».

В 1898 году, как известно, на Брянском заводе (Орловской губ.) произошли так называемые «беспорядки»; в ответ на требования рабочих, носившие чисто экономический характер, петербургское начальство послало в Бежицу сотню лихих казаков и приказало Москве командировать туда отряд шпионов. Так как филерам на изолированном заводе соглядатайствовать никакой возможности не представлялось, то Зубатов отправил туда агента для внутренней работы. Это деликатное поручение было возложено на Поддевкина, который так отличился в деле уловления московских «просветителей».

Пронырливый «Тулупчик», поступивший, по особой рекомендации, сверлильщиком в механическую мастерскую Брянского завода, приступил, как подобает опытному сыщику, к делу весьма осторожно.

«Сходиться с рабочими,—писал Поддевкин 7-V Зубатову,—опасно: взамен других попадешь сам... но схожусь понемногу... и постараюсь послужить общественному делу»...

Немного спустя «Тулупчик» уже получил возможность донести: «На соседнем заводе Мальцева работают братья Васильевы, высланные из Москвы; они «об'ясняют положение рабочих». Токарь Ильин читал брошюры, пропагандировал, наклеивал воззвания на стены; после обыска, опасаясь ареста, уехал в Харьков. Иван Нефедов, работающий на фрезерном станке, получил нелегальные

книги, знает «тех, кто устроил бунт». Григорьев просит описать свое положение и сообщает: «я получил подарок от А. И. П. (Пометовой) — ластику на рубаху; я не знаю, в честь чего это такое». Слесарь Василий Вершков советует быть осторожнее с Нефедовым, так как последнего приглашал для починки ванны жандармский офицер, который угощал его, пред'являя ему карточки арестованных стачечников, и спрашивал о их знакомстве; хотя Нефедов и «не признался к снимкам», но он опасен в виду слабости его характера. Токарь М. Марков приглашает других участвовать в кассе; он об'яснил, что новый член не должен знать «корень» кружка; взносы принимает тот, кто ввел новичка в организацию; он же передает и литературу. Марков рекомендует не доверяться слесарю Никольскому, который служит от завода и делает доносы. Руководитель кружка приезжает из Орла, весной думает устроить забастовку. Марков хорошо знаком с революционной литературой; он дал читать брошюры «Рабочие союзы» и «Вперед» — №№ 6 и 7. В кассе приняли участие разметчик Н. Сальников и сверлильщик А. Кузьмин; распропагандирован также токарь Орлов, почитывающий нелегальщину»...

30-I 1900 г. последовала «ликвидация» брянского кружка: обыскали около двадцати человек, но «поличное» нашли только у рабочего Сальникова; однако, откровения последнего и Р. Худосовецева повели к дальнейшему погрому, и к 5-II арестованных оказалось уже десять рабочих и пропагандировавший их интеллигент О. Квиткин, о которых жандармы возбудили формальное дознание, которое было поручено помощнику нач-ка орловск. г. ж. у. Петрову.

Исполнив поручение, Поддевкин вернулся «отдохнуть» в Москву, а в сентябре того же года поехал отбывать, для сохранения своего революционного престижа, гласный надзор полиции, который был ему назначен по делу о Московском рабочем союзе. В Рязани «Тулупчик» не стал терять времени даром, и очень скоро втерся в местный нелегальный кружок. К декабрю того же года Поддевкин вызнал, что И. Музиль ведет агитацию среди рабочих машиностроительного завода; что он издает на гектографе воззвания и распространяет их; что деятельными помощниками его являются В. Стерлигов, братья Гольцман, Овсянников, Иванов и другие; все эти лица были вскоре тоже «ликвидированы» (1).

ПРОПАГАНДА В НИЖНЕМ-НОВГОРОДЕ И ТВЕРИ.

Я уже отмечал в первом томе своей работы, что студенческое движение, возникавшее на академической почве, часто принимало политическую окраску; во всяком случае, многие из учащейся молодежи, оторванные волною ставших хроническими «беспорядков» от

профессорских кафедр и заброшенные ею в провинцию, часто вступали на путь революционной работы. Для примера я приведу несколько корреспонденций, перлюстрированных почтовой цензурой.

28-III 1901 г. Ратаев сообщил московскому о. о. копию письма, адресованного в Москву слушательнице педагогических курсов Булкиной. «Нижний (Новгород),—сообщалось адресатке,—довольно радушно принял нас и старается оказать всяческое содействие.

Здесь чувствуется большая потребность в сообщениях о ходе событий. Сегодня получены известия, что в Рязани была демонстрация... Здесь 8-го апреля готовится демонстрация в годовщину смерти Ливена. Публику знакомили при посредстве печати со всем, что было и что есть. Выпущен ли Николай? Если да, пусть он найдет мою папку и портфель, где — он знает, и препроводит в безопасное место... Сообщите более безопасный адрес. На общежитие писать не решился. Мой адрес: Н.-Н., Грузинский п., д. Леоновой, Валентине Андреевне Марковиной, затем письмо должно быть завернуто в бумажку, с надписью В. В. М.».

Зубатов и на этот раз оказался в курсе дела. «Автор письма к Булкиной,—доносило о. о. д-ту п.,— студент ун-та Владимир Владимиров Марковин, удаленный за участие в беспорядках из Москвы на родину; после высылки он приезжал в столицу и 4-го апреля отправился снова в Н.-Новгород. Будучи в Москве, Марковин разыскивал архив, находившийся у его товарища и сданный на хранение Отто Домбровскому. Марковин занимается пропагандой среди нижегородских босяков и сормовцев; думает издать при помощи товарищей историю студенческого движения, предполагая отдать 75% с этого издания в пользу местной соц.-демократической группы. Марковин посетил в Москве члена исполнительного комитета земляческой организации (4-го состава) Георгия Соколовского, видел студента Михаила Андреева Шебуева, который обещал корреспондировать; на этот случай Мойсеев дал конспиративный адрес: Н.-Новгород, редакция газеты «Волгарь», А. А. Ярошевскому, для Ш. Письмо к Булкиной было послано на имя фельдшерицы Анны Николаевны Жебровской, знакомой нижегородцам, высланным за беспорядки — Александру и Владимиру Герман»...

Все это Зубатов знал потому, что Марковин, будучи в Москве, виделся с с. с. охр-го от-ния, имя которого мне, к сожалению, осталось неизвестным.

Но и черные кабинеты не отставали от охранки в этом деле. 13-IV 1901 г. Ратаев сообщил Зубатову копию письма к той же Булкиной за подписью «Б», автор которого (по предположению — Борис Владимирович Марковин) писал из Н.-Новгорода: «Откуда вы взяли те деньги, которые вы мне дали?.. Если в Москве сильная нужда и эмиграционный фонд действует, то напишите... Мы получили от одного высланного студента письмо, где он пишет, что 6 марта в Киеве был расстрелян его товарищ по гимназии Пирадов за

то, что он в пылу гнева ударил полкового командира. У вас на курсах, слыхал, происходят легальные сходки, вырабатывают новый устав... Время провожу недурно... Я живу со Степаном (Корсак)... у нас бывают нередко Горький и Скиталец. Теперь я убедился, что Горький—замечательный человек... Из Горького вырабатывается общественный деятель новой молодой России. Он представитель демократии великого свободного русского народа, который начинает просыпаться... Читал нам Горький свои новейшие произведения, непропущенные цензурой: «О писателе, который зазнался» и «Весна»... «Весна» характеризует современный момент — момент возрождения... Хороша «Песнь буревестника», которую поет чиж... У нас здесь будет издаваться сборник, куда войдет все касающееся последних беспорядков. Первый выпуск будет—стихотворения (пока набралось всего 14). Второй выпуск посвящен 4-му марта и т. д. «Где выход», может-быть, будет напечатан. Если у вас мало проклamаций, то можно прислать отсюда».

Наконец, 11-IV были получены, перлюстрационным путем, еще копии двух писем, тоже из Н.-Новгорода, повидимому от В. Марковина; в одном, адресованном в Москву Софье Константиновне Муравьевой, автор просил присылать всякие воззвания для задуманного к изданию сборника. В другом, к Марье Николаевне Андреевой, Марковин писал: «Та интеллигенция, с которой мне пришлось-столкнуться (в Н.-Н.), произвела на меня больше чем хорошее впечатление... я бы их назвал вполне культурными людьми, западниками... среди них есть много людей пожилых по своему социальному положению, между тем, имеющих такие взгляды, которых нужно еще поискать у многих из студентов. Что касается сочувствия к студентам и их движению, то его встречаешь во всех слоях общества. Здесь среди публики, конечно—передовой, ходит много нелегальщины. Вообще говоря, социальная жизнь здесь сильно развита, и общественное самосознание вполне пробудилось... Одно только скверно: одолевают шпионы»...

Марковин ошибался. Не переодетые жандармы, гонявшиеся за ним по Н.-Новгороду, одолевали его, а почтовый цензор и товарищ, которому он жал руку, будучи в Москве...

Агентурная паутина московской охранки раскинулась, как мы видели, и на юг, и на запад, и на восток. Не был «освещен», как следует, только север. Впрочем, относительно г. Твери Зубатов, благодаря откровенным показаниям Новодворского и предательству Лазарева и Карамышева, был довольно осведомлен. Однако, филеров своих, в виду большого спроса на московских «людей», Зубатов в Тверь не послал, а порекомендовал д-ту п. назначить туда нового начальника губ. ж. управления, стиля moderne; выбор пал на полковника Уранова, заведывавшего жандармско-полицейским отделением на Брестской ж. д. Зубатов начинил избранника сыскной премудростью и обещал ему всяческое содействие.

На ловца, как говорится, и зверь бежит.

В марте 1903 г. в московское охранное отд. явился рабочий Илья Петрович Московкин в сопровождении двух товарищей: Жукова и Чуркина; все трое из'явили желание работать «по сыскной части»; Московкин указал тогда свой адрес: станция Люберцы, фабрика Шарыгина. «Троицу» эту направили в Тверь, но работала она там недолго. 16-XII того же года Уранов донес директору д-та п., за № 4447: «При производстве дознания «о преступных кружках г. Твери», связанного с делом убийства рабочего Павла Волнухина, выяснилось, что, помимо двух кружков, собиравшихся в доме Беляева, на Козьмодемьяновской улице (в одном из них за старшего был Иван Иванов Соколов, а в другом — Михаил Антонов Швецов), существовал еще третий кружок, организованный, как и первые два, разыскиваемым Иваном Ивановичем Егоровым, в котором за старшего был Михаил Петров — один из убийц Волнухина.

В настоящее время есть основания предполагать, что один из членов последнего кружка принимает участие в четвертом кружке, состоящем главным образом из рабочих Французского вагоностроительного завода, каковой кружок, по полученному мною от моего сотрудника Московкина сведению, имел сходку 6-го сего декабря в одном из домов на Поповке, около упомянутого завода, под руководством неизвестного интеллигента, личность которого Московкин, случайно присутствовавший на собрании кружка, настолько определенно описывает, что интеллигент этот почти наверное обнаружен, за ним мною установлено наблюдение; он занимается в земской управе и имеет постоянные сношения с лицами, подозреваемыми в принадлежности к новому «Комитету», образовавшемуся после ликвидации из участников прежнего, оставшихся непривлеченными к дознанию.

Указанный Московкиным интеллигент на собрании кружка 6-го декабря говорил только о найме квартиры, на которой, кроме этого кружка, будет собираться и другой им же организованный кружок, а также относительно конспирации и необходимости строго следить за тем, чтобы среди кружковых рабочих не было предателей.

Московкин говорил, что его приглашают принять участие в кружке, но он опасается, как бы не подвергнуться такой же участи, как и Волнухин, ибо после освобождения его, Жукова и Чуркина из тюрьмы, хотя и одновременно с некоторыми другими привлеченными к дознанию о «Комитете» лицами, среди рабочих могут возникнуть подозрения если и не в предательстве, то в провале, т.-е. даче ими на дознании откровенных показаний, что на самом деле и было, так как вполне откровенные и правдивые показания трех названных моих сотрудников послужили первоначальным основанием дознания, будучи потом подтверждены показаниями других лиц.

При этом следует принять во внимание и то обстоятельство, что поименованные лица, не столько из-за денег, сколько по убеждению, высидели по два месяца в тюрьме и понесли за это время значительный материальный ущерб, будучи лишены возможности работать на фабриках, каковое положение их поставило меня в необходимость помогать им материально и после выхода из тюрьмы, тем более, что двое из них люди семейные, при чем они выдали мне почти все кружки и главных организаторов — рабочих, а также указали некоторых интеллигентов».

Наконец, 8-I 1904 г. полковник Уранов представил, за № 110, на усмотрение д-та п. три письма, полученных от Жукова, Московкина и Чуркина, с пояснением, что «в виду возникшего на них подозрения в предательстве со стороны товарищей рабочих, кои в настоящее время снова организуются в преступные кружки, действительно нельзя никоим образом поручиться за безопасность поименованных лиц, и они могут каждую минуту рисковать быть убитыми или изуродованными, хотя бы под предлогом как бы в драке»; между тем, «Московкин, Чуркин и Жуков, будучи привлечены к дознанию о «тверском комитете», состоят под особым надзором и потому и не имеют возможности выехать из Твери в другое место».

Представленное Урановым письмо Московкина было такого содержания (сохраняю его орфографию): «Имею честь всепокорнеше просить ваше высокородие обратить внимание на мою положение, в котором я нахожусь; в настоящие время негде не работаю, хотя по вашей прозбе я мог поступить, но все товарищи грозят меня убить и говорили уже моей жене, чтобы я куда-нибудь уезжал, потому что мою тайну разоблачили; я у вас служил веруй и правдуй и провалили шесть кружков, в которых ходили четыре интелегента, потом всех организаторов кружков. И еще мог бы выдать кружек, который только что начел ходить конспиративную квартиру, но я совершенно провалился, теперь меня звали посещать с ними вместе, но я боюсь, потому что у меня жена, у которой двое детей, я не хочу быть убитым; из тюрьмы получили сведения, что я был у вас агентым: уголовные арестанты приносили писмы из тюрмы от политических наших товарищей и передавали другим демократам, которых размножилось после ареста, в настоящие время находится девять кружков, в которые посещают пять интелегентов; я сам знаю хорошо. Теперь прошу ваше высокородие или меня отправить в тюрму, или уехать куда-либо, где бы я мог работать старой работой, но я нахожусь под надзором и самовольна уехать не могу у меня и у моей жене нет денег, нет также хлеба. Крестьянин Тверской губ. и уезда Васильевской волости деревни Дубровок Илья Петров Московкин. 3-II 1904, простите, если плохо написал».

Другой «агент» — Жуков — писал в своей слезнице (более грамотно): «Имею честь всепокорнеше просить ваше высокородие обра-

тить внимание на мое положение, в котором я очутился. Я живу совершенно без работы, хотя по вашей рекомендации я бы и мог поступить, но мне нельзя; так как мои товарищи и вообще чуть ли не все рабочии грозят меня убить, и даже имели покушение на мою жизнь, благодаря случайности я отделался легкой раной в руку, за то, что я на допросах показал откровенно; моего одного товарища Павла * отправили на тот свет также за откровенность, следовательно и мне не избежать этого. Я вам выдал пять кружков с их интеллигентами, не подозревая того, что будет впоследствии, так как волнения среди рабочих не только не уничтожены, но еще более осложнились, благодаря тайным письмам от арестованных товарищей, которые воодушевляют их на этом поприще и так же указывают на меня, что я выдал кружки. В настоящее время мне ничего не остается делать как садиться в тюрьму, или уехать куда нибудь в другую губернию, кроме того я не имею права уезжать из Твери никуда, так как я нахожусь под надзором и имею вид на жительство только в Твери. Крестьянин Тверской губ. и уезда, Никлинской вол., деревни Володина, Василий Максимов Жуков. 1904 г. 3-го января».

Третья жертва розыскных опытов Уранова, Василий Степанов Чуркин, крн. Тверского уезда, Новинской в., жаловался в своем письме от 5-I 1904 г.: «Я нахожусь в крайне затруднительном положении, я через товарищев узнал неделя тому назад была сходка в роще, на которой участвовала восемдесят челов. рабочих разных заведения и были трое интелигентов, ришали нашу участь и порешили убить, или переломать кости, особенно мне, Московкину и Жукову. Обращаюсь к вашему высокородию, хотя я работаю на Морозовской фабрике, дальше оставаца в Твери не могу, уехать куда либо — у меня паспорт арестован. Я вам донес об трех кружках и выдал знакомых пять человек и интелигентов, которые ходили на прапоганду и других многа. Если ехать нельзя, то посадите опять в тюрьму».

Несчастные парии шпионского мира: сажали товарищей в тюрьму, а под конец сами туда запросились!..

МОСКОВСКИЙ КОМИТЕТ Р. С.-Д. Р. П.

Москва, являвшаяся центром крупнейшего промышленного района и богатая интеллектуальными силами, всегда привлекала исключительное внимание революционных организаций; морфологическое развитие Рос. с.-д. р. партии, в частности, требовало, чтобы в таком важном пункте, каким была Москва, имелся бы свой постоянный руководящий орган; «Союзы борьбы» отжили свой век,

* Упомянутый Павел Волнухин—сотрудник Уранова.

их место должно было занять представительство, более прочное и тесно связанное с партией.

Попытки сформировать среди московской соц.-демократии партийный комитет делались настойчиво и неоднократно, но такие образования, благодаря густой агентурной паутине Зубатова, погибали, не успевши расцвести.

В конце 1901 года в Москве была ликвидирована группа интеллигентов, занимавшаяся пропагандой среди фабрично-заводских рабочих; у одного из членов этого кружка — Бориса Веселовского — был найден по обыску гектографированный «План организации московской группы Рос. с.-д. р. п.», по которому участники организации распределялись на три категории: «сознательных рабочих», «пропагандистов-руководителей», «комитет»; на последнюю по «плану» возлагалась обязанность хранить центральную и стачечную кассу, приобретать и распространять литературу, вести сношения с соц.-демократическими группами в России и за границей, заниматься издательской деятельностью, решать вопросы о демонстрациях и т. д. Рабочие кружки (по пять человек) должны были распространять нелегальные издания, доставлять сведения о настроении рабочих и прочее.

В следующем 1902-м году новая группа выступила уже формально от имени Моск. комитета Рос. с.-д. р. п.; в состав его входили: Герман Хинчук и Лидия Канцель (урожд. Цедербаум), имевшие сношения, под псевдонимами «Федоров» и «Таня», с заграничными деятелями «Искры», а также Екатерина Житкова, Татьяна Тихенко (квартиры их служили для «явок»), Сергей Сахаров, Анна Жедровская, Владимир Синакевич и Михаил Никольский. Все перечисленные лица и некоторые другие были в апреле месяце об'-исканы и арестованы, при чем у курсистки Екатерины Зиминой были отобраны принадлежности гектографа и коллекция брошюр и воззваний (в том числе «Русский политический строй и рабочие», «Поворотный пункт в истории еврейского движения», «Суд над брянскими рабочими», «Академики и социализм», «Что такое государственный преступник?»).

Дознанием по этому делу было установлено, что, помимо упомянутых лиц, к деятельности комитета были причастны Сергей Скирмунт (на его имя был выписан транспорт воззваний), Ольга Канцель и Владимир Шулятиков (их адресами пользовались для конспиративной переписки); Александра Брановицкая и Клавдия Штейн (у первой из них нашли много нелегальщины), Николай Беззубов, Андрей Дмитриев и Василий Круглов (в их квартире, служившей местом собраний рабочих, обнаружили склад агитационной литературы, распространением которой между прочим занимался Андрей Пупков).

По тому же делу были арестованы еще Леопольд Суляржитцкий, Ольга Поль, Иван Боголепов, Лев Васин, Евлампия Кутузова,

Анна Гаврилович, Любовь Заславская-Нейфельд, Мелания Житкова, Анастасия Потоцкая, так как у них при обыске нашли революционные издания.

Одновременно с арестами по делу Моск. комитета Р. с.-д. р. п. была ликвидирована группа лиц, занимавшихся «противоправительственной пропагандой», при чем у Вячеслава и Марии Зворыкиных, Василия Иванова, Дарьи Лобачевой, Екатерины и Михаила Поповых, Николая Столыпина, Виктора Вальтера, Николая Жбанова и Константина Овсеенко были найдены различные преступные издания и тенденциозные рукописи.

Осенью 1902 года была сделана новая попытка восстановления деятельности Моск. комитета; для этой цели из-за границы в середине сентября приехала представительница «Искры», поселившаяся в Москве под именем Юлии Лепешинской; но ей не повезло: она сразу попала под перекрестный огонь охранных батарей. Во-первых, о прибытии делегатки сделалось известно охр-му отд-нию из перлюстрированной переписки искровцев; хотя последняя велась очень конспиративно (цифрами и химическим способом), но д-ту п. большей частью удавалось эту корреспонденцию дешифрировать.

Во-вторых, Лепешинская, приехавши в Москву I-IX 1902 г., не преминула явиться «с рекомендациями от Лалаянца» — к Серебряковой, которая не замедлила сообщить Зубатову, что «делегатку» (приметы были тоже уже описаны) можно взять от акушерки Герценберг (жившей около Остоженки) которую она посещает.

В результате наблюдения по этому делу явилась ликвидация, очень удачно приноровленная к моменту собрания деятелей комитета. 28-XI 1902 г. на квартире дантистки Елизаветы Аннарауд были арестованы во время делового заседания Лепешинская, оказавшаяся в действительности Верой Гурвич, урожденной Кожевниковой, а также мщн. Семен Вайнштейн, инженер Николай Мещеряков и б. студент Иван Теодорович; одновременно на квартире у последнего задержали еще Леонтию Бирон т, уже дважды привлекавшуюся к дознанию по моск. соц.-демократическим делам.

На столе, за которым заседали члены комитета, оказались разложенными нелегальные издания (газета «Вперед», листки «К офицерам», «Письмо к рабочим», «Суд над крестьянами»); среди них был найден проект воззвания «К товарищам», с редакционными поправками карандашом. Лично у Вайнштейна оказалось несколько черновиков прокламаций, а на квартире у него нашли много рукописей и документов, из которых один, воспроизведенный на мимеографе, представлял из себя постановление Моск. к-та Р. с.-д. р. п., которым последний признавал Заграничную лигу русской революционной социал-демократии своим заграничным представителем, а газету «Искра» своим руководящим органом. У Теодоровича, Бирон т, Аннарауд были также обнаружены произведения нелегальной печати.

У арестованных одновременно Зои Юнеевой (в действительности оказалась Глафирой Окуловой), Анны Рыжковой, Марии Олигер, Гали Гоштовт, Елены Нагурской, Александры Яковенко, Григория Лунца и Петра Петровского тоже была найдена нелегальщина. Кроме того, у Веры Осиповой взяли по обыску 536 воззваний «О терроре», отпечатанных в типографии «Южного Рабочего», а у Веры Петровой отобрали обширную конспиративную переписку.

Расследованием по этому делу было установлено, что в деятельности комитета принимали участие еще София Шаден, Мария Манасевич, Нина Баумштейн, Лина Гефтер, Николай Плетнев, Валериан Шмидт, Иван Карпачев, Алексей Фиников, Вячеслав Виноградов и Михаил Гузеев; последние два оказались провокаторами (2).

Следующая очередная попытка поставить на ноги Моск. комитет, предпринятая пропагандистом Черномордиком, тоже не обошлась без предательства.

Арестованный 7-VI 1903 года по делу Моск. к-та Р. с.-д. р. п. Константин Петров Давыдов, будучи допрошен при моск. о. о. жандармским ротмистром Кломинским, показал: «Согласно данному мною обещанию показать все откровенно при допросе, в дополнение к раньше данным показаниям заявляю: кажется, в январе месяце этого года, на одном из спектаклей, где именно не помню, я познакомился, через Дмитревского или Кульмана, со студентом Черномордиком, о котором я упоминал в своем показании 5-го сего августа, и который назвал себя Александром Владимировичем Черномордиком. На этом же вечере Черномордик разговорился с нами, узнал от нас, что мы усиленно занимаемся саморазвитием, и выразил желание помочь нам в этом деле. Я, от имени товарищей, с которыми предварительно толковал о том, предложил ему устраивать с нами занятия на даче, которую мы проектировали снять в Богородском. Черномордик вполне одобрил наше предложение. Затем, с апреля месяца, когда Дмитревский нанял дачу в Богородском, мы все, т.-е. я, Кульман и Черномордик, начали собираться на даче. Во время этих собраний мы читали большею частью что-нибудь по политической экономии (Богданова), при чем Черномордик делал нам свои раз'яснения. При этом иногда у нас уклонялся разговор в сторону, и Черномордик нам говорил о политическом строе в России, классовых интересах, о рабочем движении и о той борьбе, которая происходит между низшим классом и капиталистами, таким образом развивал социал-демократическое движение, тенденции коего были, очевидно, основанием его политических убеждений. Однажды, в конце апреля, Черномордик, разговаривая лично со мной, заявил, что так как у него времени не хватает для дальнейших занятий с нами, то он полагал бы рекомендовать нам своего хорошего знакомого, который заедет ко мне в контору и скажет, что он пришел «от Александра Владимировича». Действительно, через некоторое время явился ко мне

в контору Лещинский, который заявил, что он пришел от Черномордика, и назвал себя Николаем Козлечковым. Козлечков тут же выразил желание продолжать занятия вместо Черномордика, и мы, вместе с ним, по окончании занятий в конторе, отправились на дачу к Дмитревскому. Козлечков сначала нам рассказывал, что он уехал с юга, что он служит коммивояжером Брокгауза и Ефрона. Затем постепенно перешел разговор на темы политические; говорил об угнетенном положении рабочего класса, о необходимости борьбы с существующим образом правления в России, о ходе движения в русском обществе и способах борьбы с существующим порядком, при чем высказывался против террора и говорил, что самый целесообразный образ действий указывает социал-демократическая рабочая партия, руководимая «Искровцами». Затем Козлечков нам показывал и читал две прокламации, изданные 1-го мая 1903 года, содержание коих касалось угнетенного положения рабочих, 8-часового рабочего дня и пр. и кончалось воззванием к рабочим об устройстве демонстраций и к низвержению самодержавия. Одна прокламация была напечатана мелким типографским шрифтом — красным, а другая черными чернилами. На обеих прокламациях были печати Московского комитета Социал-демократической рабочей партии. Во время этих разговоров присутствовали я, Дмитревский, Кульман и Сергей Волков. При чем помнится мне, что когда показывались и читались Лещинским прокламации,— Кульмана в этот день не было; а Волков присутствовал в качестве слушателя, хотя относился совершенно безучастно к интересовавшим нас вопросам. Лещинский в это время просил меня пользоваться моим адресом, и я ему передал одно письмо, как я говорил в первом моем показании» (3).

Эти письма сыграли, добавим от себя, в деле свою роль; в показании шла речь о корреспонденции, которая посылалась на конспиративные адреса Кульмана и Давыдова.

Перлюстрация в некоторых случаях стоила провокации.

ТИПОГРАФИЯ «РАБОЧЕЙ БИБЛИОТЕКИ».

Подвиги московских филеров составили им такую репутацию, что д. п. поручал им иногородние розыски даже и тогда, когда агентурные указания исходили от сотрудников петербургского охр. отделения.

В начале лета 1900 г. в Петербурге образовалась группа под названием «Социалист», в которой приняли участие Борис Савинков (впоследствии известный террорист), инженер Петр Рутенберг, Евгения Гордон и другие. Кружок этот решил, в противовес экономическим тенденциям «Рабочей Мысли», органа петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», развить устную и литературную

пропаганду идей социализма, выдвигая на первый план агитацию за политическую борьбу с самодержавием.

Тем же летом помянутая Гордон и М. Бройдо устроили совещание с представителями виленской группы, сочувствовавшей их начинаниям,— Леоном Стоциком и Еленой Боровской; тогда же решено было приступить к изданию брошюр соответственного характера, под общим названием «Рабочей Библиотеки», при чем виленцы взялись поставить технический аппарат. Осенью 1900 г. типография, действительно, начала свою работу и отпечатала брошюру, составленную М. Бройдо, «Наши задачи»; за нєй последовало второе издание: «Французская революция 48-го года». Затем были оттиснуты рассказ В. Короленко «Чудная» и книжечка «Русская женщина».

Дела «Рабочей Библиотеки» шли очень хорошо, но дни ее были сочтены, и, как ни странно, погубил ее свой человек.

М. Бройдо обратился за содействием, между прочим, к П. Б. Струве (в то время популярнейший писатель-марксист), который сообщил ему, что один из его приятелей очень заинтересовался «Рабочей Библиотекой» и даже из явил желание взять на себя всецело материальные заботы об этом издательстве; состоялось свидание Бройдо с доброжелателем, который не только дал денег, но и предоставил свою квартиру для доставки транспорта виленских изданий.

Этим благодетелем был... провокатор Гурович.

Но «Приятель» д-та п., зная, что типография группы находится в Вильне, не имел точных сведений о том, где именно она помещается, да он и не добивался знать; это выведал другой «доброжелатель» — с. с. петербургского охр. от-ния Василий Соркин, типографский наборщик, который под благовидным предлогом с ездил в Вильну и повидался с лицами, близкими к технике.

Таким образом попал под наблюдение выше упоминавшийся Стоцик; хотя последний жил на самой гиблой улице Вильны — Завальной, московские филеры умудрились все-таки выследить посещение Стоциком одного домика на Подольской улице, который обратил на себя их внимание. Видя замкнутый образ жизни двух обитателей этого уединенного домика, ищейки почуяли добычу; присутствие «шлепалки» для них стало очевидным, когда один из таинственных незнакомцев принес домой стопу бумаги; после этого филеры тактично оставили домик в покое и появлялись на глухой Подольской улице лишь за тем, чтобы проверить, все ли «на месте».

29-I 1901 года разразилась ликвидация одновременно в Петербурге и Вильне. На Подольской улице, в облюбованном филерами домике, была взята тайная типография, существовавшая под видом переплетной мастерской; там же были арестованы занимавшиеся печатанием рабочие Роговой и Камай; последний был сослан по этому делу в Нижне-Колымск, где покончил самоубийством.

А Соркин в награду был зачислен в штат полицейских надзирателей петербургской охранки (4).

ЮЖНЫЕ С.-Д. ОРГАНИЗАЦИИ.

Я уже упоминал о том, какую печальную роль играла искровская конспиративная переписка,—можно прямо сказать, что она заменяла собой во многих отношениях агентурное освещение, которого у охраны нехватало. Почти весь розыск на юге, предпринятый моск. охр. от-нием в 1901 году, базировался на расшифровках химической корреспонденции искровцев; работа Н. Зыбина и В. Зверева в этой сфере была ценнее нескольких осведомителей.

Для примера я приведу здесь список, далеко неполный, корреспонденций, писанных шифром и химическим способом, текст которых имелся в распоряжении охраны:

1) Письма «Владимира» из Киева в Кишинев на адрес Мумжи, для Антонины (вероятно — Глобе), от 4-VII и 1-VIII 1901 г., и Антонины, обратно, Гришину, от 2-VIII 1901 г. о Киевском с.-д. комитете. 2) «Булки» на имя Беекен в Гамбург, от 3-I 1902 г., инструктивного характера. 3) «Нади» из Харькова к К. Н. Захаровой в Одессу, от 31-X 1901 г., и к ней же из Нюренберга, от 13-XI 1901 г. 4) «Сони» из Одессы в Мюнхен Бухбиндеру, от 31-X 1901 г. и от 22-XI 1901 г. 5) Из Мюнхена Захаровой, от 5-XI 1901 г. 6) «Он» из Одессы в Мюнхен Дитриху (Бухбиндеру), от 7-X 1901 г. 7) Из Одессы в Берлин для «Димки (на имя Кон), от 31-X 1901 г. 8) «Б.» из Шарлоттенбурга в Киев Афанасьевой, от 12-XI 1901 г. 9) Из Мюнхена в Одессу Ревекке Шепшелевич, от 2-XII 1901 г. 10) Из Одессы Груберу в Мюнхен, от ноября 1901 г. 11) Из Харькова Захаровой в Одессу, от ноября 1901 г. 12) «Кати» из Мюнхена к Шепшелевич в Одессу, от 6-XII 1901 г. 13) Полтенова из Мюнхена С. Н. Афанасьевой в Киев, от 19-XII 1901 г. 14) «Кати» к Афанасьевой в Одессу, от 24-XII 1901 г. 15) «Кати» из Мюнхена Рябову в Самару, от 21-III 1902 г. 16) «Кати» из Мюнхена в Москву Меерсону, от 5-II 1902 г.

Благодаря богатству фактических указаний, заключавшихся в конспиративной переписке, наблюдение, предпринятое Зубатовым на юге, быстро развернулось, захватив города Киев, Одессу, Николаев, Харьков, Кишинев, сливаясь порою с розысками, которые велись там местными ж. упр.

Слежка за Августой Кузнецовой в Киеве позволила взять в наблюдение нелегальную Леман (в действительности И. Смидович); «Модная» (филерская кличка) после свидания в Киеве (10-I 1902 г.) с находившимися там под наблюдением Басовским, Крохмалем и Ш. Урицким, отправилась в деловое турне; 13-I она виделась в Харькове с Николаевой, ночевала у М. А. Смидович; 15-го наблю-

даемая проехала через Севастополь в Ялту, где тоже имела деловое свидание (в д. Иванова); 20-I «Модная» вернулась в Харьков, была у Пенкевич; 21-го она уже находилась в Москве, а через неделю — в Смоленске (дала наблюдению три адреса) и 30-го вернулась в Киев, свиделась с Френкель, Гальпериным и другим[1]. После этого «Модная» направилась в Ровно к границе.

В это время как-раз в Киеве разыгрались небывалые события: 2-II 1902 г. «толпа» под сенью красных флагов и с возгласами «долой самодержавие!» открыто демонстрировала на улицах града стольного, к немалому смущению властей предержащих. В числе особо выделявшихся своим демонстративным поведением был задержан упомянутый выше Иосиф Басовский (партийная кличка «Дементьев»), назвавшийся при аресте Шрифтейликом и живший, как оказалось, под фамилией Восходовского; на квартире у него нашли чемоданы с двойным дном, в которых перевозилась нелегальщина, пять подложных печатей, штемпеля разных учреждений, бюро подделки паспортов, коллекцию воззваний, выпущенных Киевским комитетом Р. с.-д. р. п., и до 5.000 различных изданий «Искры».

Случайный и несколько преждевременный арест Басовского и необходимость производства обысков у других задержанных демонстрантов вызвали общую ликвидацию наблюдения, которая и была произведена 9-II 1902 г.

В Киеве были задержаны Софья Афанасьева, Левик Гальперин, Давид и Ревека Горовиц, Глафира Окулова, Израиль Рабинович, Ицко Жуковский, Фани Конторович, Макар Куровский, Рувим Гальперин, Станислав Павликовский, Айзик Родин, Мариям Спектор, Шлема Урицкий, Евгения Шестакова и Виктор Крохмаль. Обыск у последнего дал жандармам богатую добычу; помимо множества нелегальных книг, брошюр и воззваний, у него нашли много рукописей революционного характера, приготовленных к печати, черновой отчет о денежных оборотах киевского комитета с пояснительной запиской, из которой видно было, что последний распространил до 20.000 партийных изданий. Кроме того, у Крохмаля забрали множество конспиративных адресов и заметок. На основании этого материала выяснилось, что с петербургской группой «Искры» сношения велись по адресам учительницы Анны Казанцевой и Надежды Рашевской, при чем из писем Любови Радченко видно было, что Крохмаль высылал ей большие транспорты нелегальной литературы (единовременно около двадцати пудов). В Москве посредницами были Елизавета Уварова, Ольга Славина, Мария Стелецкая, Надежда Сипатовская, Юлия Рукина, Любовь Павлова и Павел Ногин. В Харькове оказывали содействие Евгения Шестакова, Мария Манучарова и Белякова. В Одессе, куда Крохмаль отправил восемнадцать кило нелегальщины, для переписки имелся адрес Фани Ицкович. С Вильной сношения велись при посредстве Иоселя Таршиса.

Ликвидация южного наблюдения ознаменовалась арестом в Кишиневе образцово поставленной типографии, печатавшей издания искровцев; обнаружена она была до некоторой степени случайно. Из химических переписок видно было, что в Кишиневе гнездится «техника» («Аким»). С другой стороны, от провокатора Каплинского Зубатов узнал, что в Кишиневе поселились нелегально давно разыскиваемые Леон Гольдман и его невеста Мария Гинсбург, жившие перед тем в Одессе под фамилией Риман. В Кишинев был командирован филер Байков, знавший Гольдмана еще по Вильне. Не имея более точных указаний, филер торчал на вокзале, проверяя пассажиров, и в числе этой публики заметил Гольдмана, пришедшего на вокзал сдавать какой-то груз. Байков проводил «Похожего» до места жительства его и стал следить за этим домом. При ликвидации в квартире Гольдмана и обнаружили типографию на полном ходу; при этом задержали еще Марию Школьник и Урьяша Гецова, помогавших печатанию.

Блестящие результаты «ликвидации» южного наблюдения, однако, под конец свелись «на-нет»: самые главные деятели — Крохмаль, Гальперин, Басовский, Борис Мальцман, Бауман, Блюменфельд, Бобровский, Таршис и «Леман» — бежали из Киевской тюрьмы.

Обвинение осталось без обвиняемых...

ПЕРВОМАЙСКАЯ ПРОПАГАНДА В ПЕТЕРБУРГЕ.

Русский пролетариат тоже чтил свой день Первого Мая; но трудно давалось ему это: канун этого дня был обычно порой полицейской вакханалии — массовых обысков, арестов, высылок. В каких чрезвычайных условиях происходила подготовка рабочего праздника, мы увидим сейчас из официального рассказа. Вот что докладывалось в совершенно секретной записке д-та п. от 4-V 1900 года.

«В ночь на 13-е марта сего года в С.-Петербурге были произведены обыски и аресты группы интеллигентных агитаторов, занимавшихся революционной пропагандой на местных фабриках и заводах, с целью подготовить к 1-му мая массовую стачку рабочих. Тем не менее, заступившие их место члены организации, несмотря на полное нежелание рабочих примкнуть к движению, не прекратили своей преступной деятельности и выпустили 25-го марта новое, отпечатанное ручным типографским способом воззвание с призывом к демонстративному празднованию 1-го мая и пред'явлению различных требований политического характера. Вместе с тем, главари кружка приступили к восстановлению прерванных связей в рабочей среде, чем и воспользовалась агентура, подставив им своих секретных сотрудников в качестве представителей рабочих кружков.

Одним из главных деятелей по устройству сношений с рабочими выступал привлеченный уже к дознанию о рабочей пропаганде дво-

рянин Викентий Гутовский, который незадолго перед тем был освобожден из-под стражи для высылки под особый надзор полиции в г. Тобольск.

12-го апреля названный Гутовский по указанному им адресу (Васильевский остров, 9 линия, д. 38, кв. 10), где оказались проживающими слушательницы высших женских курсов Мария Симонова и Августа Никольская, имел свидание с секретным сотрудником (пришедшим, конечно, в виде подставного «представителя кружка рабочих») и передал ему явку: Васильевский остров, Средний проспект, д. № 15, кв. 11, с просьбой послать по этому адресу надежного человека для получения нелегальной литературы и майских листков на фабрики Нарвского района и для знакомства с работающим в означенной местности интеллигентом. Кроме того, явившийся на свидание, известный уже по сношениям с рабочими, мещанин Александр Свирчевский передал сотруднику для той же цели на 16-е апреля адрес своей конспиративной квартиры: Петербургская сторона, Подрезова ул., д. 10, кв. 5.

15-го числа по указанному Гутовским адресу был командирован другой секретный сотрудник, который, однако, там принят не был, в виду чего и отправился к Симоновой. Здесь он, кроме Симоновой и Никольской, застал Гутовского, дочь киевского купца Антонину Савицкую и повивальную бабку Нехаму Корчевскую. Узнав от сотрудника о причинах его прихода, Симонова отправилась сама по явочному адресу и привела с собой интеллигента, оказавшегося известным д-ту п. по своей политической неблагонадежности отставным канцелярским служителем Феодором Романовым, об яснившим недоразумение, происшедшее с сотрудником в д. 15, по Среднему проспекту, тем обстоятельством, что он пришел не с того хода, где его ждали. В дальнейшем разговоре назбанные лица высказались о необходимости заняться серьезной подготовкой к празднованию 1-го мая, так как к 1-му мая нового стиля они уже запоздали устройством стачки, при чем Гутовский снова обратился к сотруднику с просьбой прислать на следующий день надежного человека за литературой по старому адресу: Васильевский остров, Средний проспект, д. 15, кв. 11. Для этой цели Корчевская предложила ему другой адрес: Большая Подьячевская, Николаевская детская больница, спросить помощника аптекаря, при чем из пред - идущего ее разговора выяснилось, что этому лицу она придает серьезное значение в виду его обширных связей среди революционной интеллигенции. Вместе с тем Гутовский снабдил сотрудника азбукой для перестукивания в доме предварительного заключения на случай ареста и несколькими экземплярами подпольных изданий, а Романов пригласил его 22-го апреля на свидание в свою квартиру: Саперный переулок, д. 16, кв. 72.

16-го апреля один из секретных сотрудников был отправлен по явке Гутовского, Средний проспект, д. 15, но снова не застал

там интеллигента, а другой отправился на конспиративную квартиру Свирчевского и получил от него 400 экземпляров указанных выше преступных воззваний от 25-го марта. И, наконец, третий сотрудник зашел по данному Корчевской адресу, где оказался проживающим помощник аптекаря Николаевской больницы еврей Кива Штейнберг, и застал там, между прочим, Антонину Савицкую. Выслушав явку, Штейнберг оставил сотрудника наедине с Савицкой, которая после разговоров о планах интеллигенции выпустить к 1-му мая особые листки и затем другие листки с черным крестом и перечнем «жертв правительства» дала ему два новых адреса с просьбой прислать по ним 18-го апреля двух надежных товарищей для получения литературы: 1) Васильевский остров, 10 линия, д. 41, кв. 128, и 2) 10 линия, д. 39, кв. 58 (спросить в обоих местах студента), самому притти 19-го апреля в д. 15, по Среднему проспекту, Васильевский остров.

18-го апреля по этим адресам были отправлены два новых сотрудника в сопровождении третьего, известного уже интеллигентам. Их встретил Гутовский и провел сначала в дом 39, кв. 58, где оказались проживающими студенты университета Алексей Бушуев с женой и Иннокентий Жуков. Для приема сотрудников вышел студент, назвавшийся «Андреем Александровичем», и обещал одному из них доставить на квартиру 21-го апреля майские листки для рабочих и экземпляры № 8-го «Рабочей Мысли». При этом свидании Гутовский не присутствовал, так как, введя сотрудников в квартиру Бушуева, отправился сам к студенту ун-та Пересветову (10 линия, д. 11, кв. 128), куда затем, согласно второй явке, перешли и приглашенные рабочие. Здесь они застали, кроме Гутовского, еще четырех студентов ун-та, в том числе Николая Овчинникова, который заявил им, что в настоящее время весь запас подпольных воззваний исчерпан, и просил зайти за новым транспортом 22-го апреля по адресу: Знаменская ул., д. 2, кв. 93, спросить курсистку «Ксению Мойсеевну». Другой же студент для той же цели предложил на 23 апреля явку: 10 линия, д. 43, кв. 94, спросить Феодоровича.

19-го апреля, согласно уговора со Свирчевским, к нему опять явился секретный сотрудник и получил для распространения сто экземпляров печатанных ручным способом, вновь выпущенных воззваний «К рабочим Калинкинской фабрики», при чем Свирчевский просил сотрудника передать от его имени одному из своих товарищей приглашение притти 23-го апреля для переговоров в квартиру по Обводному каналу; по этому адресу оказался проживающим студент Технологического института Степан Лукьянов с женой. В этот же день два других сотрудника были отправлены по явке Гутовского в д. 15, по Среднему проспекту, и, снова не застав никого в назначенной им для свидания квартире, пришли к Симоновой, которая заявила им, что проживающий в этой квартире интел-

лигент уехал неожиданно в Нарву, чем и об'ясняется постоянная неудача рабочих, являющихся по означенному адресу за литературой. Вследствие чего она просила сотрудника обратиться за связями для своих к находившейся в то время на излечении в больнице Георгиевской общины, обвиняемой по делу «Рабочей Мысли» Елизавете Барабанщиковой и дала к ней явку на 22-е апреля, самому же притти 22-го апреля к Романову для получения подпольных изданий.

21-го апреля к одному из секретных сотрудников явился, согласно уговору, студент, известный в революционных кругах под именем «Андрея Александровича», с которым 18-го числа у них было свидание на квартире Бушуева, и передал 19 экземпляров различных нелегальных брошюр, заявляя, что обещанные майские листки будут готовы только 25-го апреля и что тогда он их доставит в количестве 500 штук. Названный студент был одет в рабочее платье и в разговоре с сотрудником упомянул, что в доставлении транспортов «Рабочей Мысли» происходит постоянная задержка благодаря отдаленности места ее печатания, но что их группа рассчитывает перенести типографию в Польшу, и тогда, начиная с 9-го номера, выпуск ее будет совершаться регулярно.

22-го апреля секретный сотрудник, находившийся в сношениях с Романовым, явился к нему на квартиру и получил несколько книг по истории и социологии с просьбой притти 26-го числа за майскими листками, так как они еще не готовы. Вместе с тем Романов в разговоре с сотрудником об'яснил, что у их кружка имеется пишущая машина, но что они временно, до осени, решили не обзаводиться своей печатней и примкнуть к «Союзу борьбы за освобождение рабочего класса». Того же 22-го апреля другой сотрудник был направлен по данному 18-го апреля в квартире Пересветова адресу: Знаменская ул., д. 2, кв. 93, где оказались проживающими воспитанницы училища лекарских помощниц и фельдшериц Валентина Васильева и Ксения Землянушина, на которую и дана была явка. Сотрудника встретила Васильева, передала от имени «Глеба Николаевича» пакет с 4 экземплярами революционных изданий и просила притти для свидания с этим интеллигентом в 10 линию, д. 39, кв. 63. По этому адресу проживал студент ун-та Глеб Новиков.

23 апреля другой сотрудник отправился по адресу: 10 линия, д. 41, кв. 94 (дан также 18-го апреля у Пересветова), где оказалась проживающей слушательница высших женских курсов Софья Федорович. Его встретил давший эту явку студент и передал 8 экземпляров подпольных брошюр, с просьбой притти сюда же 29-го числа за майскими листками. На переданных изданиях был штемпель «Рабочего Знамени». Затем один из сотрудников был направлен, согласно явке Симоновой, к Елизавете Барабанщиковой в больницу общины св. Георгия, но она оказалась уже выписавшейся накануне из больницы. В тот же день, по уговору с Свирчевским, состоялось

его свидание с сотрудником в квартире студента Лукьянова, где сотрудника встретил Свирчевский и, при крайне конспиративной обстановке, передал два новых адреса для получения майских листков: на 27-е апреля — угол Малого проспекта и 17 линии, д. 51, кв. 45 (личная квартира Свирчевского), и на 28-е число — Екатерингофский проспект, д. 89, кв. 32, спросить курсистку «Анну», которая оказалась слушательницей курсов Лесгафта Анной Родкевич.

25-го апреля интеллигент «Андрей Александрович» принес секретному сотруднику 500 экземпляров отпечатанных ручным типографским способом прокламаций местного рабочего комитета по поводу первого мая и 500 экземпляров воззваний, изданных в прошлом году в типографии «Рабочей Мысли», обещав притти снова 28-го числа.

Таким образом удалось из'ять агентурным путем значительную часть предназначавшегося к распространению 1 мая революционного материала; для из'ятия же остальной части был предпринят 27, 28 и 29 апреля ряд последовательных арестов по явочным адресам и среди некоторых других лиц, замеченных наружным наблюдением в сношениях с главарями группы.

При этом наружное наблюдение установило 27-го апреля, что Свирчевский приехал днем в Лесной Корпус, дача № 28, что по Английскому проспекту, куда явился студент Лесного института Николай Смидович с пустой ручной корзинкой, которую затем Свирчевский, уже наполненную, перевез в свою конспиративную квартиру — Подрезовая ул., д. 10, кв. 5. По указанному адресу не замедлил притти к Свирчевскому студент ун-та Дмитрий Колотов, уже и ранее замеченный в сношениях с ним. Часа через два Свирчевский перевез корзину на свою постоянную квартиру, в д. 51, по Малому проспекту Васильевского острова, куда снова явился Колотов и унес об'емистый портфель к слушательнице высших курсов Надежде Синевой, в д. 39, кв. 5, по 14-й линии. Кроме того, Колотов посетил два раза за этот промежуток времени слушательницу высших женских курсов Елену Щеголеву, в д. 39, по 10-й линии. Произведенным у них обыском обнаружено: у Свирчевского 845 экземпляров воззваний к рабочим того же образца, как переданные 25 апреля интеллигентом «Андреем Александровичем», 25 экземпляров других воззваний, 6 экземпляров отчета подпольного общества помощи политическим ссыльным, 4 экземпляра листков того же общества, 11 экземпляров № 8 «Рабочей Мысли», рукописные статьи для той же газеты, пишущая машина и целый ряд подпольных брошюр; у Колотова — квитанция с печатью «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» в приеме 25 руб. для «работающей группы», перечень лиц, арестованных за государственные преступления, нелегальная книга и какая-то записка, которую он успел проглотить; у Синевой взят только доставленный Колотовым

портфель, в коем оказались две стопы писчей бумаги, вероятно, приготовленной для воспроизведения воззваний. Кроме того, в квартире Свирчевского был застигнут рабочий Сергей Домрачев, у которого в карманах платья найдено несколько нелегальных брошюр и воззваний к 1-му мая.

Вместе с тем был подвергнут 27-го апреля аресту указанный выше Федор Романов. В квартире его застигнуты студенты С.-Пб. ун-та Михаил Красиков, Владимир Копонасевич и Александр Гарин, бывший гимназист Александр Иов, сын дворянина Иосиф Владиславлев, сын чиновника Петр Красиков и курсистка Елена Щеголева, при которой оказалось 120 экземпляров воззваний того же образца, как отобранные у Свирчевского. У Романова и его гостей взяты также нелегальные издания, а в квартире Щеголевой обнаружено 15 рукописных листков революционного содержания, 10 листов восковой бумаги, 25 листов тонкой бумаги для мимеографа, 20 экземпляров № 8-го «Рабочей Мысли» и много подпольной литературы.

В ночь на 29-ое апреля были произведены обыски и аресты у остальных намеченных представителей группы, при чем у Анны Родкевич, Степана Лукьянова, Кивы Штейнберга, Валентины Васильевой и Ксении Землянушиной, Марии Симоновой, Нехамы Корчевской и др. найдены в значительном количестве вещественные доказательства их преступной деятельности.

Таким образом к 1-му мая было арестовано замеченных в пропаганде до 60 лиц, а также изъято из обращения агентурным путем и при обысках до 4.000 экземпляров преступных воззваний и брошюр.

День 1-го мая в Петербурге прошел спокойно, и лишь в ночь на 2-е число забастовала ночная смена одного из отделений мануфактурной фабрики Паля».

День 1-го мая (1900 г.) в Петербурге «прошел спокойно»...

Еще бы! На двух агитаторов имели пять провокаторов...

ГЛАВА IX.

Северный Рабочий Союз.—Ярославский комитет С. Р. С.—Костромской комитет.—Иваново-Вознесенский комитет.—Воронежская группа «американцев».—Деятели С. Р. С.

СЕВЕРНЫЙ РАБОЧИЙ СОЮЗ Р. С.-Д. Р. П.

Организация под этим названием образовалась в августе 1901 г. на втором с'езде социал-демократических деятелей Ярославской, Костромской и Владимирской губерний. Тогда же была выработана «программа» (краткая) и «устав», подробно разработанный. Цель союза—об'единение революционной борьбы и руководительство социал-демократическим движением на севере России. Организация составилась из комитетов Ярославского, Костромского и Иваново-Вознесенского. С'ездом был избран Центральный Комитет, который назначил районных представителей для сношений с избранниками местных комитетов. Центральному Комитету предоставлено право созывать не менее одного раза в год с'езды, причем он должен целиком входить в состав оных. Комитеты обязаны были отчислять 50% своих доходов в кассу Союза.

В состав Центрального Комитета входили статистичка Ольга Афанасьевна Варенцова, земский лесник Дюбюк *, нелегальный еврей «Александр» ** и рабочий Михаил Александров Багаев. Членами Ярославского комитета являлись упомянутые Варенцова, «Александр» и Дюбюк, а также статистик Алексей Александрович Лактин и нелегальный еврей, вскоре арестованный, под именем «Николая Антоновича Лужанского». Костромской комитет составляли лесник Николай Павлович Богданов, учительница Мария Сергеевна Александрова, урожденная Веселова, гласноподнадзорный рабочий Иван Платонов Александров, бывший семинарист Василий Павлович Заварин и брат его Александр Павлович Заварин. В Ив.-Вознесенске в самое последнее время комитета не существовало, ибо главный его деятель, нелегальный Николай Николаев Панин, был арестован (под именем «Гаврилы Петровича»).

---

* Ученый лесовод Евгений Федоров Дюбюк.

** Разыскивавшийся Хаим Мовшев Вейсман (цирк. 1-III 1902 г., № 1514).

Деятельность Северного Союза выразилась в связывающих сношениях с местными комитетами, снабжении их нелегальной литературой, приобретении типографии (затрачено около ста рублей) и установлении прочных связей с заграничным центром «Искры» и ее отдельными агентами, как, например, Михаил Осипов Гуревич (Бронер), доставивший Центральному Комитету отчет общепартийной конференции в Белостоке и проект майского воззвания. Северный Союз не выступал официально, опасаясь погрома и желая прежде всего окрепнуть; конституирование его предполагалось сделать после первого мая. Союзом была заказана печать, но она при перевозке из-за границы была арестована вместе с транспортером Николаем Талановым (содержался под стражей в Киеве). Центральный Комитет выписал несколько транспортов нелегальной литературы, из коих последний был получен в феврале 1902 г. Часть изданий была уделена Иваново-Вознесенску. К 1 мая Комитет заказал редакции «Искры» 10.000 общепартийных воззваний, которые предполагалось распространить во всех крупных городах союзнического района в конце апреля.

Работа отдельных комитетов сводилась главным образом к социал-демократической пропаганде среди фабричных рабочих, образованию среди них кружков с кассами, снабжению их нелегальными изданиями, к сборам денег и гектографированию злободневных листков.

Северный Союз вообще ощущал большой недостаток в интеллигентных силах, а после арестов (в Ярославле, Ив.-Вознесенске) значительно поредели и рабочие кадры. Союз располагал распропагандированными рабочими и в других фабрично-заводских центрах («Гусь», Орехово-Зуево, Ковров), но они имели лишь стать ячейками будущих групп; относительно же других пунктов, каковы Киржач, Тейково, Нерехта, Новки и пр., существовали только одни пожелания.

ЯРОСЛАВСКИЙ КОМИТЕТ.

Собственно основателем его считается бывший студент Александр Петрович Доливо-Добровольский, находившийся в Оренбурге и собиравшийся оттуда скрыться за границу. Восстановили комитет после январского погрома 1901 года Варенцова и переселившийся из Ив.-Вознесенска Лужанский (Зарахович). Затем к ним примкнули «Александр» (Вейсман) и Дюбюк. Последний редактировал все комитетские воззвания, гектографировать которые большим охотником был «Александр». Один листок для Ярославля с приглашением на демонстрацию изготовлен был костромичами. Пропагандой занимались все, но более всего Варенцова (под именем Марии Ивановны) и «Николай Антонович» (Зарахович). Рабочие собирались у последнего в комнате, где прежде жил высланный потом студент

Рабинович, и у «Александра», проживавшего в квартире офицера. Это считали причиной провала: говорили, что рабочий Калинин, только что принятый в кружок, будучи арестован, указал место собраний. Когда Корзинкинскую фабрику забросали прокламациями, начались аресты, и задержанный рабочий Николай Новожилов будто бы многих оговорил. Большие услуги комитету оказывал студент Ярославского лицея Кедров, жертвовавший ежемесячно 30 руб. в кассу комитета, что он намеревался и впредь делать (был привлечен по пустому студенческому делу, в начале апреля был освобожден и выехал в Московскую губ.). 8 или 9 марта комитет думал, пользуясь многолюдием ярмарки, устроить демонстрацию, заготовил 400 листков (гектографировали в Костроме), но студенты «обманули» — отказались от участия. Вообще среди лицеистов не было «хороших» людей, хотя у них еще существовала группа, располагавшая шапирографом. Среди офицеров-фанагорийцев комитет имел двух своих сторонников. Между железнодорожными рабочими удалось организовать кружок. Много комитетских поручений исполняли Ольга Августова Дидрикиль (обещала быть полезной) и окончившая гимназию Нина Дидрикиль, собиравшаяся на медицинские курсы; но она выехала в Пермь. Александр Алексеев Лактин успешно собирал для комитета деньги. Князь Дмитрий Иванович Шаховской только два раза пожертвовал по пяти рублей. Статистик Николай Михайлович Трегубов, живший в доме Нелидова, на углу Рождественской и Ильинской улиц, иногда принимал на хранение комитетскую нелегальщину и давал ночлег приезжим революционерам, например «Валериану Александровичу» (Рудковскому, которого называют «Фотографом»). Для тех же целей предоставлял свою квартиру и женатый статистик Леонид Егоров Петров, живший в доме Овчинникова, на углу Борисоглебской и Духовской ул. Адресом Ольги Николаевны Алексеевой, жившей при матери своей во дворе дома Ланина, по Любимовской ул., пользовались для отыскания Варенцовой (Алексеева состояла в гимназическом кружке, инертна, ее преследовала мать, сжегшая как-то партию имевшихся у дочери брошюр и грозившая по этому поводу доносом). Наиболее безопасной для конспиративных свиданий считалась комната статистички Екатерины Николаевны Новицкой (дом Белявина, по Любимовской улице, явочный адрес Варенцовой). В крайних случаях не отказывал в ночлеге заведывавший земским статистическим бюро Клементий Воробьев. Секретная переписка с комитетом велась по адресу: Ярославль, статистическое бюро губернской земской управы, Островидовой.

В апреле Ярославский комитет был занят изготовлением на гектографе воззваний от своего имени по поводу первого мая и в память годовщины расстрела рабочих на Корзинкинской фабрике, которые сначала предполагалось разбросать в четверг на страстной неделе, в момент окончания работ на фабриках. Призыва к устрой-

ству демонстрации не проектировалось. В случае, если бы заграничные общепартийные прокламации во-время получены не были, комитет в конце апреля намеревался выпустить то же воззвание в своем издании и, по возможности, в значительном количестве.

КОСТРОМСКОЙ КОМИТЕТ.

Возник он из группы социал-демократов, выпустившей в 1901 г. одно или два воззвания. Более или менее правильно функционировать он стал лишь с ноября. Ранее пропагандой среди рабочих занимался некий «Сергей Васильевич» *, который, однако, уехал, не передав связей. Потом его делом занимался какой-то «Егор» **. Из прежних деятелей в состав комитета вошел лишь один человек — основатель рабочей кассы. Самыми деятельнейшими работниками являлись бывший студент Лесного института Николай Николаевич Богданов, петербургский рабочий Иван Платонов Александров и давно известная Мария Александрова. Благодаря́ стараниям Богданова комитетская касса располагала суммой рублей в триста; 25 р. из нее было уплачено на расходы по приобретению типографии, 10—12 рублей выдавались ежемесячно нелегальному «Александру», не имевшему занятий. Рабочая касса была крайне бедна, ибо членские взносы поступали крайне неаккуратно. Комитет имел библиотеку — архив революционных изданий, в числе коих находились «Эрфуртская программа» (2 экз.), «Коммунистический манифест» (2 экз.) и т. п. сочинения. Подбор легальных книг рабочие растащили, «зачитывая их». Распропагандированных рабочих, составлявших группу, имелось не более двадцати. Из них особенно интересным представлялся бывший народоволец — 52-летний Дмитрий Кирсанов (сын его тоже в кружке) и дочь извозчика — ткачиха Гусева, у которой происходили собрания. Внимание пропагандистов было обращено на крупнейшие местные фабрики: Кашина (6-7 т.), Зотова (3 т.), Прянишникова и Бельгийского общества; так как названные предприятия сокращали за последнее время свою деятельность, то среди рабочих замечалось повышенное настроение, которым комитет при случае намеревался воспользоваться в своих видах ***. За время своего существования комитет, располагавший четырьмя гектографами, выпустил 6 или 7 серий листков на разные темы («К рабочим фабрики Прянишникова», «К новому году», «К офицерам») и брошюрку «Как держать себя на допросах и в

---

* Двор. Сергей Васильев Андропов.

** Мещ. Егор Егоров Иванов.

*** Беседами с рабочими занимались Александров, Александрова, «Александр», перекочевавший из Костромы после арестов, и Василий Заварин. Читали Энгельса, Каутского, довольно бессистемно. Собирались человек по семи; деления на группы не было.

тюрьме». Комитет был недоволен тем, что Союз мало заботился о снабжении Костромы нелегальной литературой, в которой ощущался большой недостаток: отсутствовали, например, классическое произведение Плеханова «Социализм и политическая борьба», исторический сборник «За сто лет», номер первый «Рабочего дела» и пр. «Искра» имелась по № 15; зато «Свобода», очень понравившаяся рабочим, и брошюра «Возрождение революционизма», одобряемая интеллигентами, вращались в двух экземплярах; № 2-3 «Зари», получившийся в апреле, брался нарасхват. Архив комитета хранился в безопасном месте, с которым сношения велись через Александра Павловича Заварина, жившего в собственном доме. Конспиративную переписку и посылки комитет получал по двум адресам (Мшанская улица, казенная винная лавка, Екатерине Павловне Сперанской и—Соборный дом, Анне Александровне Коносовой). В издании листков, помимо Александровой, принимали личное участие сестры Анна Константиновна и Софья Константиновна Загайные. Трафаретки для гектографа писали Богданов (особо артистически—выходило до 150 экземпляров), Александрова, Загайная Софья и еще два-три человека. Услуги этого рода не прочь был оказать некий Масленников, Николай Романов и два ученика Чижевского училища. В середине апреля 1902 г. готовился к выпуску листок по поводу стачки мотальщиц на Бельгийской фабрике и до 1.000 оттисков майских листков от комитета, а также брошюра о политической свободе, под заглавием «Чего нам добиваться». Эти издания предполагалось распространить в среду на страстной неделе. К 18 апреля комитет хотел оттиснуть и разбросать «Офицерскую памятку» Льва Толстого — воззвание по поводу убийства Сипягина. К 1 мая старого стиля проектировалось пустить в обращение майский партийный листок, если его пришлют из-за границы, или свой оттиск оного. После этого имелось в виду заняться главным образом пропагандой среди рабочих, так как летнее приволье позволяло устраивать безбоязненно собрания в окружающих Кострому рощах и на волжских островах. Между костромичами и ярославцами существовал некоторый антагонизм, так как первые благодаря Богданову и Александровой заметно тяготели к «рабочедельцам». Связи у Костромы с Владимиром не имелось, а с Петербургом она тоже порвалась. В Нерехте обещал завести кружок рабочий Ячменников, который ожидал высылки в упомянутый город под особый надзор полиции. Хотя Костромской комитет и страдал малочисленностью, но члены его работали весьма энергично. Этому благоприятствовали еще и местные жандармско-полицейские условия. Вся кружковая публика в один голос называла жандармского полковника Кемпе дураком и рассказывала про него массу анекдотов. Например, отобранную по обыску книгу «Экономическое учение К. Маркса в изложении К. Каутского» (харьковское нелегальное издание) возвратили, а

«Фабрику» Дементьева отобрали. Потом чуть не привлекли будто бы одиннадцатилетнюю девочку. Хватают много, но все не того, кого надо. Губернатор Леонтьев будто бы жаловался на это и просил сменить начальника губернского ж. управления, ад'ютант коего недолюбливает своего патрона и на свиданиях допускает передачу записок, при чем только просит, чтобы его «не подвели». Всех унтер-офицеров (коих насчитывалось 15 человек с пунктовыми), наблюдавших в форме, знали в лицо, а над стариком Потаповым прямо издевались. Полицмейстером (из офицеров) не нахвалятся: исполняя следственные действия, он всегда извиняется, поясняя, что делает это потому, что его «заставляют»; пристава недовольны жандармской властью, т. к. принуждены производить массу обысков, но всегда «без толку». С тюрьмой сообщение было прекрасное: заключенным говорили в бумажный рупор, а ответы получали с камешками, бросаемыми во дворы окружающих тюрьму частных владений. Смотритель тюрьмы «Андрей Михайлович» — добряк и был хорошо знаком с Загайными, которым он рассказывал, как губернатор приказал ему приготовить лучшие помещения для московских студентов и обращаться с ними как можно мягче, чтобы не вызвать бунта. Питали надежды, что при помощи ожидаемых гостей, которые видимо будут пользоваться льготами, можно будет еще больше облегчить сношения с сидящими под арестом. Все подробности производимых обысков делались моментально известны, и тотчас же принимались охранительные меры. Например, еще не были закончены обыски, произведенные в ночь на 5 апреля у Тихона Попова, Колокольцева, Грацианского и др., как уже были написаны предупреждения в Ярославль (Клементию Воробьеву), в Петербург и т. д. о том, что отобрана корреспонденция и пр.

ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКИЙ КОМИТЕТ.

Социал-демократическое движение в этом русском Манчестере считает уже за собой десяток лет. В последние годы там подвизался Владимир Александров Носков, пользовавшийся широкой известностью и в Ярославле, и в Костроме, и в Воронеже, откуда он скрылся за границу, где находился в числе немногих избранных в конспиративной колонии эмигрантов, составляющей редакцию «Искры». В Иванове выросла и «разработалась» Ольга Варенцова, имевшая там очень близких людей в рабочей среде. Заместителем ее явился Николай Николаев Панин, который до марта 1902 года руководил всем местным движением, являясь и комитетчиком и районным представителем Северного Союза. Он жил под видом коммерческого человека и назывался «Гавриилом Петровичем», под каким именем и арестован. У него отобраны гектографы и много нелегальных изданий; что он нелегальный,—этого власти

не знали. У Панина хранились запасные части печатни, поступившие затем в распоряжение Северного Союза. Провал Панина с его кружком в Союзе признавался большим несчастьем, и готовы были приложить все усилия, чтобы высвободить его. Конспиративные квартиры после последнего погрома не уцелели: одна из таковых, служившая с давнего времени, хотя и не провалилась, но содержащая ее девица по домашним обстоятельствам переселилась теперь в Москву. Сильный ущерб Иваново-Вознесенская группа понесла от высылки около двадцати рабочих по приговору за майское дело прошлого года. Очень радовались, что выдавший многих, уже пропечатанный предателем рабочий Жаров присужден к высшей мере наказания — одному году отсидки. Наиболее надежными из числа отбывающих наказание считались Гречин и Киселев. Тем не менее «сознательных рабочих» в Иванове осталось не мало, и Ольга Варенцова надеялась, побывавши там на пасхе, организовать вновь комитет и даже попытаться устроить 1-го мая демонстрацию, пригласив на таковую особыми воззваниями, которые должен был сфабриковать Центральный Комитет.

ВОРОНЕЖСКАЯ ГРУППА «АМЕРИКАНЦЕВ».

Тесный кружок проживающих под надзором в Воронеже бывших студентов — Николая Николаева Кардашева, Алексея Иванова Любимова, Валерия Александрова Рудковского, Льва Яковлева Карпова и Дмитрия Васильева Кастеркина—с слегкой руки Перелешина прозвали «американцами». Все упомянутые лица принимали живейшее участие в судьбе Северного Союза, при чем Кардашев лично работал для него в Ярославле и Костроме, а Рудковский отвозил туда нелегальную литературу и в самый день задержания своего (ночь на 31-III 1902 г.) только что вернулся из Ярославля. Кардашев же направил на север «Александра», бывшего члена Южной революционной группы в Одессе, жившего прежде в Кишиневе. У «американцев» там же в марте перебывало пять человек нелегальных искровцев, из коих один был известен под кличкой «Бродяга» *, а другой — представитель редакции «Искры», поехавший от них прямо на общепартийный с'езд, посетивший затем Смоленск и Ярославль (Ольгу Варенцову) и задержанный 4 апреля при возвращении в Москву (Гурвич, назвался врачом Вульфом Моисеевым Броннером).

Из вышеупомянутых лиц Кардашев, лично изучивший север, был всего лучше знаком с тамошними условиями революционной работы, трудностями пропаганды и малолюдием; поэтому он и старался направить туда возможно больше серьезных деятелей.

---

* Сын чиновника Михаил Александров Сильвин, сод. под стражей в Киеве.

Любимов, проводивший большую часть времени у своего закадычного приятеля Карпова, поддерживал связи с заграницей и самарским агентом «Искры». Кардашев же выписал из Керчи Михаила Александрова Багаева (поселившегося потом во Владимире), который, являясь членом Центрального Комитета Северного Союза, получал через секретаря местной губернской земской управы Александра Саввина Панкратова конспиративную корреспонденцию. Явкой к «американцам» служил адрес жены бывшего ссыльного врача Софьи Александровой Мартыновой, урожденной Перелешиной, живущей в Воронеже с мужем и братом в собственном доме на Садовой улице. У названных Мартыновых во все время нахождения Ольги Варенцовой в Воронеже (в предыдущем году) частенько бывала старая народница Екатерина Константинова Брешковская, постоянно раз'езжавшая и горячо проповедывавшая террор. У Мартыновых же Богучарский (Василий Яковлев Яковлев) читал как-то реферат о Герцене, вызвавший горячий спор об общине между народниками и марксистами. То обстоятельство, что «американцы» игнорировали местную революционную деятельность и не пытались пропагандировать среди железнодорожных рабочих, имеющихся там в значительном количестве, им в вину не ставилось, так как они многое делали для Северного Союза, поддерживая связи его с Югом. Группа «американцев» была чисто искровской.

ДЕЯТЕЛИ СЕВЕРНОГО РАБОЧЕГО СОЮЗА.

Варенцова, Ольга Афанасьевна. Тщедушная, за 30 лет; служит в статистическом бюро. Выдержанная, уравновешенная натура; заядлая социал-демократка искровского толка. Много поработала в Иваново-Вознесенске, жила в Перми, где слушала лекции старого народовольца Аптекмана, в Харькове, где у нее есть рабочий Димитрий Семенович Яшин, на которого она возлагает большие надежды, и в Воронеже, где она бывала у Мартыновых, видалась с Брешковской, ругалась с народовольческим болтуном Прозоровским и сдружилась с «американцами». Переселившись в Ярославль и вступив в местный социал-демократический комитет, она явилась адептом Северного Союза, участвуя на с'ездах деятелей оного, а равно в выработке программы и устава его. Лично вела пропаганду среди рабочих, из коих многие могли бы опознать ее; боялась, что если возьмут слесаря (Масленникова), которого прислал в Ярославль «Гаврила Петрович» (Панин), то он может своей болтовней обнаружить ее тесные связи с Иваново-Вознесенском. Занималась сама и гектографированием и разбрасыванием преступных воззваний. Ездила не раз в Кострому к Богданову, которому писала (содой, шифром) и посылала документы (например, отчет общепартийной конференции) по адресу Сперанской (упомянутой раньше).

Одобрила приобретение типографии, вызволила на это у Центрального Комитета Северного Союза, первейшим членом коего она состояла, денег, но заявила, что «в технике ничего не понимает». Ездила к работавшему когда-то в народовольческой (Лахтинской) типографии рабочему Шаповалову с предложением пойти к Союзу в наборщики, но тот оказался больным (ревматизмом). Наиболее оживленные деловые отношения были у нее с Доливо-Добровольским, Носковым, Кардашевым, Паниным, Багаевым, Рудковским; Лесник Дюбюк, Лактин, Новицкая, Дидрикиль, «Александр» и «Николай Антонович» — ее ближайшие сотрудники по Ярославскому комитету. Ждала, вследствие последнего провала, обыска; домой к себе никого не принимала, все свидания устраивала у Новицкой, во все посвященной. Варенцова имела приглашение от Петербургского комитета на партийный с'езд, но не получила точных указаний о времени и месте оного. Получила как-то предложение от заграничной группы террористов высказаться от имени Северного Союза «надлежащим образом» относительно пропаганды фактами. Горевала, что на границе пропали печати Северного Союза, которые вез с литературой арестованный в Вержболове Николай Таланов. 2 апреля 1902 г. имела свидание с представителем редакции «Искры» («Броннер»), который вручил ей для снятия копии постановления конференции, принятый «Искрой» проект майского воззвания, а также брошюру «Что делать» и др. Получила как-то из Н.-Новгорода (где у нее был знакомый, бывший студент трех университетов Буякович) предложение выписать, пользуясь оказией, из-за границы подбор нелегальщины, дала список, сто рублей, ждала месяц, другой, третий и едва деньги обратно выручила. Варенцова корреспондировала в «Искру» (писала, например, об избиении лицеистов), посылая сообщения по адресу: Нюренберг, Гетцелю. Секретную корреспонденцию она получала на Островидову. После разброски (10 апреля) майских листков собиралась поехать в Иваново-Вознесенск и другие пункты. Летом думала отдохнуть. В случае ареста своего, для продолжения дела, рекомендовала как верных людей рабочего табачной фабрики Вахрамеева в Ярославле — Василия Новикова (еще мальчик, но готовый на все), столяра Глазунова и рессорщика Моргунова, служивших в железнодорожных мастерских станции московской линии и живших в доме Крекшина, по Новой Слободе (нужно было сказать: от Дмитрия Семеновича Яшина, но про Варенцову, которую они знали, как Марью Ивановну, не говорить); рабочих Корзинкинской мануфактуры — Василия Ермакова и кузнеца Потехина; ткача фабрики Скорынина — около Гарелинской платформы, Шуйско-Ивановской железнодорожной линии — Ивана Васильева. Кудряшева (Варенцова с ним в переписке) и находящегося еще под арестом щипальщика Василия Вараксина. Во Владимире, по заявлению Варенцовой, все мог дать член Центрального Комитета

и районный представитель Союза, упоминавшийся выше — Михаил Багаев, революционная кличка «Медведь», человек, впрочем, семейный и страдающий малярией. В Коврове Варенцова рекомендовала обратиться к судебному следователю Николаю Михайловичу Иорданскому, готовому на услуги, а в Шуе к фабричному инспектору Василию (?) Федоровичу Фокину, который когда-то многое делал для партии; но в позднейшее время оселся и нуждался в подогревании.

Чтобы отыскать Варенцову, обращались чаще всего к Новицкой, редко — к Алексеевой, иногда — в бюро или к Марии Дидрикиль. Пароль был: «Самовар», ответ: «Огурец». Варенцова принципиально против террора. Знала о существовании в Саратове кружка народовольцев. Была знакома с Ивановым (Косым-владимирцем).

Дюбюк. Член комитетов Центрального и Ярославского; редактор воззваний, пропагандист; жена его ездила в Москву, откуда вернулась с «хвостом»; брат-студент выслан. Окончил курс в Лесном институте, служил в земстве. Был очень осторожен, даже на свидания в квартире Новицкой соглашался неохотно.

Лактин, Алексей Александрович, служил в земском статистическом бюро, имел обширное знакомство. Был кассиром Ярославского комитета.

«Лужанский» (Зарахович), еврей с юга; именовался Николаем Антоновичем; бывший член Ярославского комитета, арестован; думали, что нелегальность его известна. Был ярый, но недостаточно осторожный пропагандист, работал и в Ив.-Вознесенске. Друг нелегального «Александра», знакомый Панина.

«Александр» (Вейсман), еврей, прибыл с юга. Живя в Кишиневе, участвовал в демонстрации по случаю высылки Домбровского. Прокурор, наблюдавший за дознанием по делу Длусского, говорил, что «мы знаем и другого, да не найдем». «Александр» жил у офицера, которого допрашивали, но он, будто бы умышленно, дал описание внешности своего жильца, противоположное действительности. «Александр» был где-то печатальщиком, хвалился, что за 50 рублей может устроить печатню, но в союзную типографию не пошел, говоря, что незнаком с набором. Он, кажется, перевез в Кострому станок и шрифт, лежавшие у Панина. Любил заниматься гектографированием и сиял при появлении нового листка. Провалившись в Ярославле, перебрался в Кострому, где на две недели Александрова устроила его у статистика Колокольцева, почти против воли последнего. После «Александр» жил у старухи, прописавшись «писцом». Занятий определенных не имел, принимал участие в Костромском комитете, вел беседы с рабочими (под именем Богдана), но влияния на них не приобрел. Жил на комитетские деньги. Вообще «Александр» вызывал некоторое неудовольствие своей привычкой таскаться по знакомым и недостаточной

осторожностью действий. Плохо писал и отчаянно перевирал фамилию Островидовой (в конспиративном адресе ярославцев). Его знали Богданов, Александрова, Загайные, «американцы» и, вероятно, все северные комитетчики. Уехал потом во Владимир и на юг, но должен был вернуться, вероятнее всего — в Кострому.

Новицкая, Екатерина Николаевна, служила в статистическом бюро; привлекалась и ранее. Без строго определенных убеждений, революционная пособница. Квартира ее давно служила местом свиданий для Варенцовой и других ярославских деятелей. У нее гостил Кардашев, ночевали «Фотограф» (Рудковский), «Александр», а также был представитель «Искры» Владимир Михайлович («Броннер»). По пути за границу к ней хотел завернуть Александр Петрович (Доливо-Добровольский), чем была возмущена Варенцова, которая находила это крайне неосторожным, ибо его в Ярославле все знают. Новицкая была знакома с Дюбюк (к нему явка через нее), Лактиным, Дидрикиль, Александровой, Загайной Анной, Панкратовым и Багаевым (видела и детей его). Новицкая устроила ночевку Рудковскому у Трегубова. Носила письмо с извещением об обысках в Костроме Воробьеву. Все новинки нелегальной литературы читала, но у себя ничего такого не держала. Рассказывала по поводу убийства министра Сипягина, что, по сведениям из Москвы, там знали уже заранее об этом злоумышлении, при чем в будущем такая же участь ожидала еще министра Муравьева и генерала Бобрикова.

«Владимир Михайлович» (Гурвич), шустрый, бойкий на язык, форменный революционер. Прибыл 2 апреля 1902 г. в Ярославль утренним поездом (во втором классе) из Москвы, оставил чемодан, между двойными стенками которого скрыта была литература, на хранение в вокзале и поехал в редакцию «Северного Края», где свиделся с Марией Дидрикиль, побывал у Петровых и в пятом часу явился к Новицкой, где его ждала уже Варенцова, с которой познакомился по паролю «Самовар»—«Огурец», и отрекомендовался представителем редакции «Искры»; дал ей отчеты с'езда, с которого он приехал, писанные, повидимому, им самим, карандашом, с синей копией. По его словам «Бродяга», бывший у «американцев» в Воронеже, на с'езде не присутствовал. Петербургский комитет, созвавший с'езд, «смошенничал», послав приглашения искровским группам таким образом, что их представители не смогли попасть на заседания, благодаря чему из них на с'езде были только нижегородец, не дождавшийся окончания прений и уехавший 24-го, да «Владимир Михайлович», как делегат русских организаций «Искры». Зато он отнял своими речами половину времени и добился того, что совещания были признаны только конференцией. Другими участниками с'езда были представители Петербургского комитета (очевидно Шендер, Меер Зельдовой, наблюдавшийся в С.-Петербурге), Заграничного союза

русских социал-демократов, Заграничного Комитета Бунда, Центрального Комитета Бунда, Южного Союза (Иосиф Каган — упрямый человек, которого «В. М.» довел до бешенства) и Екатеринославского Комитета (суб'ект мало интеллигентный). Заграничная Лига русской социал-демократии на с'езд приглашена не была. Попытки конституирования с'езда (5 редакций) большинства не получили, и соглашение последовало лишь на том, что сформировалась комиссия для организации грядущим летом за границей действительно общепартийного с'езда, хотя рабочедельцы высказывали опасение, что там делегаты из России могут подпасть под влияние «теоретиков». Принята была редакция предложенного «Искрой» майского воззвания — общепартийного, с поправками — «Ко всем рабочим русским» и добавлениями об угнетенности еврейской массы (внесено бундистами) и о том, что рабочие не только поддерживали студентов в их протесте, но и выступили с таковым самостоятельно. Воззвание должно было носить подписи организаций, участвовавших в конференции, и имело быть изданным в количестве 100.000 экземпляров, из коих до 10.000 просил Северный Союз. Распространение их признано было желательным до 12 апреля. Проект этого воззвания (без поправок) был послан заранее на одобрение Костромскому комитету, который, однако, ничего не ответил (впоследствии принял его). В Москве «Владимир Михайлович» видел комитетчиков, из коих, по его словам, один молодой симпатичен, другой, старик-мямля, корчит из себя большого умника, чего на самом деле нет, а третий — безразличен; все они искровцы, но высказались против проекта воззваний, так как в выработке его не участвовали и даже на с'езд приглашения не имели. «Владимир Михайлович» доказывал им, что именно в данный момент желательно выпустить листок за коллективной подписью, чтобы попугать правительство хотя призраком партийного единения; они жаловались на неаккуратную доставку литературы, а «Владимир Михайлович» упрекал их, что они только вопят «присылайте», а привезешь — поместить некуда, на вокзале держать нельзя (ему казалось, что его конспиративный чемодан, бывший на хранении в Москве на одном из вокзалов, пытались осмотреть, так как ручки оказались оторванными, а замок исковырян, чего он не замечал ранее, хотя чемодан лежал у него уже в десяти местах). С собой «Владимир Михайлович» возил несколько искровских новинок («Что делать?» 20 экз.), которые пооставлял в попутных городах (часть оставил в Ярославле Варенцовой). Будучи в Воронеже, он через Мартынову, которую считал «буржуйкой» (смеялся над тем, что она считала причиной раздоров—Плеханова и просила устранить его от дел), добрался до «американцев», видел Ивана Алексеевича (Любимова) и Кардашева, оставил № 17 «Искры» и брошюру «Что делать», а ночевал в гостинице, где его, кажется, прописали. Просил Варенцову дать ему прочитать № 18 «Искры»,

который она получила из Москвы, и с которым он, находясь с месяц в раз'ездах, еще не ознакомился. Он видел только оригинал картинки, приложенной к этому номеру. «Владимир Михайлович» говорил про «Фотографа» (Рудковского), который имел доставить в Ярославль литературу, и про транспорт, который лежал в Воронеже неполученным. По словам «В. М.», через Киев должны были переехать «три знатных иностранца», спрашивал, не там ли Теплицкий, рассказывал про Кузнецову, от которой он получал картинные письма, но плохие корреспонденции; он ей писал, что она скоро «влетит»; Кузнецова действительно, поссорившись с генералами, подняла «Рабочее Знамя» и скоро кончилась. «В. М.» был возмущен тем, что везде (и за границей) слишком много говорят о том, как хорошо сидеть в киевской тюрьме: там читают нелегальные издания, а одно время Комитет руководил оттуда стачкой. Он боялся, что благодаря излишней огласке таких порядков правительство спохватится и изменит режим тюремного заключения в Киеве. Про Владимира Александровича (Носкова) «Владимир Михайлович» сообщил, что он прекрасно себя чувствует: «что ни шаг, то — «наука»; он принят в святая-святых «Искры», куда доступ имеют немногие избранные: редакционная колония газеты законспирирована; благодаря этому чувствуется недостаток в писательских силах, но, с другой стороны, эта изолированность хороша тем, что приезжие паломники не мешают работать. «Искра» должна стать солидным органом и таким образом об'единить фракции. Ее мало замечаемый недостаток — отсутствие экономических статей, причиной чего является то, что ее русские корреспонденты не присылают необходимых документов; по его мнению, являлось желательным иметь отчеты земских собраний, с'ездов (мукомолов, горнозаводчиков и пр.), вырезки из газет о всяких событиях и т. д. С этой целью «Владимир Михайлович» хотел поговорить с Дмитрием Ивановичем Шаховским, но он оказался выехавшим в Москву; жалел, что за недостатком времени не может повидать судебного следователя, фабричного инспектора и мирового судью, к которым давала рекомендации Варенцова и которых он «взвинтил бы». Говорил, что надо бы освободить «Богдана», пока его таскают по провинциальным тюрьмам и не знают, «что он за птица» («Богдан» уже три раза привлекался и едва ли назвал свою фамилию; он был задержан, кажется, в Орехово-Зуеве, где после ареста 80 рабочих движение застыло). «Владимир Михайлович», узнавши, что в Ив.-Вознесенске подозревают в шпионстве рабочего Семенухина, обвиняемого в провокаторстве Гаврилой Петровичем (Панин), и что этот рабочий, будучи освобожден из-под стражи из Ярославля, прямо поехал в Иваново, удивился, так как, на основании чьего-то сообщения, «Искра» в последнем номере поместила известие о побеге Семенухина из Архангельска. «Это одна из революционных легенд», сказал он. Рассказывал «Владимир Михайло-

вич» еще про то, как в Москве заводчик Гужон жаловался на охранное от-ние, и что по этому поводу министр Витте будто бы составил записку (копию которой «В. М.» обещали скоро достать) о необходимости дарования рабочим права стачек и собраний. «Владимир Михайлович» признавал, что рабочее движение на севере еще только возникает. По поводу программы Северного Союза говорил, что в ней много общих мест, допускающих толкования; по поводу ее везли из-за границы критику в 80 страниц и такое же почти письмо, но и то и другое «провалилось»; он выразил недоумение, почему хочет скрыться за границу Александр Петрович (Добровольский), которого ожидает незначительное взыскание; полагал, однако, что для каждого русского полезно хотя бы полгодика побывать за границей и «поучиться», тем более, что пробраться туда никакого труда не составляет: эмигрантов переводят сотнями. Был очень рад, что нижегородцы отказались от издания собственного органа; настаивал, чтобы Ярославский и Костромской комитеты издали до мая присланный им листок о политической свободе. «Владимир Михайлович» бывал в Петербурге, видел № 14 «Рабочей Мысли», печатающийся в собственной типографии. Он думал, что Алларт, стреляя в генерала Трепова, имела в виду главным образом былые лавры Засулич. Про заграничную группу «Свобода» «Владимир Михайлович» говорил, что она приканчивает свое существование, держалась на одном человеке, талантливом публицисте, но не более влиятельном, чем Шарапов в легальной прессе *. По просьбе «Вл. М.» Мария Августовна (Дидрикиль) купила ему новый чемодан. 2-IV он в 10 часов вечера, во время прихода поезда, взял вещи свои с вокзала и поехал к статистику Петрову, жившему с женой на углу Борисовской и Глуховской ул. (во втором этаже), где и остался ночевать. Утром он должен был написать несколько конспиративных писем (химия у него имелась) и переложить нелегальщину из попорченного чемодана, который он оставил, советуя поправить его. 3-го числа он к 12 ч. дня должен был явиться к Новицкой, к которой Варенцова обещала привести Дюбюка, но еще утром некая барынька (жена Петрова) заметила близ редакции «Северного Края» шпиков, о чем предупредили «В. М.», и он остался дома, а условное свидание имел только в четвертом часу дня. Вечером 3-го он выбыл из Ярославля на Москву, с тем, чтобы приехать туда утром и затем продолжать путь на Самару (в Москве, на Ярославском вокзале, по приходе поезда, 4-го числа он был арестован и назвался врачом Броннером).

---

* Очень верная характеристика. Это разыскиваемый циркул. 12-III—1901 г. за № 814 мещанин Евгений Иосифов Зеленский (это помечено на докладе о С. Союзе Ратаевым).—Л. М.

Богданов, Николай Павлович, бывший студент Лесного института. Жил в Костроме, на Мшанской улице (она же Московская), в доме Песочинского подворья, в квартире родителей (отец интендантский чиновник). Богданов очень подвижной, нервный человек, социал-демократ (до мозга костей) с рабочедельческими тенденциями. Деятельный член Костромского комитета; знал местное рабочее движение с самого возникновения его. Как местный уроженец, имел обширные и разнообразные знакомства, которые утилизировал в своих видах (поручал сбор денег, хранение нелегальщины, писание оригиналов для гектографирования). Богданов был автором большинства комитетских воззваний и, вероятно, брошюры «Как держать себя на допросах и в тюрьме», экземпляры которой хранил у себя в квартире, где-то около печки (образец послал в Нюренберг, по адресу Гетцеля). Писал корреспонденции в «Искру» по Ярославлю, Казани, Юрьеву (о демонстрации), Москве (о голодовках), получая сведения от знакомых студентов. Послал в редакцию «Рабочего Дела» очерк рабочего движения в Костроме. Пользуясь знакомством с одним чиновником местного губернатора, добыл копию секретного отношения департамента полиции,—касательно высылки из Петербурга за мартовские беспорядки прошлого года Филиппова и др., — которая затем и была опубликована в различных местах. Надеялся получить вскоре тем же путем копию циркуляра «о том, чтобы не давали высланным и поднадзорным студентам занятий». Знал нелегального «Александра», но не разделял его восхищения рабочим Кулаковым (кажется, из Петербурга). Говорил, что типография Союза, на которую и Костромской комитет затратил деньги, лежит закрытой у одного домовладельца (домик маленький—в три окна, со светелкой); доставил ее из Иваново-Вознесенска «Ярославец». На заседаниях комитета (раз в неделю), происходящих чаще всего у Александровой, как статистички, к нему приставали, особенно Александров, чтобы и он занялся пропагандой среди рабочих, на что из предосторожности он не соглашался. Недоволен был составом комитета, ибо в нем трое поднадзорных и только один «чистый» (попал даже в число шести статистиков, допущенных к работам в уездах). Богданов считал себя способным к кружковым занятиям; мастерски писал трафаретки для гектографа; был знаком с Загайными и с рабочим Кирсановым (из кружка «сабунайцев»); видывал Николая Музиля, которого считал слишком горячим человеком. Был привлечен в Петербурге, но рассчитывал дешево отделаться, так как на дознании много успешно свалил на покойника Сафонова и выдуманного Михаила Михайловича, благодаря чему ему удалось выгородить некую Брыкалову(?) и Лепницкого. Виновником своего провала в Петербурге считал шпиона Максима Андронова, который принимал у себя охранного чиновника Квицинского и чуть-чуть не сделался представителем Нарвского района. Богданов хранил, как приятное воспоминание

о полицейской халатности, картуз, на белой картонной подкладке околыша коего была цела зашифровка адреса. История его с Андроновым была подробно описана в № 9 «Искры» одним из товарищей Богданова; последний, однако, в корреспонденции не назван. В ноябре 1902 г. Богданов виделся у Александровой с делегатом «Рабочего дела» — «Михелем», который пробыл в Костроме три часа, прочитал брошюру «2 с'езда», нападал на «Искру». В декабре получил для комитета транспорт литературы. Позднее виделся с Николаем Николаевым Кардашевым, который привез несколько номеров «Искры». Читал с увлечением № 2-3 «Зари», имевший печать Московского Комитета Российской социал-демократической рабочей партии. Из рабочих одобрял очень ткачиху, окончившую курс начального училища, у которой происходили собрания (Гусева ?), и отец которой, извозчик, тоже был под арестом по политическому делу. Всей душой ненавидел полковника Кемпе и злорадствовал по тому поводу, что жандармы арестуют непричастных лиц и превращают их благодаря этой несправедливости в сочувствующих революционному делу. Секретную переписку получал на Сперанскую, хвалил этот адрес, но говорил, что получение задерживается на день-два. Сотрудничал в «Северном Крае», получая гонорар через местного агента газеты. Читал № 12 «Рабочей Мысли», внешность ее находил прекрасной, а содержание — бедным. Ольга Ларионова бывала в Костроме, посещала его почти исключительно. Богданов читал манифест студенческого с'езда, который, как он думал, происходил в Петербурге. По его словам, документ этот вовсе не характеризовал действительного направления большинства студенчества, о котором Богданов был не очень высокого мнения. Секретную переписку он вел шифром, химическим способом (азотно-кислым свинцом), с проявлением на огне или нашатырем (последний способ признавал неудобным). Он имел знакомого в Вологде, бывшего студента Петрашкевича. Рекомендовал как дельного человека бывшего лесника Суеверова, местожительства коего, впрочем, не знал. Обвинял в легализаторских стремлениях когда-то пользовавшегося в Петербурге огромной популярностью рабочего Буянова, который завел в Костроме собственную мастерскую. По поводу провала в Петербурге рабочезнаменцев (Савинова, Татарова и др.) Богданов говорил, что виновником тому был литератор Михаил Иванович Гурович, имевший богатую жену. Это подозрение основано было на том, что Гурович в то время, когда высылали, оставался в Петербурге, об'ясняя это подкупом полиции. Часто также бывало, что его видели в Петербурге тогда, когда он сказывался выехавшим в Москву и другие города. Кроме того, одному судебному следователю в Нижнем-Новгороде командированный из Петербурга на ярмарку пристав рассказывал, что «иногда приходится обыскивать свое начальство, вот, например, в Петербурге мне пришлось обыскать Гуровича, который служил в д-те п.». Вопрос о про-

вокаторстве Гуровича остался нерешенным, и пропечатать его шпионом в нелегальной прессе не решились.

Александрова, Мария Сергеевна, урожденная Веселова. Занималась в статистическом бюро губернского земства; имела свою квартиру в доме Громова, по Рукавишниковской улице, где у нее проживала Софья Константиновна Загайная и временно сестра ее Анна Константиновна Загайная, собиравшаяся уехать в Вологду. Перед 19 февраля 1902 г. Александрова и Загайные сидели трое суток до трех часов ночи, изготовляя комитетские листки. В ночи с пятого на шестое и седьмое апреля они были заняты гектографированием майских воззваний, а следующий день они посвятили уборке всего нелегального, в виду обысков, произведенных у статистиков Попова и других (по этому поводу Анна Загайная бегала за справками и с предупреждениями). Тогда же днем Мария Александрова, переодевшись в серую кофту и жакетку Загайной, нарядившись в черный платок, вместо шапки, отправилась в фабричную слободку на занятия с рабочими, откуда вернулась с комитетчиком, которого называла «статистиком великим», восхищенная своими чумазыми собеседниками. Они интересовались судьбой Прасковьи Лалаянц, живущей в Воронеже, Гурского, арестованного в Киеве, и Чуйкова, екатеринославского социал-демократа. Александрова жила три недели в Москве, ожидая получения заказанных ею на юге типографских станка и шрифта, на которые она затратила союзные деньги. Ее сильно поднадули: более чем за сто рублей ей дали только тридцать два кило старого шрифта (того, которым печатан № 6 «Южного Рабочего»), 12 или 15 кило нового и печатню, которые хранились потом в Костроме. Станок был размером в 71 см, рама деревянная (другую, кажется металлическую, сделали на месте). Печатать можно было в формате листа писчей бумаги. Недоставало кремальер и резиновых накладок с боков, под колесиками, для бесшумности работы. Думали оттиснуть хоть что-нибудь, но не было людей хотя мало-мальски знакомых с печатным делом. Центральный Комитет только собирался поставить специалистов, он даже литературы костромичам не присылал, и Александрова хотела поэтому выписать ее через Москву, хотя в этом случае она могла обойтись дорого — по 7 рублей за кило. Она заказала четыре паспорта за границей, два мужских и два женских. Печати для комитетов должен был доставить Союзу Таланов, но он был арестован, и Александрова написала в Киев, чтобы справились у него в тюрьме, забраны печати или нет. Конспиративную переписку Александрова получала по адресу: Соборный дом, Анне Александровне Колосовой; по нему можно также было отправлять и посылки с нелегальщиной; она им очень дорожила. Кой-какие бумажки она хранила в полом постаменте рабочей лампы. Вообще Александрова считала себя «чистой»; за ней была только история с Пушкинской читальней, да у Попова взяли книги (Бернштейн) с ее собственноручной

надписью. Это ее несколько беспокоило, потому что некоторые адреса на конвертах, в которых рассылались прокламации к офицерам, писаны были ею. На случай ареста, для продолжения связей, Александрова указывала, по ее мнению, «чистого» еще комитетчика Александра Павлова Заварина, жившего в собственном доме (маленький, обит тесом, с мезонинчиком), на улице, идущей от земской больницы, дом второй после Мясницкого переулка, с левой стороны. Паролем явки к нему был, вероятно, «Иван», ответ — «Алексей». Александрова должна была выслать во Владимир по адресу секретаря губ. зем. управы (для передачи) в переплетах книг образцы изданий Костромского комитета. Александрова наводила справки по Киеву еще о «благонадежности» некоего Тианцева, поселившегося в Костроме и готового примкнуть к ее кружку.

Любимов, Алексей Иванов, бывший студент. Жил в Воронеже, в доме 41, по Средней Московской улице. Помимо сношений с деятелями Северного Союза и центральными искровцами («Бродяга», «Аркадий», «Рябов» в Самаре, «Владимир Михайлович»), он был знаком с Александром Александровичем Квятковским, который был в Воронеже и говорил, что, едучи из Одессы, он посетил явочные места «Южного Рабочего» и «везде нашел пустоту», так как многие из деятелей этой группы арестованы. Про Семена Михайловича Мальчинского Любимов говорил, что он отправился за границу легально (?) и должен заехать в Вену. По словам Любимова, в Воронеже возбуждает сомнение земский врач Годынский-Цвирко, вошедший в местный кружок. Он будто бы участвовал в общепартийном с'езде 1898 года. Из Киева о нем дали, однако, благоприятные сведения. Любимов интересовался вопросом, где находится Крыжановский (женатый), повидимому, крупный революционный работник. Про историю с Бауманом он знал лишь, что «Грач», представитель московской группы «Искры», в Воронеже не был, а искал какое-то имение в Задонском уезде, заблудился, остановился ночевать у знакомого земского врача, а тот его выдал. После этого в Самаре получили неизвестно кем писанную карандашом записку о том, что «Грача» вернули с пути в Вятку и везут будто бы в Москву. Любимов был знаком со всей новейшей социалистической литературой; он очень экспансивен, поклонник полемического задора искровских писателей. О с'езде (в Белостоке) он знал и ожидал 30 марта возвращения к себе «Бродяги» со сведениями по этому делу. Кардашев и Носков, скрывшиеся за границу, были ближайшие его друзья, во все революционные тайны коих он был посвящен.

Багаев, Михаил Александрович, уроженец Иваново-Вознесенска, женатый, имел четверых детей. Жил без прописки с семьей в г. Владимире, по Гончарной улице, в доме Зверьковой (занимал маленькую отдельную квартирку). Привлекался в Петербурге, где его «пытал Секеринский»; был в ссылке в Оренбурге; работал в Харькове;

был задержан раз, когда являлся за паспортом, в Иваново-Вознесенске; виделся в Нижнем-Новгороде с делегатом «Рабочего Дела»; находился в Самаре, когда статистики устроили вечеринку в честь Лаговского; виделся в Воронеже с Николаем Кардашевым и Алексеем Любимовым, который ему особенно был люб, и затем поселился во Владимире. Все окружающие названный город фабрично-заводские центры Багаев знал досконально, до мелочей; был знаком с местным социал-демократическим движением, с большинством деятелей коего в интеллигентной и рабочей среде имел тесные связи. С удовольствием вспоминал Кирюшку Отрокова (в ссылке); Ивана Махова (в Сибири); вообще гордился «ивановцами». Был хорошо знаком с Доливо-Добровольским, накануне ареста коего «удрал» из Ярославля, где знал местное светило — Владимира Носкова. В Керчи повздорил из-за кружковых авторитетов с «молодым» Коганом, братом инженера «Осипа Аркадьевича»; последний вследствие этого стал даже хуже относиться к нему. По словам Багаева, Иосиф Коган был ярый рабочеделец, которого в Харькове все побаивались, и конспиратор, каких только надо желать. Багаев считал себя только районным представителем Северного Союза, но признавал, что фактически он является и членом Центрального Комитета. Нелегальный «Александр» у него был по пути на юг, откуда он должен был вернуться с людьми для типографии, наверное — в Кострому, так как в Ярославле он провалился, а в Иваново-Вознесенск не хотел. Багаев знал, что его разыскивают, но не объявлялся, ибо тогда надзор помешал бы ему работать. Во Владимир он приехал с рекомендациями от нижегородского статистика Ивана Павловича Ладыжина, очень серьезного, энергичного, но крайне осторожного рабочедельца, который в последнее время поддался, впрочем, тяготению к «Искре», которое преобладает теперь в Волжском Союзе, к которому, кроме Н.-Новгорода, примыкают еще Казань, Самара и, кажется, Саратов. Ладыжин уже скрывался за границей, но, узнав, что произведенный у него обыск не имел серьезного значения, вернулся и был привлечен за бесписьменность. Когда возник вопрос о том, кто мог ездить представителем от нижегородцев на недавний партийный с'езд, то Багаев, потолковавши с женой (сильно революционизированной и посвященной во все конспирации мужа), решил, что это был не Ладыжин, а другой, который, действительно, дольше 24-го по домашним обстоятельствам оставаться на заседаниях не мог. Багаев удивлялся, почему выбрали именно этого господина, тем более, что он хотя и деляга, но весьма не речист. Благодаря секретарю владимирской губернской земской управы (бывший студент Юрьевского университета) Александру Саввину Панкратову (работал по статистике в Нижнем-Новгороде), который имел соответствующее письмо от Ладыжина, Багаев получил негласно заработок в почвоведном отделе и в то же время принялся «обрабатывать» окружающую публику,

давая желающим на прочтение (за плату) новинки нелегальной литературы (например, члену суда Черносвистову № 3-4 «Зари»), или просто облагая данью сочувствующих; для последних он, желая окончательно их «расшевелить», на одном из собраний прочитал реферат «О роли интеллигенции в освободительных движениях». Хотя своей угловатостью и неряшливостью Багаев у либеральных дам и вызывал неприязненное чувство, но многие любили его за искренность и непосредственность. Из таких знакомых у него было семейство Губских, земец Черный и другие. Более близкие и деловые сношения Багаев поддерживал с каким-то смотрителем местного технического железнодорожного училища, с которым они наметили из числа оканчивающих курс учеников пять-шесть человек, достаточно «подготовленных» на легальной прессе и в будущем могущих оказать услуги целям пропаганды. Один из таких молодых людей должен был поступить на службу в гор. Ковров, где при его содействии предполагалось распространить майские воззвания. В упомянутом же городе проживал и судебный следователь Иорданский (а не Архангельский), который изучил Маркса, занимался с рабочими и располагал денежными средствами. Майские листки Багаев имел возможность разбросать через своих людей на заводах «Гусь», в Орехове-Зуеве (где столп либерализма — Бальмонт), Кохме, Шуе. Багаев надеялся, что соответствующее количество (более 3.000) прокламаций будет ему доставлено из Ярославля. Он корреспондировал в «Искру»; писал, например, о замерзшем в заводском арестном помещении рабочем, о циркуляре по этому поводу бывшего губернатора Цеймерна; послал копию письма из Петербурга рядового лейб-гвардейца по поводу избиения студентов в Народном доме. Багаеву привез какой-то человек транспорт, заключавший в себе 200 экземпляров № 12 «Искры», 20 оттисков «Борьбы с голодающими», 7 книг № 2 и 3 «Зари», 5 книг «Свободы» и десятка два брошюр «Надгробное слово» и «Профессиональные союзы». На всех этих изданиях имелась печать Киевского комитета Российской социал-демократической рабочей партии. Доставитель счета не пред'явил, но сказал, что ему велели получить 80 рублей. Багаев был недоволен составом транспорта, так как 12-го номера «Искры» слишком много, а в то же время он не имел №№ 7, 8, 9, 15, 16, 17 и 18 «Искры», брошюр «За сто лет» и «Самодержавие и Земство», за каждую из коих есть охотники дать по десять рублей. Нелегальную литературу Багаев хранил, повидимому, дома. Три книжки «Зари» и брошюру Шиппеля он дал своей приятельнице Ольге Варенцовой, которая приезжала из Ярославля, ночевала у Панкратова, день провела с Багаевым, вечером выехала в Ярославль, имея намерение в Иванове повидать кого-то. Будучи у Багаева, Варенцова сообщила, что Ярославский комитет обещанных воззваний изготовить не успеет, и поэтому разбросают их позднее. В то время гектографировались (одним студентом в имении, верстах

в пятнадцати от Ярославля) листки майский и Корзинкинский специально (по личным воспоминаниям о побоище — Владимира Александровича Носкова). Распространять, между прочим, у солдат-фанагорийцев взялись два молодых офицера, у которых жил «Александр» (в комнате, занимаемой прежде студентом Трупчинским), прежде чем скрыться в Кострому, и у которых давно существовал свой марксистский кружок. С Иваново-Вознесенском Варенцова не знала как быть: связи с рабочими уцелели лишь у нее, а везти самой туда листки ей было невозможно. Общепартийные воззвания во Владимирский район она обещала доставить, если не обманет «Владимир Михайлович («Броннер»—Гурвич). Варенцова продиктовала Багаеву список рабочих, которые сидят в Ярославской тюрьме и коим он должен был передать пособие. Багаев, побывавши у кого-то, заявил, что рабочих почти всех перевели уже, в том числе и «Богдана» — Бабушкина (нелегального), а вновь поместили московских студентов Нарбекова и Преображенского, да тридцать мест готовят для «ивановцев». Вспоминали Варенцова и Багаев как замечательно хороших рабочих неких Лепнова и Мокруева (Иван Петров), находящихся в Саратове. Варенцова написала для Багаева на немецком языке новый заграничный адрес (Нюренберг, Венценштрассе (?), 9, Вильгельму Гетцель (?), который относится к Носкову. По подсчету Варенцовой и Багаева, доход Северного Союза за время его деятельности достиг около 3.000 р., траты в неменьшей сумме, в кассе мало; крупный расход вызывала поддержка колонизированных работников (нелегальные «Александр», «Николай Антонович», «Гаврила Петрович») и помощь арестованным. Во Владимире Варенцова видалась с занимающейся в городской библиотеке Марией Ивановной Крамаревской. Для конспиративных сношений и посылок Варенцова указала адрес: Москва, Кудрино, Торговая школа, учитель Василий Иванович Ананьин, Мария Ивановна (Ананьина), а для справок о себе по Ярославлю, как наиболее безопасное место: Тверицы, дом Штанкова, Кондратьева (сестра Варенцовой уже подвергалась обыскам). Багаев побаивался жандарма Новикова, который действует в Коврове и знает его лично; про этого унтер-офицера рассказывали, что он явился когда-то в кружок с предложением услуг, оставил свою визитную карточку, которую через неделю «со слезами на глазах» выпрашивал обратно. Про жандармского офицера Тимофеева в Иванове Багаев говорил, что он человек ловкий, хотя и не очень развитой, вначале горячо взялся, а потом опустился, влез в долги и будто бы взятки берет (за свидетельства о благонадежности). Варенцова вечером уехала, предупредивши, что Евгений Федорович Дюбюк должен бы уже приехать во Владимир к своей матери, дом Бузона, против женской гимназии по Большой улице. На следующий день Панкратов разыскал Дюбюка и привел к Багаеву, с которым и познакомил его. Дюбюк—сосре-

доточенный молодой человек; говорил гладко, не совсем охотно; мать его — «генеральша», он служил в Ярославском статистическом бюро; жена его ездила в Москву для свидания с братом—студентом университета, отправленным за участие в беспорядках в Келецкую тюрьму. Дюбюк был знаком с Александром Эдуардовым Редер, подвергавшимся уже арестам, которого считал очень серьезным человеком; он знал и петербургского рабочезнаменца—технолога Лурия. Дюбюк ко времени распространения листков собирался вернуться в Ярославль. Багаев говорил, что Лактин был подослан социалистами-революционерами, но сторонников в Ярославле не нашел и примкнул к комитету, для которого стал добывать денежные средства. Услугами Владимира Михайловича Трегубова в Ярославле Багаев тоже пользовался (между прочим, занял у него десять рублей, когда бежал из названного города). Багаев рассказывал Дюбюку, что в мае 1899 г. он ехал из Москвы в Харьков с товарищем, с которым завел разговор, при чем собеседник указал на третьего лежавшего спутника, советуя не слишком распространяться, на что Багаев заметил: «он спит»; однако неизвестный, открыв глаза, заявил, что он все слышал, и пояснил, что он сам работает в типографии у Черткова в Лондоне, и что брат его арестован в Белостоке с типографией (несомненно, это был Мовша Лурия); а в конце-концов он дал два адреса для выписки из-за границы нелегальных изданий. Багаев говорил, что в экономисты перешел бывший товарищ его и Варенцовой — некто Кондратьев, ныне архитектор в Харькове. Дюбюк слышал, что студент Демидовского лицея Оршаница выдавал. То же самое говорили про некоего Леонова, известного в Перми, Вятке и Ярославле. Багаев рассказывал про сочинение ссыльного Махайского, наделавшее много шуму своим полуанархическим содержанием и создавшее целую группу «махаевщины».

Панкратов, Александр Саввич, секретарь владимирской губернской земской управы, жил с женой мещанского типа, занятой главным образом домашним хозяйством, в доме Декаполитова, по Безымянному переулку. Панкратов, высокой интеллигентности человек, со склонностью к кабинетным занятиям, пособничал революционерам. Предоставил Багаеву заработок. Был знаком с Екатериной Новицкой, Ольгой Варенцовой, Иваном Ладыжиным, Евгением Дюбюк и Давильковским, занимавшимся ранее в Киеве крупной нелегальной деятельностью. Панкратов корреспондировал в «Русские Ведомости» и мечтал руководить «Владимирской Газетой», разрешение на издательство коей, под фирмой присяжного поверенного Левицкого, человека вполне благонадежного, ожидалось; он рассчитывал секретарем этой газеты, кассиршей, заведывающим отделением редакции поставить «своих» людей. Этот подбор, пользуясь своими связями и положением, Панкратов старался сделать и в составе земских служащих. Имея под рукой разнообразные материалы, он о всех недочетах в админи-

стративно-бытовой сфере осведомлял Багаева, давая ему таким образом возможность сообщать пикантные факты в заграничную прессу. Охотно знакомился с новинками революционной литературы. Передавал получавшуюся на его адрес для Багаева конспиративную переписку, например, из Нюренберга от Носкова письмо, через надорванный угол конверта коего был виден почему-то проявившийся, хотя и слабо, химический текст корреспонденции. Панкратов просил подобрать «подходящих» людей на роль офеней, для разноски по фабричным местностям книжек из склада, который проектировало устроить земство, и на что ожидалось разрешение правительства (1).

Г Л А В А X.

Рабочая партия политического освобождения России. — Русская с.-д. партия («Рабочее Знамя»).—Социалисты-революционеры.—Предатель Татаров.— «Орел» (Убийство Плеве).— Рыжий парик (дело Коноплянниковой).

РАБОЧАЯ ПАРТИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ РОССИИ.

Упрямство самодержавной бюрократии, стоявшей высокой преградой на пути прогрессивного движения как в области идейной, так и на поприще общественной действенности, создавало тупик, выход из которого наиболее активные элементы начинали видеть опять, как и в прежние эпохи глухой реакции, в физическом воздействии на власть.

При господствовавших настроениях, распыленности интеллектуальных сил страны и недостаточной организованности пролетариата, террор опять приобрел много сторонников, и, в связи с этим, появились новые организационные попытки, в которых применение старых методов политической борьбы инициаторы старались примирить с необходимостью искать опоры в трудовых массах, — попытки, приведшие в конце-концов к возникновению новой партии, «социально-революционной», как выражались некогда казенные летописцы.

К числу таких новообразований принадлежала «Рабочая партия политического освобождения России», существовавшая, впрочем, очень недолго. О возникновении этой группы Зубатов узнал с некоторым опозданием, когда партия уже работала практически.

Из рассказов Бонч-Осмоловских, приезжавших из имения своего «Блонь» (Минской губ.) в Москву и навещавших А. Е. Серебрякову, Зубатов был несколько осведомлен и о том, что творилось в белорусской столице; в частности он знал, что живущий в Минске бывший народоволец Ефим Гальперн, известный в революционной среде под кличкой «Слепой», ведет с 1895 г. пропаганду террора.

В том же направлении действовали в Минске вернувшаяся из долговременной ссылки известная народница Екатерина Брешковская, а также провизор Григорий Гершуни, который, прибыв в 1898 году из Москвы, занялся культурно-революционной деятельностью, позволившей ему обзавестись широкими связями среди

местных рабочих. Обладая большими практическими способностями, Гершуни организовал паспортное бюро, переправу через границу, распространение нелегальных изданий и, наконец, фабрикацию типографских станков, которыми снабдил некоторые революционные организации. (1)

Результатом пропаганды было возникновение «Рабочей Партии политического освобождения России», которая благодаря энергии одного из главных деятелей ее — Гирша Гатовского и его приятеля Янкеля Бибера уже в 1899 г. обзавелась своей типографией, устроенной в Минске. В следующем году Рабочая партия выпустила свою программную брошюру, под заглавием «Свобода», составленную деятельной помощницей Гершуни — Любовью Михайловной Клячко (2).

Политическая ориентация Рабочей партии достаточно характеризуется следующими строками, которые мы находим в брошюре «Свобода»: «Средство уничтожить гнет деспотии — не ново. Оно завещано нам великими борцами революции, и знамя, на время выбитое палачами из рук неустрашимых отцов, поднимаем мы, их духовные дети, благоговейно преклонясь перед их лучезарным образом. Выступая в бой во имя достижения социалистического строя, мы начинаем широкую пропаганду идей социализма и обнажаем оружие, которого мы не выпустим из рук, пока не будет пробита брешь в толстой стене закоснелой в насилии и произволе русской деспотии. Направляя свои удары на членов правительствующей группы, мы имеем в виду удалить сподвижников царизма, прежде всего тех представителей власти, которые непосредственно заинтересованы в поддержании существующего строя...

Добившись сначала конституции только либерально-буржуазной, она (партия) принудит правительство дать рабочую конституцию. Боевая роль партии кончается в тот день, когда в России будет провозглашена полная свобода, когда будет открыт путь для свободной борьбы пролетариата, для осуществления социалистического строя. Но и тогда партия останется на страже конституции, охраняя ее неприкосновенность и полное проведение в жизнь страны... Организовать, вырабатывать приемы тактики, точнее формулировать самую программу, связывать воедино людей, бессознательно составляющих партию,—вот наша задача. (Под людьми, «бессознательно составляющими партию», подразумевается та масса рабочих и интеллигентов, которые уже развиты, уже социалисты по убеждению, уже ищут деятельности, но еще не организованы). Пока партия организуется, центр ее тяжести — пропаганда и агитация; когда партия выступит на открытую борьбу, — центр тяжести переносится на ее боевой отряд»...

Те же ноты звучали и в первомайском воззвании, выпущенном этой организацией в том же 1900 г. Рабочая партия, приглашая в этом листке рабочих отпраздновать день 1 мая «по-своему»,

заявляла: «Нельзя взять в руки красное знамя — возьмем другое... Не забудем только, что мы знаем нашего ближайшего врага, знаем, что с ним надо бороться, и бороться немедленно. А какими средствами, — это указано нам героями борьбы 70-80-81 годов. Да здравствует рабочий России, выступающий с оружием против русского деспотического правительства!» (3).

Первоначально Рабочая партия пользовалась некоторым успехом; она имела свои кружки еще в Белостоке, Житомире, Екатеринославе и других местах, но в дальнейшем ее постиг ряд неудач.

18-III 1900 г. была арестована минская типография партии, а 5-III 1901 г. была арестована другая — в г. Нежине; здесь было найдено около центнера шрифта, доска для его выравнивания, три больших вала, клише заголовка брошюры «Свобода», рукопись «Подсчет сил», гектографированный экземпляр Туна («История революционного движения в России») с рукописным предисловием к нему. При типографии задержали двух рабочих: Мовшу Янкелева Файна (скрывшегося от надзора, которому он был подвергнут, как привлеченный к дознанию по делу кременчугской типографии «Южного Рабочего», в которой он работал) и крн. Максима Семенова Лукашика. 8-III 1901 г. арестовали и третьего участника этого конспиративного предприятия — самого главного — Гиршу Гатовского, который явился с вокзала в дом Радиловского, по Набережной ул., где помещалась типография, ничего не зная о печальной судьбе, постигшей его товарищей; личность его была установлена быстро: хотя Гатовский и был прописан в Нежине по паспорту на имя Розина, но в числе отобранных бумаг оказались рецепты минских аптек на его действительное имя (4).

Насколько известно, Рабочая партия имела еще одно техническое предприятие, — в Екатеринославе была задержана типография той же организации (дело Свирского), отпечатавшая воззвание ко дню 19-го февраля; обнаружена она была случайно, так же, как и в Нежине, где обитатели домика Радиловского обратили на себя внимание своей изолированностью от местного населения и были арестованы при участии солдат местными обывателями, прежде чем приступили к работе. (Уже после ликвидации, по накладной, полученной в письме на имя Файна, были захвачены части типографского станка и наборные кассы).

После разгрома остатки «Рабочей партии» окончательно слились в 1902 году с организацией соц.-рев., о чем формально было заявлено еще в предисловии, не увидевшем света, к брошюре Туна, взятой в Нежине.

Террористические тенденции Рабочей партии имели не только литературное выявление, — белостокская группа партии подготовляла покушение на фон-Валя после того, как по его распоряжению была учинена массовая порка демонстрантов в Вильне; вы-

полнить акт брался некий Стрига (впоследствии анархист, погибший в Париже от взрыва бомбы в 1907 году), но его предупредил, как известно, Г. Лекух, затем казненный.

«РАБОЧЕЕ ЗНАМЯ».

Другой организацией, так сказать, промежуточного характера, была «Русская социал-демократическая партия», более известная под именем «Рабочего Знамени», под каковым названием издавался ее орган.

В. Акимов (Махновец) относит образование этой группы к осени 1897 г., когда нелегальный кружок, существовавший среди петербургских студентов-технологов, вышел из состава местного союза «Борьбы» и завел сношения с организацией, зародившейся в Белостоке, «рабочих-революционеров», ставших в оппозицию к «Бунду», к которому они ранее принадлежали. Новая группа выступила под флагом «Рабочего Знамени». У «рабочих-революционеров» имелась своя тайная типография, интенсивно работавшая; ею были изданы брошюры «Боевой клич рабочего народа» (оттиск статьи из вышеупомянутой газеты), «Секретный циркуляр мин. в. д. от 12-VIII 1897 г.» («Семякинский»), рассказ «Шпион», воззвание «Кому какая польза от даровых гуляний» и майский листок, а также № 1-ый газеты «Рабочее Знамя» — в качестве органа «Русской соц.-дем. раб. партии».

В основе программных тезисов группы лежало «достижение, путем неустанной борьбы с самодержавием, политических прав, т.-е. 1) права народа участвовать в управлении и законодательстве страны; 2) свободы совести и религии; 3) свободы слова и печати; 4) свободы сходок и собраний; 5) свободы союзов и ассоциаций».

Для достижения перечисленных свобод Русская социалистическая партия должна была, «привлекая на свою сторону все растущую рабочую массу, которая уже вступила в борьбу со своими притеснителями, стать во главе этой борьбы, т.-е. суметь стать рабочей партией».

Экономический элемент для рабочезнаменцев имел второстепенное значение: «Стачки необходимы, но они недостаточны. В самодержавной России они имеют прежде всего значение боевой школы, в которой рабочие воспитываются в духе организованной солидарности и приобретают все больший опыт, необходимый для будущей, более серьезной и решительной борьбы».

По национальному вопросу рабочезнаменцы самим названием партии «русской» подчеркивали свое признание автономности национальных партий, в отличие от Российской с.-д. р. п., добивавшейся полного об'единения всех родственных организаций, существовавших у других народностей империи.

Террористические течения среди членов Русской партии существовали; по свидетельству С. Н. Нечетного, на которого я уже ссылался, вопрос о боевой тактике левыми социал-демократическими группами решался «одинаково с социалистами-революционерами»; в рабочей группе «Социалист», например, ставился вопрос о терроре и даже обсуждался проект покушения на Клейгельса — петербургского градоначальника (после полицейской расправы во время демонстрации 4-III 1901 г.).

После разгрома рабочезнаменской организации многие члены так называемых левых с.-д. групп вошли в состав партии с.-р., и в числе их были известные террористы Б. Савинков и Каляев.

Хотя рабочезнаменцы имели свои группы в нескольких городах (между прочим в Киеве, Гродне, Ковне), охранная полиция напала на их след тоже случайно.

Как мы уже знаем, в 1898 г. моск. охр-ое отд-ние вело широкое наблюдение в Северо-Западном крае; филеры летучего отряда порхали из города в город, гоняясь за бундовскими лидерами, в том числе за неутомимым Мытниковичем; 11-V 1898 г. он имел свидание с И. Милем; последний в тот же день уехал в Варшаву; 29-V он появился в Вильне, где провел некоторое время с Р. Фридманом, который в тот же день отправился в Петербург; по пути, в Двинске, он виделся на вокзале с М. В. Лурия, жившим в то время в упомянутом городе.

Неотступная слежка за Фридманом привела филеров в г. Белосток; здесь наблюдаемый посетил 5-VI д. 9 по Старо-Шоссейной ул., где, оказалось, поселился М. В. Лурия с Е. Вайншенкером. Дневники за 9, 10 и 12-VI отмечают покупки, которые делал Фридман в магазине красок Шапиро, и появление женщины (Р. Страж), поселившейся вместе с Фридманом. 17-VI М. Лурия уехал в Двинск; 19-VI Фридман купил в магазине Баренбаум стопу бумаги; 22 и 25-го он снова посетил магазин Шапиро. 3-VII Фридман перенес с квартиры Лурия тяжелую раму и сделал покупки в магазине красок и бумаги. То же повторилось 6, 7, 15, 17 и 20-го июля. Одновременно наблюдение заметило, что в квартиру Лурии прибыл брат его Мовша.

14-го Мих. Лурия уехал в Вильну. 17-VII Фридман виделся с Зельманом Гельманом, который в тот же день привез к себе тяжелую корзину.

Попутно наблюдение втянуло в свой круг еще несколько лиц (М. Н. Ленга, Л. Гальперн, Г. Кавенок). Но «летучие» особенно не налегали: для них было уже ясно присутствие «шлепалки», и все внимание их было сосредоточено на квартире Фридмана и Страж, которые большею частью безвыходно сидели дома.

26-VII 1898 г. последовала «ликвидация»; у Фридмана была обнаружена типография, печатавшая второй номер «Рабочего Знамени»; у Гельмана нашли склад изданий, у Лурии — рукописи, у Кавенок —

нелегальщину. Кроме этих лиц, арестовали Вайншенкера, Гальперна и Ленга; всех их отправили в Петербург, где одновременно были ликвидированы местные родственные группы (М. Смирнов, С. Андропов, О. Звездочетова и др.), о которых петербургское г. ж. управление возбудило формальное дознание.

Наиболее деятельный рабочезнаменец Мовша Лурия избег ареста и уехал в Англию, где поступил наборщиком в типографию Черткова. О заграничной деятельности Лурия обстоятельные сведения содержатся в докладах Рачковского, опубликованных мною в сборнике «Минувшее» («Русский политический сыск за границей», стр. 28, 32, 107, 203); при одном из донесений (от 31-X 1899 г.) были даже представлены четыре подлинных письма М. Лурии, «неизвестно кому адресованные» (есть основание думать, что осведомителем Рачковского в этом деле был Л. Бейтнер); в одном из упомянутых писем перечислялись издания «Рабочего Знамени», в числе которых, кроме известных нам, значились еще «Краткая История Французской Революции» (2000 экз.), «Биография П. Л. Лаврова» (2000 экз.).

Из телеграммы Рачковского от 28-V 1900 г. в д. п. видно было, что Лурия работает в Пюрлее вместе с эмигрантом Сергеем Андроповым, но собирается ехать в Россию, для чего приобрел два паспорта — на имя Фишкеса и Боомгарда. В другой телеграмме Рачковский «сообщал: 14-III 1901 г. Лурия пишет за границу своим приятелям: «Как видите — благополучно, я в Петербурге, работаем во-всю. Соединенный комитет рабочих организаций «Социалист» и «Рабочее Знамя».

Здесь уместно будет упомянуть, что в то время, как Лурия писал «все благополучно», провокатор Гурович доносил д-ту п. 5-III: «Лурия едет завтра в Москву, в три с половиной часа дня. В Москве будет у Буланже. Сейчас идет к Абраму Лурия, а завтра, перед отъездом, зайдет ко мне»...

30-III 1901 г. Лурия был арестован на станции Ворожба (5).

Других деятелей «Рабочего Знамени» тоже преследовали неудачи. Сергей Андропов, бывший представителем группы за границей, немедленно по возвращении в Петербург подвергся аресту; та же участь постигла его заместителя Виктора Павловича Ногина (за границей — «Новоселов», псевдоним — «Викторов»), который был арестован с паспортом Назарова тоже в Петербурге.

И Андропов и Ногин обязаны своим провалом Гуровичу, к которому они по приезде в столицу считали своим долгом явиться. Гурович же указал на другого рабочезнаменца — Н. Татарова (сделавшегося впоследствии провокатором). Весною 1901 г. он выдал еще одного деятеля той же организации — Давида Гершановича, как об этом уже было упомянуто в главе VI.

Последним признаком жизни «Рабочего Знамени» было воззвание, выпущенное в 1902 г. от имени этой группы киевским кружком (Каневец и др.), располагавшим своей типографией.

В дальнейшем революционное течение направилось окончательно по двум основным руслам.

Рядом с Российской соц.-дем. раб. партией встала Партия социалистов-революционеров.

СОЦ.-РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ В САРАТОВЕ, КАЗАНИ, ЕКАТЕРИНОСЛАВЕ И ИРКУТСКЕ.

Город Саратов, в котором дожил свои последние дни Н. Г. Чернышевский, традиционно являлся колыбелью деятелей народнического типа. В кругах местной «неблагонадежной» интеллигенции имелось засилье сначала народовольчества, а затем — эсерства. Д-т п. придавал этому городу особое значение, и когда в 1902 году правительство наградило наиболее культурные города учреждением в них охр. отделений, начальником одного из них — Саратовского — был назначен очень расторопный ж. офицер Бобров. Новый охранник очень быстро ориентировался, обзавелся агентурой и занялся «открытием» типографий. В феврале 1904 года Бобров уже ходатайствовал перед д-м п. о поощрении денежной наградой «за отлично усердную и полезную деятельность» состоявших при отделении секретных сотрудников Алексея Хохлова и Егора Дмитриева, в значительной степени способствовавших ликвидациям «Саратовского комитета партии социалистов-революционеров и его подпольной типографии, произведенным 6-IX мин. г., 26-I и 4-II с. г.» (6).

Водились соц.-рев. также в Казани, и там возникло дело о них, но при совершенно исключительных обстоятельствах: единственным лицом, привлеченным к дознанию, оказался сам доноситель!..

23-XII 1903 г. к н-ку казан. г. ж. у. явился местный мещанин Виктор Петрович Андреев и подал письменное заявление о том, что он, «принадлежа к казанской организации партии с.-р., получил от нее поручение на совершение террористического акта, но от исполнения такового по нравственным своим убеждениям отказался».

В доказательство своей принадлежности к преступной организации Андреев рассказал, что, проживая в Казани, занимался печатанием и мимеографированием майских рабочих листков и распространением печатных брошюр «издания социалистов-революционеров». Присутствовавший при расспросах нач-к охр. о. ротмистр Кулаков подтвердил, что указания на принадлежность Андреева к кружку, занимавшемуся распространением нелегальной литературы, верны, и что члены этого кружка, равно и Андреев, вошли в сферу текущего наблюдения.

На вопрос, против кого именно предполагалось совершить покушение, мещанин Андреев после некоторого колебания об яснил, что еще с осени прошлого года в казанском кружке социалистов-революционеров неоднократно возбуждался вопрос об убийстве казан-

ского губернатора, и ныне этот вопрос они полагают окончательно назревшим, считая тайного советника Полторацкого истинным виновником смерти государственного преступника студента Сергея Львова Симонова и ареста и последовавшего за ним наказания тюремным заключением виновников беспорядка 5-го минувшего ноября. Самый факт предполагалось совершить не позже наступающих рождественских праздников, и исполнителем его должен был явиться он, Андреев, неоднократно исполнявший всевозможные поручения упомянутой преступной организации, но кто именно входит в состав боевой организации социалистов-революционеров, мещанин Андреев назвать категорически отказался, при чем добавил, что устранением его, Андреева, от исполнения возложенного на него поручения путем ареста исчерпывается возможность совершения этого террористического акта, так как, кроме Андреева, едва ли кто из остальных членов организации возьмет на себя его выполнение.

В виду этого заявления против Андреева было возбуждено дознание по обвинению в преступлении, предусмотренном 2 ч. 252 ст. улож. о наказ., а самого его заключили под стражу (дон. ж. п. Мочалова д-ру д. п., № 6113).

Не обошлось без предателя и в екатеринославских кружках партии с.-р. Там эту роль сыграл некий Котляревский, который в конце-концов был заподозрен и бежал в Екатеринодар, где предложил свои услуги местному ж. управлению.

9-X 1905 г. Котляревский (он же Ф. А. Январский) обратился к Д. Ф. Трепову, бывшему тогда товарищем мин. вн. дел, со слезницей, в которой так описывал свои злоключения: «Имею честь довести до сведения вашего превосходительства, что я—бывший секретный сотрудник при екатеринославском охр. отделении и работал среди партии социалистов-революционеров в течение полутора лет, а именно с 1 января 1904 года по 3 июля 1905 года, какового числа я подвергся покушению, к счастью неудавшемуся. После этого я был вынужден оставить свою деятельность и скрываться от преследования революционной организации, которая решила меня преследовать путем оглашения в своей печати моих примет, а также распространением моих фотографических карточек. Лишившись возможности быть сотрудником, в то же время я лишился и средств к существованию, не имея возможности приискать себе подходящее занятие за отсутствием каких бы то ни было аттестатов на то имя, по которому я вынужден проживать в настоящее время.

Итак, ваше превосходительство, благодаря своей деятельности я лишился принадлежащих мне всех домашних вещей, а также возможности трудиться и кормить свою семью, состоящую из матери, жены и двух детей; кроме того, я сам страдаю опасной болезнью, которую нужно лечить. Поэтому я вынужден просить помощи

у местного жандармского полковника, так как выданная мне разновременно д. п. за мою службу сумма в размере 550 руб., за которой мне приходилось ездить в С.-Петербург и нести громадные расходы, мною уже израсходована, и в настоящее время я остался вместе с моей семьей без всяких средств к существованию.

Все эти условия заставили обратиться меня к вашему превосходительству с покорнейшей просьбой — не найдете ли возможным разрешить назначить мне пособие в размере, какой окажется возможным по вашему усмотрению. От вас, ваше превосходительство, я ожидаю решения моей судьбы... Резолюцию вашу покорнейше прошу сообщить мне через н-ка куб. областного ж. у. Г. Екатеринодар, 9-го октября 1905 года. Январский».

К этому прошению было приложено следующее донесение:

«Честь имею донести вашему превосходительству, что 4 и 5 октября сего года в г. Екатеринодаре происходили противоправительственные беспорядки. Толпа демонстрантов расхаживала по всем частям города с красными флагами и пением революционных песен совершенно беспрепятственно. Не было принято никаких мер к прекращению беспорядков. Тут же присутствовал полицмейстер, в присутствии которого толпа демонстрантов с гиканьем и свистом бросала камни в тут же стоявших конных казаков, требуя их удаления. Что и было исполнено. После этого толпа демонстрантов бросилась грабить и разбивать оружейные магазины. Грабеж продолжался в течение полутора часов, и только после этого времени прибыла полусотня казаков, но толпа стала расходиться. На другой день, 5 октября, в 11 часов утра демонстрация возобновилась и продолжалась до 5 часов вечера. Также совершенно беспрепятственно. Сообщая все изложенное вашему превосходительству, я должен добавить, что по моему наблюдению здесь революционное движение развивается в самых широких размерах и только благодаря отсутствию всякого наблюдения. Руководителями преступной организации является постоянно живущая здесь интеллигенция, из которых мне удалось несколько человек установить. Но, в виду отсутствия у местного ж. полковника всяких средств на содержание наружного наблюдения, одному много сделать невозможно, а также те условия, в которых я нахожусь, не дают возможности широко развивать свою деятельность, так как появление одного знакомого лица заставило меня оставить город и искать убежища в другом месте. Местное ж. управление совершенно не подготовлено к этой деятельности. Я надеюсь, ваше превосходительство, что вы не замедлите вашим распоряжением присылкой сюда летучего отряда филеров, так как в нем чувствуется здесь самая неот'емлемая необходимость, и который с успехом может в течение двух месяцев ликвидировать всю преступную организацию. Я же, со своей стороны, буду оказывать содействие до последней возможности. Бывший секретный сотрудник Ф. А. Январский».

Группы с.-р. существовали и в далекой Сибири. Нач. иркутс. охр. о., весьма легкомысленный жанд. ротмистр Гаврилов, очень был озабочен этим обстоятельством и, удвоив свою розыскную энергию, приобрел сразу двух с. сотрудников. Один из агентов, принятый в апреле 1904 г., мещ. Константин Николаев Живицын (кличка «Красильщик»), бывший воспитанник учительской семинарии, был знаком с революционным движением, вращался среди небольшого кружка социалистов-революционеров и был знаком с некоторыми видными деятелями с.-д. организации.

В ночь на 19-V доносы Живицына были реализованы: обыскали 25 человек иркутской молодежи, при чем у Шнейдермана отобрали четыре револьвера и кинжал, а у Знаменского — гектограф; для декорума осмотрели и квартиру Живицына (д. 4 — Юрганевич, по Благовещенской ул.), проходившего по наблюдению под кличкой «Суфлер».

Но в дальнейшем с «Красильщиком» вышел конфуз.

«Живицын» — доносил Гаврилов д-ту п. 9-XI 1904 г.,— прослужив во вверенном мне отделении около двух месяцев, стал замечаться мною в нетрезвом образе жизни и в стремлении скорее к материальным выгодам, нежели принести пользу делу. Кроме того, мною были получены через чинов полиции сведения о безнравственных поступках Живицына, в виду чего я решил отказать ему в дальнейшем сотрудничестве, тем более, что даваемые им за последнее время сведения почти не подтверждались. 6 сентября Живицын был доставлен в одну из полицейских частей, как заподозренный в краже 180 руб., при чем обыском у него была обнаружена нелегальная литература, которая и препровождена ко мне. По освобождении вскоре из-под ареста Живицын явился в отделение и настойчиво и дерзко просил возвратить ему литературу, обещая, по исполнении сего требования, продолжать сотрудничество; но мною как в том, так и в другом было отказано. Затем Живицын обращался к начальнику местного г. ж. у., коему жаловался на отказ в дальнейших приемах мною его и выдаче денег; не получив же от полковника Левицкого желаемых результатов, Живицын снова явился в отделение и настойчиво требовал возвращения литературы, в чем было мною категорически отказано, и он ушел озлобленным. Ныне через сотрудника Кудреватых («Копченый»), познакомившегося летом сего года с Живицыным, мною получены агентурные сведения, что, по словам последнего, партия местных социалистов-революционеров намерена совершить по отношению меня террористический акт; при чем принесенный этим сотрудником черновик приговора по сличении его с имеющимися в отделении записками Живицына, писан им собственноручно (копия при сем представляется)... По вынесенному мною лично впечатлению, Живицын, подозревая Кудреватых в сотрудничестве, намерен путем сообщения ему описанных нелепых сведений убедиться в том и, открыв его лицам, прича-

стным к партии, заручиться доверием последней, или же Живицын и Кудреватых действуют заодно, при чем последний является в руках первого орудием мести против меня за отказ от сотрудничества»...

Одним словом: своя своих не познаша...

Уместно будет упомянуть здесь еще о двух эсеровских предприятиях, пострадавших от провокации. 25-V 1904 г. в подмосковном селе Медведкове, в квартире студента Звонова арестовали типографию партии с.-р. и устроивших ее Николая Гиммера, Евгению Сороко, Ольгу и Марию Емельяновых. Выдала это дело сотр-ца моск. о. о. Спасская, служившая в губ. земской управе.

Другое дело возникло в Пензе, где 28-VIII 1902 г. была обнаружена типография, печатавшая воззвание боевой организации, находившаяся в квартире прис. повер. Б. Ф. Тарасова.

Выдал это дело с. с. петербургского о. от-ния Владимир Михайлов Панебратцев (был уволен из Вологодской гимназии «за порочное поведение», в 1893 г. привлекался по делу Сабунаева); он же указал, что в типографии жила, под видом кухарки, Наталья Григорьева, разыскивавшаяся по делу Мельникова (ее не обнаружили). Панебратцев имел связи с саратовцами, к которым ездил. От сотрудничества его отказались потом... в виду его «безнравственности»!

ПРЕДАТЕЛЬ ТАТАРОВ.

Азеф, как шпион, был единственный в своем роде; он участвовал, вследствие инструкций, данных ему Зубатовым, в образовании партии, поставившей во главе своей программы террор; он был в центре боевого аппарата этой организации, деятельность которой таким образом попадала под бдительный контроль полицейского ока.

Но Азеф был в то же время и единственный с таким положением в партии, и это создавало для охраны большое неудобство: не имея другого секретного сотрудника на верхах партии, она не могла проверить добросовестность своего «единственного», который этим, как мы знаем уже, сильно злоупотреблял (7).

Зубатов очень не доверял Азефу; он не сомневался в том, что «Новый Приятель» сообщал далеко не все из того, что ему было известно, и хитроумный охранник был весьма озабочен проведением в центр партии с.-р. другого своего осведомителя; преждевременное падение не позволило Зубатову осуществить свою мечту, но судьба благоволила к д-ту п., и на розыскной арене вдруг появилась новая фигура крупного провокатора.

10-XII 1904 г. нач. иркутского г. ж. у. донес, за № 8578, д-ру д. п.: «Состоящий под гласным надзором полиции Николай Татаров явился ко мне с предложением сообщить мне сведения, могущие принести несомненную пользу в деле политического розыска, поставив при этом непременным условием, чтобы фамилия его ни

под каким видом не была оглашена никому, и в особенности охранному от-нию. Вместе с тем он просил меня даваемые им сведения доложить вашему превосходительству, не скрывая его фамилии.

Желая исполнить условие, выраженное Татаровым, я признал необходимым полученные мною сообщения представить на усмотрение вашего превосходительства, доложив, что о сведениях этих я никому никаких сообщений не давал.

По словам Татарова, в г. Томске нелегально проживает бывшая гласно-поднадзорная Авдотья Бакшеева, скрывшаяся из Иркутской губ. в конце января текущего года; проживая на одной квартире с неизвестным студентом, она приняла на себя ближайшее заведывание типографией, принадлежащей партии социалистов-революционеров. Типография эта, не имея ничего общего с социал-демократической партией, периодически выпускает различные брошюры и прокламации, распространяемые по мере возможности. В последнее время ею отпечатаны представляемые при сем брошюры «Студенчество и революция» в количестве 600 экземпляров и «Проект программы» — 1.200 экземпляров.

В настоящее время готовится к изданию четвертый номер журнала «Отголоски», и выпуск его задерживается лишь неполучением корреспонденции из Иркутска.

Главными сотрудниками издания и авторами нелегальной литературы являются присяжный поверенный Вознесенский (автор прокламации «Министр — удав»), некий Швецов и член городской управы Шипицин; все они проживают в г. Томске. Деятельное участие в качестве сотрудника принимает также инспектор страхового общества Михаил Акимович Тимофеев, проживающий в Иркутске; он нередко выезжает в Томск, куда доставляет для подпольных изданий местную корреспонденцию и, возвращаясь, привозит в значительном количестве выпущенные новые издания.

Тот же Тимофеев, совместно с воспитанником иркутской духовной семинарии Трутневым, является организатором и руководителем кружка учащейся молодежи в Иркутске; под их непосредственным наблюдением издавался в начале года журнал «Светоч», а в настоящее время приступлено к изданию журнала «Будущность» (по словам Татарова — «вполне революционного направления»).

Среди революционных деятелей г. Иркутска видную роль играет Мария Абрамова Цукасова; обладая большими материальными средствами и принимая горячее участие в революционной пропаганде, она покровительствует революционному делу, жертвуя на это как собственные средства, так и производя поборы под разными благовидными предлогами, как, например, устраивая вечера, концерты и т. п.

По сообщениям Татарова, ни один побег политических ссыльных не обходится без участия Цукасовой, которая всех скрываю-

щихся снабжает деньгами и нелегальными паспортами; ближайшими ее сотрудниками в этом деле являются состоящие под негласным надзором полиции Иван Фомич Погоржельский и окончивший срок гласного надзора Иосиф Шилингер.

Из сообщения того же лица я узнал, что бывший гласно-поднадзорный Сергей Басов выехал в Саратов, Харьков и Одессу, с целью поступить в боевую организацию; по тем же сведениям, в начале этого года из Читы выехала Прасковья Семеновна Волошенко, принадлежащая к партии боевой организации; она некоторое время проживала в Петербурге и посещала Северную гостиницу; Волошенко по своему направлению, твердому характеру и энергии является выдающейся и опасной личностью.

Насколько эти сообщения достоверны, я утверждать не смею, но полагаю, что, в виду доставленных мне брошюр, можно заключить, что Татаров, давший упомянутые сведения, пользуется популярностью и доверием лиц противоправительственного направления.

На мое предложение сообщить все высказанное нач. иркут. охр. о. и вообще познакомиться с ним, Татаров категорически отказался, заявив, что никаких дел с охр. от-нием вести не желает и от материального вознаграждения отказывается, за исключением расходов на уплату извозчику и на посылку телеграмм, повторив свою просьбу ни под каким видом не оглашать его фамилии, так как в противном случае он будет лишен возможности доставлять мне небезынтересные сообщения.

В виду всего вышеизложенного я позволяю себе обратиться непосредственно к вашему превосходительству, покорнейше прося дать мне указания по поводу моих дальнейших сношений с Татаровым, а также и о том, надлежит ли сообщать получаемые мною сведения подлежащим н-кам ж. у. и ох. от-ний».

26-XII того же года Левицкий телеграфировал д-ру д. п.: «Бакшеева живет в Томске, Никитская ул., 65, по паспорту крестьянки Кударинской волости Марии Ивановны Рыбаковой, вдовы, 35 лет; заведывает типографией социалистов-революционеров». На это ему 12-I 1905 года ответили: «Не предпринимайте пока никаких следственных действий по указаниям отношения № 8578, примите меры обеспечения всяких подозрений; предложите ему телеграммой испросить разрешения директора выехать болезни отца в Варшаву; пусть явится Петербург, спросит департаменте Макарова».

Татаров вскоре прибыл в Петербург, где им занялся выдавший когда-то его Гурович; последний представил затем д-ру д. п. ряд агентурных сведений о многих революционных деятелях, как, например, А. Якимова, П. Ивановская (Волошенко), Н. Тютчев и другие.

Из указанных Татаровым социалистов-революционеров одни, подготовлявшие покушение на Трепова (Волошенко, Басов,

Леонтьева, Барыков), были вскоре задержаны вместе с другими выясненными по сношениям с ними лицами (Шиллеров, Подвицкий, Марков), другие подверглись той же участи много времени спустя — после выяснения их связей наблюдением. Указанную Татаровым типографию с.-р. в Томске арестовали с нелегальной Бакшеевой весной того же года. За эти услуги Татаров получил дважды по 5.000 р. (вследствие докладов д-та п. министру в. д. «о сотруднике Костров̀е») и затем выехал за границу, где выступил перед революционной эмиграцией с какими-то издательскими проектами, но в виду предупредительного письма моего к партии с.-р. (об Азефе и Татарове) был заподозрен в предательстве.

Летом 1906 года Татаров был убит в Варшаве рабочим Дулебовым.

«ОРЕЛ».

В начале 1902 года в Харьковской и других смежных с ней губерниях возникли так называемые крестьянские «беспорядки».

Острое безземелье, полное экономическое оскудение подняли темную массу на стихийное выступление, которое местами выразилось в разгроме насиженных «дворянских гнезд», захвате помещичьих земель и пр.

Царское правительство, близко принимавшее к сердцу интересы привилегированного сословия, служившего ему главной опорой, ответило, по обыкновению, на крестьянский протест экзекуцией.

Харьковский губернатор князь Д. Оболенский победоносно об'ехал на коне, под защитой казацких берданок, взбунтовавшиеся деревни и села.

«На колени... Пороть!» — гремел зычный окрик на порогах волостных правлений.

Спускали штаны бородатым мужикам, секли крикливых, расслабленных старух...

Как в приснопамятные времена аракчеевщины.

Крестьяне подчинились силе. Общество, придавленное пятой безудержной реакции, молчало. Оппозиционеры негодовали — втихомолку...

Но не могла оставить безнаказанным издевательство над беззащитным мужиком революционная Немезида.

2-IV 1902 года социалист-революционер Балмашев застрелил министра внутренних дел Сипягина. 26-VII—то же пытался сделать с Оболенским рабочий Качура.

Годом раньше от руки Карповича пал другой министр—Боголепов, подписавший правила об отдаче непокорных студентов на выучку ротным фельдфебелям.

Правительство Николая II оставалось глухо к грозным предупреждениям. Более того: царь на следующий день после смерти своего

любимого «егермейстера» поставил во главе министерства внут. дел, определявшего всю государственную политику, бывшего директора д. п. В. К. Плеве ([8]).

Назначение на столь ответственный пост заведомого поклонника «ежевых рукавиц» было явной пощечиной общественному мнению, прямым вызовом революционерам; последние приняли брошенную им перчатку.

Начался поединок...

«Печальные явления последнего времени являются результатом происков незначительной кучки злоумышленников... Твердая власть сумеет раздавить крамолу. Это было уже доказано в 80-х годах, после цареубийства... Надо только, чтобы полиция стояла на высоте призвания»...

Так вещал новый временщик услужливым корреспондентам заграничных повременных изданий (между прочим—Гастону Леру для французской газеты «Le Matin»).

С первых же шагов новый министр обнаружил мудрую предусмотрительность: будучи в Москве, он отслужил молебен у Иверской и с'ездил на поклонение мощам преподобного Сергия.

Но остзейский лютеранин, повидимому, не очень доверял церковным святыням и потому обратился к содействию людей, на которых он привык более полагаться.

При посещении губерний, бывших ареной крестьянских беспорядков, Плеве имел совещание с гремевшим на всю киевщину генералом Новицким, «красой и гордостью» отдельного кор. жан.

Находясь в Москве, министр вел длинные беседы с восходящим светилом охранного мира — Зубатовым.

Перед Плеве стояла задача: кого поставить во главе политического розыска, который, по его мнению, мог спасти Россию от революционной смуты.

При решении этой проблемы новый министр проявил несомненную прогрессивность мысли: шефом всероссийской охраны он выбрал не заслуженного «в боях», не устаревшего генерала, — а молодого разночинца, смело вводившего в розыскную практику усовершенствованные методы провокационной системы, служившей основой политического сыска.

Новый министр оказался и человеком мужественным: в Москве он проживал запросто в Лоскутной гостинице, открыто выходил на прогулку по людной Тверской улице. Плеве даже потребовал как-то, чтобы за ним не посылали докучливых охранителей... Министр, оказалось, пожелал отдохнуть в отдельном кабинете Большой Московской гостиницы в компании с дамой, приятной в некоторых отношениях...

С воцарением Плеве началась эпоха давно жданных «реформ».

В первую очередь была реорганизована, под ближайшим руководством Зубатова, политическая полиция. Вдвое увеличили

кредиты на борьбу с крамолой. Завели более дюжины новых охранок. Сосредоточили руководство этими учреждениями высокой государственной полезности в специальном «штабе» — в особ. отделе д. п. Задумали образование министерства полиции, во главе которого должен был стать талантливый прокурор А. А. Лопухин, временно занявший пост директора д-та п. Особенно тщательно поставили личную охрану министра. Главой телохранителей Плеве назначил своего старого знакомого А. С. Скандракова.

Выученики Новицкого—жандармские офицеры Скандраков и Судейкин—были призваны в начале восьмидесятых годов ведать охранным делом: первый—в Москве, второй—в Петербурге. Они были талантливы по-своему. В особенности любили умничать. Судейкин называл себя «черноперелельцем»—потому, что не признавал террора. Скандракову приписывают фразу, не лишенную меткости: «Либералы левой рукой целковый дают, а правой конституцию просят», на что, говорят, один из кадетов того времени возразил: «Злитесь потому, что на нас нельзя выслужиться, как выслуживаетесь вы на революционерах».

Когда Судейкин был убит своим агентом Дегаевым, Скандраков выступил с проектом учреждения целой сети охранок и должности инспектора политической полиции (на которую метил сам). Проект не прошел. Самолюбивый полковник ушел в отставку, удовлетворившись постом предводителя дворянства в Борисовском уезде, Минской губ., где он был принят с распростертыми об'ятиями.

Призванный снова к власти, «Спирька» (так звали его охранники) отдался всей душой своему ответственному делу. Набрал особый штат самых расторопных агентов; смуглый энергичный филер летучего отряда Кочурин был поставлен за старшего. По мысли Скандракова, была сделана для выездов «самого́» изящная блиндированная карета, которую стали сопровождать сзади два вооруженных велосипедиста, готовых ринуться на всякого, кто дерзнул бы приблизиться к экипажу министра, запряженному парой кровных рысаков, несшихся обыкновенно со всей возможной быстротой. Выезды и выходы Плеве были строго регулированы; он не мог сделать шагу без ведома «Спирьки», находившегося при нем неотлучно.

В приемной министра юркий чиновник особых поручений стал обходить всех желавших увидеть «его высокопревосходительство»; ласковым, сипловатым голоском он расспрашивал всякого посетителя о существе его просьбы; беглым, но зорким взглядом черных глаз окидывал ридикюли и сумочки дам; заглядывал мельком в мужские шляпы; фамильярно обнимал просителя студента, нащупывая походя, нет ли при нем оружия...

Этим миниатюрным чиновником в виц-мундире с владимиром в петлице был тот же Скандраков. Бедный телохранитель, чувствуя свою персональную ответственность, только и думал о том, как

обеспечить неприкосновенность своего «хозяина»; он не знал ни минуты покоя; но претерпевал все в ожидании директорской должности, ему обещанной.

«Орел» (так звали департаментцы Плеве) безгранично верил в силу полицейских средств и за спиною шпионов чувствовал себя в полной безопасности. Тем более, что Зубатов уже доказал свои сыскные таланты: он успел уже навербовать из числа революционеров хороших осведомителей, из которых один (Азеф) проник даже в центр террористической партии.

Охранная агентура действовала превосходно. Не прошло и шести месяцев после назначения Плеве, как полиция напала на след заговора против нового министра. После «тщательного наблюдения» 12-I 1903 г. в Петербурге «ликвидировали» революционный кружок М. П. Негрескул (дочь известного эмигранта Лаврова), при чем арестовали нелегального Гроссмана с «отточенным кинжалом и заряженным браунингом». Через месяц после этого в северной же столице была задержана новая группа, замышлявшая покушение на жизнь Плеве (поручик Григорьев и др.) (9). Осенью того же года возникло еще дело о комплоте; арестовали организацию во главе с Серафимой Клитчоглу, на которую указали сразу два провокатора: агент петербургской охранки инженер Л. Горенберг и секретный сотрудник Зубатова — Азеф.

Могло казаться, что на одного революционера приходится два доносителя. Плеве почивал на лаврах...

Но 31-III 1904 г. произошло неожиданное событие: в Северной гостинице, опять в Петербурге, погиб от взрыва неизвестный молодой человек, повидимому, снаряжавший метательный снаряд (это был член боевой организации партии с.-р. А. Покотилов).

Грозное предзнаменование.

Но охранка не дремлет. Ей снова удалось задержать нелегального, опять с браунингом, у которого был стерт номер.

На этот раз заслуга принадлежала заграничной агентуре, тоже ставшей на «надлежащую высоту». Начальник этой агентуры Ратаев провел дело образцово: он знал заблаговременно, когда, с каким паспортом и к кому именно выедет из-за границы в Россию террорист Краков, посланный Бурцевым убивать министра юстиции Муравьева.

Еще бы не знать! Паспорт, браунинг и деньги на дорогу Кракову дал добрый приятель его и Бурцева—Левушка Бейтнер, агент Ратаева.

11-VII 1904 года Кракова, поселившегося в Петербурге, арестовали. 13-го числа об этой удивительной истории в особом отделе д. п. составлялась записка, которую министр должен был представить царю на ближайшем докладе. В тот же день чиновник особых поручений Пешков, ведавший заграничными перепиской, метался по архиву, спешно наводя справки о бывшем студенте Егоре Созонове,

выехавшем, по сведениям, полученным от сотрудника «Виноградова» (Азеф), в Россию для участия в террористическом предприятии...

Наклевывалось новое «блестящее дело».

Прошло два дня...

16 июля, около 11 часов утра, компактная кучка департаментских чинов собралась в парадном зале аппартаментов министра вн. дел. Отдельно впереди стоял скромный Лопухин и грустно посматривал раскосыми глазами на катафалк, возвышавшийся в углу комнаты, убранной соответственными венками, с традиционными пальмами по бокам.

Ждали священника. Грузный вице-директор Зуев, с лицом сатира, смачно рассказывал на ухо делопроизводителю Зарецкому самый последний, придуманный им самим сальный анекдот. Безучастно поглядывал в окно отягощенный астмой Н. А. Макаров, заведывавший особым отделом. Будущий заместитель его Пятницкий в третий раз ощупывал пуговицы своего форменного фрака, проверяя, все ли они на месте. Мелкие чинуши украдкой позевывали.

Наконец раздалось тягучее «со святыми упокой раба божьего Вячеслава»...

Панихида кончилась. Чины разошлись по своим кабинетам исполнять и сочинять резолюции; писцы разбежались по своим углам, где их ждали кучи бумаг — предписаний, указаний и сообщений, а также бутерброды, принесенные из дому...

Только немногие департаментцы заметили, что на молебствии отсутствовал их коллега — долговязый М. И. Гурович. Но заслуженный провокатор в это время находился при исполнении «особенного» поручения: бывший фельдшер дежурил бессменно, под видом врача, у постели неизвестного, бросившего снаряд, от которого погиб Плеве. Метнувший бомбу взрывом был изранен, оглушен, разбит; он лежал в полусознательном состоянии и бредил; лицо его было залито опухолью; он ничего не видел.

«Доктор» мягким шопотком что-то внушал больному; фельдшер Жуковский записывал бессвязную речь редкого пациента, не оставляя без отметки ни одного обрывка фразы, ни стонов его. «Доктор» все допытывался узнать, как звать родных больного, чтобы, как уверял он, «дать им весточку — успокоить их»; больной отмалчивался, или шептал непонятное.

Но вот как будто удалось разобрать слова: «Николай Ильич».

Засуетились: открытие. Гурович побежал к Медникову. Всезнающий «Евстратка», всероссийский шеф филеров, не задумываясь, расшифровал загадочное имя: «Николай Ильич Бронштейн, проходил по наблюдению в Киеве».

Полетела срочная телеграмма. «Преступника» доставили в кандалах с курьерским поездом в Петербург; на него жадно накинулись с допросами. Шутник Макаров, вернувшись из Петропавловки, доложил флегматично: признает, что он — Николай Ильич, но

к делу непричастен и даже обещает доказать это агентурными услугами...

Это было тоже 16 июля, когда департаментцы служили панихиду по Плеве: глава боевой организации Азеф, только что приехавший в Вену из Варшавы, где он получил известие об удачном исходе налаженного им террористического акта, телеграфировал своему принципалу Ратаеву о том, что жаждет его увидеть.

Конечно — за тем, чтобы доложить новые агентурные сведения.

Разумеется — очень важные.

И — самые свежие...

РЫЖИЙ ПАРИК.

Конспирация — одно из средств необходимой самообороны, которым всякому революционному деятелю приходилось пользоваться в своей нелегальной работе; но средство это — обоюдоострое, и неудачное применение его часто вело к обратным результатам. Припомним хотя бы известный нам случай с шифрами; умный Г. Лопатин, например, сгубил благодаря своим записям всю свою работу по восстановлению народовольческой организации. Излишние оглядки Эйдельмана тоже обратили на него сугубое внимание «летучих» филеров и привели их к минскому с'езду. Гершуни, живший нелегально и организовывавший террористические акты, сделался в конце-концов жертвой своей излишней осторожности.

Наглядный пример неудачной конспирации представляет еще одно дело, тоже связанное с террористической практикой с.-р., кончившееся, впрочем, если можно так выразиться, в данном случае довольно благополучно.

Обратимся еще раз к официальным документам.

18 февраля 1906 г. прапорщик 1-го Финляндского стрелкового полка, расположенного в Гельсингфорсе, К. Шуберт ([10]) подал жандармскому ротмистру Лявданскому, помощнику нач. финляндского ж. у., письменное, в третьем лице, заявление следующего содержания:

«На углу Генриховской ул., № 12, и Андреевской, № 1, существуют меблированные комнаты Шеберг, самый верхний этаж.

С конца декабря там живет несколько человек подозрительных лиц, постоянно меняющихся, живущих по два-три дня, преимущественно жиды, по разговорам, несомненно, люди нелегальные, повидимому, укрывающиеся из России от ареста. Сейчас там живет некий еврей, именующийся Якобсоном ([11]), повидимому, из Польши. В разговоре часто упоминалась фамилия какого-то погибшего героически Розенберга. Недавно там жил некто Шварц, тоже еврей, перешел на жительство, кажется, в дом № 4, на Генриховской. К Шварцу приходил какой-то гимназист, который оставил руко-

писную на русском языке записку карандашом, предлагая в ней Шварцу переменить квартиру на другую, в д. № 4, по Генриховской, где зеленая бутылка, спросить у хозяина погребка.

Дня три тому назад приехала в меблированные комнаты на Генриховской, 12, подозрительная женщина, по фамилии Смирнова, невысокого роста, плоскогрудая, плохо сложенная, с маленькими руками и ногами и некрасивым светло-зеленоватым лицом, лет 25, нос средней величины, скорее длинный, чем короткий, с небольшими черненькими усиками, в ярко рыжем парике, в очень оригинальной прическе, из-под которой видны собственные черные волосы; прическа плоская, немного спущенная сзади, с желтыми на голове шпильками, расположенными в виде короны, кольцом. Одета в черный жакет до колен, без барашковой опушки на рукавах и воротнике; носит черное боа, тоже почти до колен; шляпа черная, бархатная или плюшевая, неопределенного типа.

Об этой даме старшая горничная Гильда доложила прапорщику Шуберту на следующий день ее приезда, что она возбуждает подозрение рыжим париком и крайней нервностью: вздрагивает при малейшем стуке в двери; всякий шум на улице приводит ее в нервное состояние. Обедала она за общим столом, но первые три дня ее пребывания прап. Шуберту не приходилось с ней встречаться.

На второй день пребывания Смирновой в меблированных комнатах Гильда принесла Шуберту две брошюрки: одна—«Что такое анархия», лейпцигское издание, доказывающая, что анархизм не противоречит гуманизму, с ссылками на Толстого и других писателей, а другая — парижского издания, Александра Амфитеатрова «Вредная Раса» (борьба с династией), доказывающая отсутствие связи между немецкой династией Романовых и русским народом и потому рекомендующая избавиться от нее, не останавливаясь в средствах.

На третий день живший в тех же комнатах доктор Саков подтвердил Шуберту свои подозрения относительно этой особы и рыжего парика, высказывая даже подозрения, что это переодетый мужчина. Утром 18-го Гильда постучала в дверь к Шуберту и сказала, что фрекен (барышня), как называлась эта дама, ищет расписание поездов. Прапорщик Шуберт сейчас же оделся и вышел, но Смирнова ушла к себе в комнату и просила зайти к ней.

Шуберт явился к ней с расписанием поездов и, очень любезно представившись, принял в ней участие, как в русской, не говорящей по-фински; тем самым и дальнейшими разговорами постарался уничтожить в ней всякое подозрение относительно себя. Смирнова просила сообщить поезд, идущий в С.-П. Б., сказав, что во что бы то ни стало завтра, 19-го, ей надо быть в С.-П. Б. Шуберт рекомендовал ей два поезда, курьерский в 10 ч. 35 м. и пассажирский в 3 ч. 15 м. дня (ошибочно), и написал их ей на записке, не упомянув восьмичасовой почтовый. В это время к Смирновой пришел господин высокого роста, похожий на нее, с русой бородой, лохматый,

лет 33—35, одет в драповое черное пальто без воротника и, кажется, в фетровой шляпе. Раскланялся с Шубертом довольно недружелюбно, но, увидев искреннюю беседу между Шубертом и Смирновой, стал несколько приветливее. Дабы не вызвать подозрения и из деликатности, Шуберт встал, раскланялся и ушел.

Через 15 минут к Шуберту пришла горничная Гильда и, сообщив, что фрекен Смирнова ушла с неизвестным господином, предложила прапорщику посмотреть вещи Смирновой. Придя в комнату Смирновой, Шуберт обнаружил на столике небольшой дамский саквояж, длиной 20 см,- шириной 7 см, под которым лежали две вышеупомянутые брошюрки. После этого Шуберт ушел к себе в комнату, а через 10 минут горничная Гильда принесла Шуберту клочки письма, начинавшегося словами: «Я уезжаю в Петербург, чтобы окончательно согласовать свою жизнь с идеей».

Тот же Шуберт донес потом: «Сегодня утром (22 февраля) еще раз самолично произвел осмотр комнаты Смирновой. В умывальном тазу, из которого мыльная вода еще не была вылита после ее от'езда, заметил в воде прилипший к стенке таза кусочек бумаги. Воду после этого тотчас слили, и на дне таза нашел прилипшими клочки разорванного черновика телеграммы, писанной ею, повидимому, когда она со дня на день откладывала свою поездку. Черновик, должно быть, был ею уничтожен перед самым от'ездом. Больше во всей комнате не нашли ничего, и этим свой сыск относительно Смирновой, думаю, закончу. К. Шуберт».

Телеграмма, о которой идет речь, заключала в себе одно слово «выезжаю» и была адресована Александру Модестовичу Хирьякову (Петербург, Васильевский остров, 9-ая линия, д. 6).

В протоколе, составленном Лявданским 23-II 1906 года (Шуберт в нем назван почему-то Василием Николаевичем), доносчик об'яснил еще: «Заметив появление в пансионе подозрительных лиц, я решил установить за приезжими этого типа негласный надзор и подговорил весьма преданную мне старшую горничную Гильду, женщину уже пожилую и серьезную, пояснив ей на немецком языке всю небезопасность пребывания упомянутых эмигрантов, в числе которых могли оказаться и члены боевой организации со всеми принадлежностями их, как-то: бомбами, динамитом и другими взрывчатыми веществами.

Фрекен Гильда ревностно принялась за исполнение возложенных на нее обязанностей, сообщая мне о каждом шаге их и доставляя также по мере возможности попадавшие ей в руки письма и бумаги»...

Убедившись в подозрительности Смирновой, Шуберт предложил Гильде не только усилить надзор, но и «произвести в ее отсутствие обыск», а сам, «не медля ни минуты», отправился в жандармское управление с доносом; вернувшись он получил от Гильды ворох клочков изорванных и брошенных в печку бумаг, а также вынутый

ею из кармана верхнего платья Смирновой пистолет-браунинг, заряженный семью патронами, из которых четыре были снабжены пулями «дум-дум». «Все патроны,—пояснил далее в протоколе Шуберт,—были заменены имевшимися у меня безвредными практическими, о чем и было в тот же вечер заявлено в жандармское управление, по совету коего практические патроны, дабы не возбудить подозрения, в обойме были снова заменены боевыми, хотя и не с разрывными пулями, за исключением седьмого в патроннике, в котором мною было решено оставить практический».

При осмотре паспорта, по которому жила таинственная незнакомка, было установлено, что он был выдан колпинским мещанским старостой на имя Марии Александровны Смирновой и был явлен 24-III 1905 г. в Петергофе, 17-IX 1905 г.—в Москве и 14-I 1906 г.—в Петербурге.

При восстановлении первоначального вида разорванных писем, два из них, предназначавшиеся, судя по разорванному конверту, «Vo!demar'y Touzemzev'y», оказались чрезвычайно интересными; одно из них было следующего содержания:

«17-го февраля 1906 года. Я уезжаю в Петербург, чтобы окончательно «согласовать свою жизнь с идеей». На размышление организации относительно моей особы я оставляю две недели. По истечении этого срока я считаю себя свободной действовать без санкции организации. Адрес, по которому меня могут найти, тот, который я вам дала для корреспонденции. Этого человека там можно найти ежедневно от 11 и до 6 ч. вечера, кроме праздничных дней. Пароль (чтобы сказали, где я): «Поклон от Василия Григорьевича». Будьте счастливы».

В другом письме, тождественного содержания, срок ожидания был назначен в 13 дней (это могло указывать на то, что автор имел в виду 1 марта, являвшееся в 1906 году юбилейным днем двадцатипятилетия убийства Александра II).

Третий документ представлял собой отрезной купон на перевод почтой пятидесяти рублей, отправленных Смирновой 1-II Анной Ильиной Дьяковой из с. Доброскова, Орловской губ.

Так началось это необычное дело, имевшее еще более необычайное продолжение и конец.

За таинственной незнакомкой установили, разумеется, наружное наблюдение, которым было выяснено, что 18-II Смирнова просидела вечером до-поздна в кафе «Опера»—в обществе господина, которому филеры дали кличку «Ресторанный». 20-II Смирнова совершила конспиративную прогулку в загородный парк Теле; по пути опустила письмо, вернулась домой; в 10 ч. вечера она снова вышла, прикрыв лицо белой вуалью и кутаясь в меховое боа, отправилась на вокзал и выехала в г. Выборг, где ее встретил «Ресторанный»; после этого оба отправились на Иматру, где остановились в гостинице Рауха...

В это время решалась судьба незнакомки. Было ясно: она — террористка, едет на акт; вещественные доказательства — в руках жандармов; сообщник — налицо; момент вполне благоприятный для ареста...

Но не так рассудил директор д-та п. Вуич, когда ему доложили это дело. Он нашел нужным продолжить наблюдение, чтобы выяснить «центр».Смирнову пустили в Петербург, где в это время велась усиленная слежка (по указаниям Азефа) за членами боевого отряда, с которыми Смирнова не замедлила войти в контакт; одновременно была установлена нелегальность незнакомки, в лице которой охранники опознали известную им Зинаиду Коноплянникову (этому способствовало посещение ею своей матери, жившей в Петербурге).

Но скромная учительница, фанатически решившая «согласовать свою жизнь с идеей», родилась под счастливой звездой.

Годом раньше Коноплянникова благополучно увезла из саратовской лаборатории Горохова чемодан с принадлежностями для фабрикации разрывных снарядов; в Смоленске она была с ним арестована 12-IX 1905 г. Октябрь принес амнистию; Витте приказал освободить всех политических заключенных; но управлявший министерством вн. дел. Дурново циркулярной телеграммой предложил оставить под стражей анархистов и террористов; распоряжение это было получено в Москве, когда местная администрация уже отпустила на свободу всех узников Бутырской и других тюрем, в том числе и Коноплянникову, которая поспешила скрыться. Дальнейшая судьба этой террористки, как мы видели, висела на волоске; но и тут ей повезло: совершенно неожиданно члены боевой группы, которые вели предварительную слежку за выездами П. Н. Дурново, заметили слежку и сбежали, оставив на произвол судьбы упряжки, которыми они пользовались в качестве извозчиков для своего наружного наблюдения.

Исчезла и З. Коноплянникова, на этот раз — бесследно. Правительству удалось задержать ее только 13-VIII 1906 г. на перроне царскосельского вокзала, когда она застрелила усмирителя московских повстанцев — генерала Мина.

Не помогли и учебные патроны Шуберта.

И «центра» Вуич не выяснил.

А царский любимец пал!..

ПРИМЕЧАНИЯ.

К ГЛАВЕ V.

[1] В числе этих манускриптов было несколько очень об'емистых томов в черном переплете рукописи, писанной крупным характерным почерком самим Толстым. Дальнейшая судьба этих манускриптов мне неизвестна.

[2] По делу Новоселова были привлечены еще к дознанию Л. П. Марес и М. И. Тимерин: все они отделались несколькими годами гл. н. п.

[3] Чарнолусский и Фальборк были известны впоследствии, как весьма деятельные члены Комитета грамотности, сыгравшие крупную роль в деле народного просвещения.

[4] Впоследствии кавказские духоборы переселились в Северную Америку, где, во главе с тем же Веригиным, образовали колонию в Канаде, достигшую потом большого благосостояния.

[5] Владимир Григорьевич Чертков, большой друг Толстого, был выслан за границу в 1897 году; поселившись в Англии, он устроил в своем именьице Hants, около городка Крайтчерча, специальное хранилище для рукописей Л. Н. Толстого и документов, касавшихся его жизни и деятельности, которые переправлялись из России его друзьями, в частности писателем А. И. Хирьяковым. Чертковский архив в 1913 году был перевезен в Россию.

[6] Об этих общинах подробно рассказано в статьях «Л. Толстой и земледельческие колонии», напечатанных П. Бирюковым («Современные Записки», XI) и Чертковым («Голос Мин.»).

К ГЛАВЕ VI.

[1] Гурович Михаил Иванов (Моисей Давыдов), из полтавских мещан; бывший запасный рядовой Иркутского резервного батальона и фельдшер; учился немного в гимназии.

Во время пребывания Гуровича в Петербурге руководителем его был Ратаев. В переписках д-та п. Гурович проходил под псевдонимом «Харьковец» и «Приятель»; секретным сотрудником он был известен под фамилией «Тимофеев», а филерская кличка его была «Василенко».

1896—1898 годы Гурович жил преимущественно в Москве: в доме Полякова, на Тверской улице; в д. Лиснера, по Крестовоздвиженскому пер. и в д. Азанчевского, по Кисловке.

СПРАВКА ПО ДЕЛАМ ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ.

[2] «Войнаральский, Порфирий Иванов, незаконнорожденный сын княгини Кугушевой и дворянина Ларионова *; вероисповедания православного; родился

* Войнаральский—немного измененная фамилия «Ларионов», если читать последнюю справа налево.

в 1842 году в селе Литовке, Мокшанского уезда, Пензенской губ. Получив первоначальное образование в Пензенской гимназии, В. в 1860 году поступил в число студентов Московского университета, но пробыл там лишь один год; был исключен из оного за участие в беспорядках, происшедших в среде студентов, и затем выслан под надзор полиции сначала в Вологодскую губернию (г. Вельск), а потом в Архангельскую (г. Пинега); в октябре 1868 г. был перемещен в Пензенскую губ.; по прибытии туда поступил управляющим имением помещицы Селивановой; в апреле 1873 года, вследствие одобрительного отзыва о поведении его, был освобожден от полицейского надзора, а в июне того же года—избран участковым мировым судьей Городищенского уезда. Женившись вскоре после того на дочери местного судебного следователя—Дорониной, В. отправился в Петербург и здесь, посещая свою прежнюю знакомую по г. Городищу, жену прапорщика Анну Тушинскую, познакомился, через посредство ее, с Судзиловскою, а затем с Ковaликом, Кравчинским, Клеменсом, Блавдзевичем и другими видными деятелями петербургских революционных кружков. Усвоив себе весьма скоро взгляды и стремления своих новых знакомцев, он не замедлил, по мере представлявшейся ему возможности, оказать услугу двум из них: Кравчинскому и Рогачеву, когда они, скрываясь от преследования, в конце того же 1873 года, прибыли к нему в Городищенский уезд: первому из них он дал вид на жительство семинариста Свиридова, взятый им у сего последнего еще в 1867 году во время совместной с ним жизни в г. Вельске, а второго оставил у себя под именем воспитанника тульской семинарии Василия Петрова Орлова, как бы в качестве своего письмоводителя. Затем, в непродолжительном времени после того, когда ему сделалось известным, что правительствующий сенат не утвердил его в должности мирового судьи, он и сам всецело отдался делу преступной пропаганды, для каковой цели и нашел более целесообразным переселиться в Москву, но перед отъездом своим из Пензы признал необходимым приобрести единомышленников в этой местности. С этой целью В., явившись к хорошему своему знакомому, Эдуарду Каменскому (находившемуся под надзором полиции за участие в польском мятеже), предложил ему взять себе и раздавать другим для чтения привезенные им из Петербурга запрещенные издания. Заручившись таким образом содействием Каменского, В. приискал в доме вдовы коллежского ассесора Натальи Филипповой Цибишевой квартиру на время приездов в город Рогачева, которого под именем Орлова же и выдавал Цибишевой за своего управляющего; затем снял лавку в селе Степанкове, имея в виду предоставить в ней место продавальщицы упомянутой Судзиловской, вследствие ее просьбы о приискании ей места, удобного для ознакомления с народом; оставив Рогачеву шифр для ведения переписки и адрес на имя Мышкина в Москве, выехал из Пензы. Поселившись в Москве, В. задумал открыть столярную мастерскую, которая могла бы служить средством сближения с рабочим людом и вместе с тем как бы школою для подготовления лиц, намеревающихся посвятить себя пропагаторской деятельности в среде народа, каковое намерение и привел затем в исполнение; вскоре затем, с тою же целью, он завел башмачную мастерскую, которую отдал в заведывание подмастерью Иогану Пельконен, рекомендованному Селивановым. В этих мастерских бывали Фроленко, Аносов, Исаак Львов, Кравчинский, Аитов и Лукашевич; на стене мастерской вывешена была сумка, в которой находилось до 500 р., пользоваться которыми было предоставлено право каждому из посещавших мастерскую; там же постоянно имелись несколько экземпляров «Отщепенцев», журнал «Вперед», «Стенька Разин», «История одного французского крестьянина» и др. социально-революционные издания. Мастерская эта, однако, просуществовала недолго и в апреле того же года, по арестовании Исаака Львова, была закрыта; вследствие сего В. приступил к новому делу, а именно—к печатанию запрещенных и революционного содержания книг, с целью распространения их в народе, в типографии И. Мышкина. После того, задумав заняться распространением отпечатанных экземпляров вне Москвы, В. решил

устроить в Саратове мастерскую, которая должна была служить, с одной стороны, удобным местом для склада и брошировки упомянутых изданий, а с другой—притоном для лиц, ушедших уже в народ,—и в действительности открыл таковую, поручив заведывание ею вышеупомянутому Пельконену и поместив в оной сестер Прушакевич, Ивана Селиванова, Рогачева и Ковалика; сам же отправился с Селивановым в Самарскую губернию для устройства и там подобной мастерской. Впрочем, существование и этой мастерской было весьма непродолжительно. В конце мая значение ее было выяснено, и по произведенному в ней обыску задержаны были некоторые из проживающих в ней лиц. План В. относительно устройства нового притона в Самарской губернии, однакоже, расстроился вследствие ареста Супинской, которой В. думал поручить заведывание этим помещением, и потому он, пройдя Самарский, Бузулукский и Бугурусланский уезды, успел завязать знакомства с воспитанниками самарской семинарии—Дамаскиным, Пономаревым и др., и увлечь их на путь революционной деятельности, а также заарендовал, между прочим, у крестьянина Осокина постоялый двор, в котором агитаторы могли бы находить себе пристанище. В начале июня того же (1874) года В. с Селивановым вернулся опять в Саратов; разузнав о закрытии мастерской и об арестовании проживавших в ней лиц, он тотчас же решил, с целью распорядиться своим имуществом на случай возможности ареста, отправиться в Пензу и здесь при помощи своих прежних связей, через Каменского и М. С. Эндаурова, посредством безденежных векселей, перевел свое имущество на других лиц, а затем отправился в Москву. Но там он застал положение дел значительно изменившимся за время своего отсутствия: из членов местных революционных кружков в Москве остались только братья Аркадские; все же прочие, как-то: Клеменс, Кравчинский, Фроленко, Шишко и др., принуждены были скрыться. Поэтому в том же июне месяце В. вернулся снова в Самару и благодаря своей энергии успел составить новый кружок, в состав которого вошли: Дамаскин, Петропавловский и др., и к которому примкнули члены первого самарского кружка: Осташкин, Филадельфов, Юргенсон и др. Обеспечив сношения кружка с другими революционными деятелями, а именно: учредив несколько агентур и приискав на постоялом дворе в Никольском уезде помещение, в котором посещающие Самару революционные деятели могли бы находить приют, В. занялся пропагандой среди рабочих в Корсунском и Сызранском уездах, а оттуда отправился на пропаганду в Ставропольский уезд Самарской губернии, при чем на этот раз спутницею его явилась бывшая слушательница высших медицинских курсов Надежда Юргенсон. 20-го июня они были задержаны в деревне Васильевке * и хотя успели скрыться, но 24-го того же месяца были вновь задержаны и заключены под стражу.

Преданный затем суду особого присутствия правительствующего сената по обвинению в составлении противозаконного сообщества, с целью ниспровержения правительства и установленного государственного устройства в Российской Империи, в распространении, с целью возбудить рабочее население и учащееся юношество к явному неповиновению власти верховной, сочинений, по содержанию своему той цели соответствующих, и, сверх того, в составлении, с той же целью, направленного по содержанию своему к возбуждению неповиновения верховной власти сочинения под заглавием «История одного из многострадальных», В. был признан в том виновным и приговором, 23 января 1878 года состоявшимся, присужден к лишению всех прав состояния и к ссылке в каторжные работы в крепостях на десять лет. Но вместе с тем особое присутствие, приняв во внимание особо смягчающие вину В. обстоятельства, постановило ходатайствовать перед его императорским величеством о замене следующего В. по закону наказания лишением всех прав состояния и ссылкою на поселение в отдаленные места Сибири.

---

* По свидетельству самого Войнаральского—в деревне Грязнухи; см. дальше.—Л. М.

По всеподданнейшему же докладу министра юстиции вышеозначенного приговора государю императору благоугодно было 11-го мая 1878 года высочайше повелеть: лишить В. всех прав состояния и сослать в каторжные работы в крепостях на 10 лет, во исполнение чего, по соглашению министра внутренних дел с шефом жандармов, он был заключен в июне 1878 года в Ново-Белгородскую каторжную тюрьму, а в 1882 году перемещен на Карийские золотые прииски, куда и прибыл 19-го февраля.

По отзыву флигель-ад'ютанта полковника Норда, В., как человек образованный, хитрый, красноречивый и фанатичный, пользуется большим почетом и влиянием, избирается постоянно старостой. Он—«столп тюрьмы», по выражению Бедарина *, вообще человек крайних убеждений.

Особое совещание, образованное согласно 34-й статьи положения об усиленной охране, рассмотрев в декабре 1883 года доклад о В., постановило: «из'ять его из действия всемилостивейшего манифеста 15-го мая 1883 года».

[3] а) Семякин, Георгий Константинович, вице-директор департамента полиции, заведывал розыскными делами, умер в 1902 году.

б) Вознесенский, Владимир Александрович, инженер, был арестован в Петербурге 12-VIII 1898 г. Сыцянко Александр Иосифович, сын профессора, был арестован 9-XII 1897 г. в Воронеже и там же 7-III 1898 г. покончил самоубийством в тюрьме. Оба были сторонниками программы в духе партии соц.-революционеров.

в) Натансон, Марк Андреевич, один из старейших участников освободительного движения; умер в Швейцарии в 1919 г.

г) Эта фраза значит: без наружного наблюдения.

д) Т.-е.: обнаружится агентурный источник.

е) Пирамидов, начальник петербургского охр. отделения; убит в 1902 г.

ж) Ратаев, Леонид Александрович, заведывал особым отделом департамента полиции и впоследствии — заграничной агентурой; умер в 1917 году.

з) Легкая, М. И., урожденная Тихоцкая, старая знакомая Войнаральского по ссылке.

[4] В «Освобождении» (№ 8, 1902 г.) было опубликовано: «В течение лета и осени 1901 г. в революционных кружках в России возникли весьма веские обвинения против М. И. Гуровича в том, что он служит в департаменте полиции в качестве агента-провокатора. Расследование этих обвинений, по желанию как русских товарищей, так и самого Гуровича, было поручено особой комиссии за границей. В комиссию вошли уполномоченные для этого своими организациями представители заграничной Лиги русской революционной социал-демократии, Союза русских социал-демократов за границей и социалистической группы «Борьба». В течение продолжительного и тщательного расследования дела комиссия выслушала в ряде заседаний подробные об'яснения Гуровича как отдельно, так и на очных ставках с двумя свидетелями, выслушала показания шести свидетелей и рассмотрела письменные сообщения С.-Петербургского комитета Российской социал-демократической партии и отдельных товарищей. Все добытые этим следствием точные и проверенные данные вполне подтверждают пред'явленные Гуровичу обвинения, вследствие чего комиссия единогласно постановляет об'явить М. И. Гуровича агентом-провокатором. Подробный мотивированный приговор по этому делу комиссия рассылает конфиденциально действующим в России и за границей революционным организациям... 5 октября (22 сентября) 1901 г.».

Гурович был опубликован, как провокатор, также в «Последних Известиях» Бунда (№ 90, 1902 г.), в «Искре» (№ 26) и в «Революционной России» (№ 12, 1902 г. и № 16, 1903 г.).

[5] Протокольные записи бредовых разговоров Е. Созонова опубликованы мною (за псевдонимом «Иванов») в статье «Из секретных документов», поме-

---

* Вероятно—Бедарин Алексей, учитель, был на Карийской каторге; подал прошение о помиловании и был возвращен в Россию.—Л. М.

щенной в сборнике «Социалист-революционер» (№ 1, Париж, 1910 г.). Подробный рассказ самого Созонова об этой проделке охранников заключается в его письме к товарищам, опубликованном, между прочим, в историко-революционном альманахе издательства «Шиповник» (Петербург, 1907 год), который, впрочем, был конфискован при самом выходе в свет.

Здесь я приведу лишь заключительную записку Гуровича, из которой видно, что, несмотря на все ухищрения шпиона, на моральную пытку, к которой он прибегал (рассказ о том, что Сикорский погиб от взрыва бомбы, что убита девочка 2-х лет, чего на самом деле не было)—вызнать от Созонова Гуровичу ничего не удалось.

ЗАПИСКА М. И. ГУРОВИЧА.

«При личном свидании с убийцею статс-секретаря Плеве, путем поставленных ему известным образом вопросов, удалось получить от него следующие об'яснения по поводу преступления.

Вдохновителем заговора была известная террористка Брешко-Брешковская, которая лично знакома убийце, и он называет ее «Бабушкой» и «святыней» и вообще до крайности увлекается этой личностью. Как и предполагалось по обстановке убийства,—метальщиков было трое: убийца, Сикорский, задержанный впоследствии, и Николай Ильич Бронштейн, киевский помощник присяжного поверенного, известный по делам департамента полиции с 1898 года как убежденный революционер. Все эти исполнители были вооружены бомбами системы убитого в «Северной гостинице» Покотилова, который играл роль техника в боевой организации и в апреле успел изготовить лишь две бомбы, которые и предназначались на ближайший день выезда покойного министра. Сообщников по технике у Покотилова в «Северной гостинице» не было, он жил там один. Сикорскому в день 15 сего июля, как самому молодому из метальщиков, были даны указания, как обращаться со снарядом и куда его отвезти в случае, если в этом представится надобность; ему было рекомендовано хранить снаряд в мешочке, на тесьме через плечо, под накидкой. При езде на извозчике Сикорский должен был просить ехать тише, под предлогом боли в спине. Думая, что Сикорский дал откровенные показания, убийца при упоминании о задержании третьего в «сером пальто», на каковую личность на Варшавском мосту обратил внимание свидетель-извозчик, выразил крайнее беспокойство и волнение; когда же ему было сказано, что этот третий был именно «Николай Ильич», будто бы указанный Сикорским, и что по делу Покотилова известны его соучастники по Риге и Двинску, то убийца пришел в совершенное отчаяние и сказал, что «теперь картина всего дела меняется», и в последней беседе он уже говорил, как о точном факте, об участии его и двух вышеупомянутых евреев в качестве метальщиков, при чем более ответственные посты занимали он и Бронштейн. На поставленный ему вопрос о крайней молодости Сикорского для такого дела, убийца об'яснил, что хотя Сикорский и был действительно молод для его ответственной роли, но рекомендовавший его для дела человек был сильно в нем уверен и знал, что он уже в течение года подготовляется к участию в преступлении и сам страстно желал этого участия. К концу беседы убийца сознал, что он своею откровенностью признал участие своих трех товарищей в преступлении, и потому впал в крайнее отчаяние, говоря, что он «изменник и предатель», и умоляя, чтобы все высказанное им «осталось между нами», хотя во всяком случае себе он простить не может и, если был бы у него револьвер, то он покончил бы с собой. Несколько раз готов был назвать себя, но умолял, чтобы на этом не настаивали, так как это противно этике революционеров: «Не заставляйте меня презирать себя». О себе сказал, что дошел до 7-го класса реального училища и что революционные дела помешали ему поступить в высшее учебное заведение. До 1901 года он был социал-демократом с террористическим оттенком, исповеды-

вать же окончательно учение партии социалистов-революционеров начал после дела Балмашева, примеру которого пожелал последовать лично. Содержался неоднократно в доме предварительного заключения, но отделывался пустяками. Это последнее показание изменил в конце беседы, выразившись так: «Не хочу лгать, сидел около двух лет в тюрьме, в провинции, был выслан, но бежал». Родных нет, но есть невеста «Надя», которая хотя и знает, что он революционер, но в его специальность не посвящена.

К ГЛАВЕ VII.

[1] Из лиц, составлявших группу «интеллигентов-пропагандистов», вышел ряд серьезнейших с.-д. деятелей: Борис Васильевич Авилов, принимавший видное участие в литературных изданиях (журнал «Начало» и др.; псевдоним «А. Волков»); Александр Александрович Малиновский, партийная кличка «Рядовой», известный в литературе, как Богданов и Н. Максимов; Феодор Андреевич Липкин (он же «П. Нежданов» и «Череванин»)—тоже с.-д. писатель; Владимир Семенович Бобровский—пропагандист-организатор, работавший потом в Харькове, Киеве и других городах.

Кто выдал эту группу? Склад изданий она, как мы видели, хранила у Е. Н. Каменецкой, которой невольно приходилось играть роль ширмы для провокатора Гуровича и Серебряковой (см. том 1-й, стр. 288 и др.); указания могли исходить и от первого и от второй—они работали сообща.

[2] Воззвание, отгектографированное О. Смидович, начиналось словами: «Ненасытная алчность»... экземпляры этого листка, из числа распространенных на заводе, доставил 5-IV 1899 г. полиции сам Г. Лист.

[3] Журнал «Волна», небольшой по размерам, был издан гектографским способом; копия номера 1-го (вышло 2 номера) этого издания мною сдана в русский Заграничный Исторический Архив (в Праге).

[4] За корреспонденцией, адресованной на имя А. И. Елизаровой, было установлено перлюстрационное наблюдение с 26-V 1897 г.; через свою сестру, как известно, В. И. Ульянов вел переписку с заграницей; Елизарова писала, например, 17-X 1898 г. П. Аксельроду о получении его письма от 4-X (см. об этом: «Переписка Плеханова», т. II, стр. 63).

[5] По этому делу был привлечен к дознанию Арон Мойсеев Гинсбург, состоявший студентом ун-та в Казани, входивший в местный с.-д. комитет; в 1903 году он был сослан в В. С.; за участие в «Романовской» истории его осудили на 12 лет кат. работ.

[6] Когда Серебрякова предстала в 1926 году перед Революционным Трибуналом, она отрицала самые очевидные факты, в частности то, что она имела отношение к провалу типографии «Южного рабочего»; она оправдывалась тем, что в Екатеринославе были и другие провокаторы: Бакай и Батушанский. Эта диверсия Серебряковой была очень неудачной: Бакай вступил в сношения с охраной лишь в 1901 году, а Батушинский—еще годом позднее.

[7] Относительно Гутман было установлено еще, что она возила нелегальщину в Харьков, где останавливалась в конспиративной квартире у Зеликсон.

По сведениям, которые мне сообщил один из бывших деятелей южных с.-д. организаций—Н. Я. Каган (в литературе—«Тасин»), первая типография «Южного Рабочего» была поставлена в Кременчуге осенью 1899 г.; после ее провала была устроена летом 1900 г. новая печатня, которую в 1902 году перевели в Елисаветград; организатором ее был Абрам Гинсбург и один рабочий-печатник из Белостока; работали в этой типографии Сара Равич, прибывшая из Могилева, и еще три наборщика; в ней было отпечатано несколько воззваний для Екатеринослава и Одессы (по поводу годовщины 19-го февраля), в количестве от 1.500 до 2.500 экз., и некоторые номера «Южного Рабочего» (от 400 до 1.000 экз.).

Наборы иногда делались в тайной, а оттиски—в легальной типографии. Елисаветградская печатня провалилась одновременно с арестом в марте 1902 г. главных деятелей группы «Южного Рабочего»—А. Гинсбурга, Б. Цетлина («Батурский»), Осипа Когана («Геноссе») и Н. Кагана.

Обстоятельства, сопровождавшие арест Тасина, были не совсем обычные. Вот что телеграфировал по этому поводу нач-к витебск. г. ж. у. Ламзин 21-III 1902 г. генералу Новицкому: «Начальником жандармского полицейского отделения ротмистром Ивановым задержан ошибочно (по) подозрению в краже назвавшийся могилевским мещанином Нохимом Янкелевым Каган, у которого оказались революционные издания и приготовленное к отправке письмо в Белосток Илье Яковлевичу Баккалу, до востребования, с шрифтом, в химическом тексте»...

По об'яснению Тасина, никакого основания для подозрения в краже он не давал, а придумано это было с целью прикрыть действительный повод задержания — какой-нибудь донос; что же касается «*шрифта* в химическом тексте»,—то эта фраза свидетельствует о невежестве полковника Ламзина, который, повидимому, и *шифр* считал типографской принадлежностью...

[8] Леонид Николаевич Кременецкий в 1902 году был назначен начальником только что учрежденного тогда екатеринославского охр-го отделения; вскоре же он отличился тем, что за один год «открыл» четыре или пять тайных типографий, за что был поставлен затем во главе петербургской охранки. После того, как Кременецкий «открыл» еще «заговор», в котором фигурировали «бомбы» (изготовленные, впрочем, самим секретным сотрудником его, что было установлено расследованием, произведенным заведывавшим тогда особым отделом д-та полиции Н. А. Макаровым), переусердствовавшего охранника сплавили в Иркутск—начальником местного г. ж. управления.

[9] Зубатов хорошо знал, что Лалаянц был душой «Южного Рабочего»; в частности ему известно было, что Лалаянц приезжал в марте 1900 года в г. Витебск, где виделся с Тетяевым и Г. Майзелем, через которых собирал деньги для типографии, устроенной в Кременчуге.

И. Х. Лалаянц обратил внимание на себя охраны еще в дек. 1893 г.; д. п., сообщая охр-му отд-нию сведения о В. В. Португалове (к числу знакомых последнего принадлежали: Н. Муравьев, М. Иолшин, О. Кирьянова, Ефим Вараскин), писал, что Португалов обещал через свою сестру Софью снабдить И. Х. Лалаянца и Александра Ивановича Ливанова нелегальными брошюрами.

По делу «Южного Рабочего» Лалаянц (партийная кличка «Инсаров») был выслан в Иркутскую губ., откуда скрылся в 1902 году, вместе с женой своей, за границу, где примкнул к искровцам.

[10] Иван Васильевич Бабушкин, рабочий, видный с.-д. деятель, сосланный в Сибирь, расстрелян в 1906 году карательной экспедицией Ренненкампфа в Иркутске.

[11] В докладе от 17-X 1900 г. Петерсон докладывал Зубатову, что Вьюшин, арестованный при ликвидации 3-го июля, «вследствие недостатка в отдельных камерах, был помещен с Волошкевичем, что сослужило огромную пользу, так как Вьюшин, давая показания по своему делу и желая удостоверить свое полное отречение в будущем от всякой нелегальной деятельности, откровенно рассказал при допросе и обо всем том, во что посвятил его Волошкевич за время трехмесячного содержания в одной камере».

Обширные показания Вьюшина касались рабочих кружков «Начало», «Якорь», «Борьба», «Вперед», а также деятельности главарей екатеринославской соц.-демократии: Лалаянца, Цхакая, Лавриновича, А. А. Машицкого (привлекался в 1886 году в Кишиневе по д. партии «Н. В.», в 1894 г.—в Ростове-на-Дону и в 1897 г. в Архангельске).

В «Материалах для биографического словаря социал-демократов» (выпуск 1, Петроград, 1923 г.) в сведениях о Вьюшине совершенно не упоминается о предательском его поведении в деле о «Южном Рабочем».

[12] Михаил Ефимович Бакай, после своего провала в Екатеринославе, поступил на официальную службу в полицию и был зачислен чиновником в варшавское охр. отд-ние, начальником которого состоял тогда Петерсон. Под влиянием разговоров, которые я вел с Бакаем в 1906 году, когда был командирован в Варшаву для ревизии деятельности полковника Шевякова (начальника ох-го отделения), бывший «секретный сотрудник», сделавшийся таковым не столько по убеждению, сколько по принуждению, решил покинуть охранный лагерь; в том же году Бакай вошел в сношения с Бурцевым, (издававшим в Петербурге журнал «Былое»), с которым потом, переселившись в Париж, повел разоблачительную кампанию против охраны.

После моего появления за границей Бакай отошел от политической деятельности, сдал в Бельгии экзамен на горного инженера и занялся практической работой по своей специальности. История сношений Бакая с Бурцевым, с которым он под конец разошелся, описана в его брошюре «О разоблачителях и разоблачительстве», изданной мною в 1912 году в Нью-Йорке. Воспоминания Бакая «Правительство и провокация», «Еще о провокаторах и провокации» напечатаны в заграничных выпусках «Былое» (№№ 9—10 и 11—12, 1909 г.).

[13] Яков Григорьевич Сазонов, жанд. офицер, из казаков; помощник нач. москов. о. о. в 1899—1901 гг.; затем начальник о. о. в Петербурге, где «загентурил» Горенберга, Панебратцева и других.

[14] Гринберг, жан. офицер; заведывал розыскным «пунктом» в г. Туле; скромный, заика, ничем не отличился.

К ГЛАВЕ VIII.

[1] Поддевкин после своих похождений в Брянске и Рязани был командирован в Петербург, где, однако, пристроиться не сумел.

Дальнейшая судьба его неизвестна. Приметы Поддевкина: небольшого роста, с черной бородкой, юркий, нервный, малоразвитой; родился приблизительно в 1870 г.

[2] Виноградов, Вячеслав Алексеев, крн. Тверской губ., Зубцовского у., Краснохолмской вол., д. Кузьминки; он же Иван Дмитриев Добросмыслов (его псевдоним); работал на Прохоровской мануфактуре в Москве; был арестован на сходке рабочих в Марьиной роще 1-го мая 1902 г.; согласился сотрудничать и был выпущен на свободу, для отвода глаз, в числе других семи из числа задержанных с ним.—В. давал сведения по кружку учеников земледельческого училища (Яблонский, Баландин и др.); выдал один состав моск. с.-д. к-та; как человек развитой и смышленый, надеялся попасть в члены руководящего центра искровской организации в Москве. 19-го февраля 1903 г. В. писал Зубатову: «Прошу вас для лучшего исхода дела арестовать меня на квартире, где пребывал Гузеев, т.-е. Никольский переулок, д. Курбатского, в комнате стрелочника Андрея Шамарова, и еще человека два, например, Василия Семенова Смирнова». Эту комедию и проделали затем, чтобы удовлетворить моск. г. ж. у., которое, выяснивши по дознанию «революционную деятельность» В., требовало его ареста, не подозревая его роли.

Гузеев, Михаил Дмитриев, крн. Тульской губ., Белевск. уезда, Сороколетовской вол., д. Песочной; р. в 80 г.; с весны 1902 г. сделался сотрудником моск. о. о.; известен был под кличкой «Очки». Служил дорожным десятником моск. уездн. земства; Гузеев благодаря рекомендации Пановой (впоследствии по мужу Дивногорской) и Владимира Шпаки познакомился с Леонтией Бирон, которая свела его с комитетчиком «Александром Павловичем» (Теодоровичем); последний начал снабжать Г. нелегальной литературой и, прося у него связей с рабочими, указал для свиданий квартиры дантиста Шубина и Адольфа Кисина (д. Ганецкой, на Неглинке). Когда Шпак пригрозил Г. судом за растраченные им 150 р. земских денег, последний будто бы

заявил, что он этого не боится—его выручит о. о. В сентябре 1902 г. «Искра» уже сообщила (№ 48): «В Москве в апреле 1902 г. была арестована группа рабочих и несколько интеллигентов; все они обвинялись в участии в моск. к-те р. с.-д. р. п. В числе рабочих был некий Гузеев, он оказался предателем, а впоследствии—и совсем провокатором. В июне 1903 г. он уехал в Тверь. Приметы его: блондин, выше среднего роста, небольшие усы, без бороды».

[3] Упомянутый в показании Давыдова—Дмитриевский, Сергей Дмитриевич, занимался пропагандой среди рабочих; на его квартире устраивались собрания; у него был арестован Жан Кульман, через которого велась конспиративная переписка. У Д. была отобрана рукопись «О международном союзе рабочих».

По тому же делу привлекался студ. моск. ун. Волков, Леонид Владимиров (а не Сергей, как говорится в показании Давыдова), который до того занимался партийной работой в Ярославле.

Под фамилией Козлечкова Давыдов знал Валентина Ивановича Батырева, начавшего свою революционную карьеру еще в 1889 году, в Петербурге; в Москве он жил по паспорту Василия Власенко. Был арестован потом еще в 1906 г. (Харьков) и в 1912 г. (Киев).

[4] Соркин, Израиль (Василий Яковлевич), был впоследствии помощником (по агентурной части) нач-ка одесского охр. отд-ния; он был тем таинственным незнакомцем, который сообщил эсерам (Тютчеву) о предательской роли Азефа; последний узнал об этом; Соркина, который в это время заведывал розыскным пунктом в Симферополе, арестовали, доставили в Петербург, но, чтобы не проваливать Азефа окончательно, отпустили. Соркин служил после этого наборщиком в московской типографии Лисснера.

К ГЛАВЕ IX.

[1] Сведения, изложенные в главе IX о Северном Рабочем Союзе, заимствованы целиком из доклада, составленного мною в 1902 году, который явился результатом моей служебной поездки в города Воронеж, Ярославль, Кострому и Владимир. О происхождении этого доклада я еще в мае 1911 года сделал раз'яснение, которое было напечатано в № 25 журнала «Голос Социал-Демократа», издававшегося в Париже. Вот что я писал тогда:

«В 1902 году я, состоя чиновником для поручений при московском охранном отделении, получил приказание выяснить «Северный Рабочий Союз». Пользуясь явками и паролями, добытыми агентурным путем (перлюстрация химической шифрованной переписки искровцев), я явился, под видом нелегального, к так называемым «американцам»—А. Н. Любимову и его товарищам, жившим в Воронеже, и, получив от них рекомендации, об'ехал в течение недели города Ярославль, Кострому и Владимир, где имел свидание с с.-д. деятелями (Варенцова, Богданов, Александровы, Багаев и другие). Результатом моего доклада по начальству была «ликвидация», во время которой было арестовано несколько человек.

За всю мою двадцатилетнюю службу в полиции этот случай, когда мне пришлось выступать в такой роли, был единственным, если не считать моей поездки, особых последствий не имевшей, на западную границу в 1896 году, по делу выяснения контрабандных путей. Описанный выше случай явился, впрочем, логическим следствием того положения, в котором я оказался, поставивши себе еще в молодости задачу: выяснить единоличными усилиями систему политического сыска царского правительства, незнание которой со стороны революционеров составляло серьезнейшую помеху в их деятельности.

За первые 15 лет моего пребывания во вражьем стане я окончательно убедился, что цели своей я могу достигнуть вполне лишь тогда, когда буду находиться в самом центре розыскного механизма. Поездка на север была тем крайним средством, к которому я обратился, чтобы скорее проникнуть в «святая-святых»

охраны. Мне это удалось: через год после этого я был уже в главном штабе ее— в особом отделе д-та п.; здесь только я и получил возможность выяснить те сотни предателей, имена которых ныне раскрыты мною революционным организациям, и узнать те многочисленные секреты, которые должны теперь сделаться общественным достоянием.

Тем не менее, я понимаю, что достигнутые мною результаты куплены дорогою ценой: осуществляя свой план, я причинил многим страдания. В этом отношении я чувствую себя глубоко виноватым. Я не имею возможности обратиться лично к каждому из таких лиц и потому прибегаю к помощи печати, чтобы публично просить прощения у всех тех, кто так или иначе потерпел от моих действий в роли чиновника охраны. 6/19 февраля 1911 г.».

По тому же поводу я в письме, напечатанном в журнале «Каторга и ссылка» (№ 1, 1926 г.), писал еще: «Дело о «Северном Союзе» является тягчайшим воспоминанием из всего, что я пережил,находясь «во вражьем стане», так как я был вынужден выступить в роли, мне совершенно несвойственной. До того времени я удачно сохранял за собой вполне нейтральную позицию: был «пером» Зубатова, ведая наиболее секретной частью письмоводства, с агентурой вообще дела не имел, розысками самостоятельно не руководил. В данном же случае, исполняя приказание заведывавшего особым отделом д-та п. Ратаева, я вошел в непосредственные сношения с революционной средой. Каковы бы ни были результаты этих моих действий, я, конечно, являюсь ответственным за те страдания и неприятности, которые причинил некоторым лицам, распорядившись их судьбой (хотя бы и в интересах революционного дела) без их ведома. Эту свою вину я сознавал и публично признал».

К ГЛАВЕ X.

[1] Гершуни, Григорий Андреевич, провизор, был арестован в Минске в один из набегов московской охранки; он был доставлен в Москву и был здесь подвергнут «обработке» Зубатова, который, после длительных бесед со своим пленником, поверил ему, что он решил отказаться от революционной деятельности и отпустил его на свободу. Гершуни немедленно, летом 1901 г., перешел на нелегальное положение и стал руководить террористической деятельностью партии с.-р., к которой примкнул (им были организованы покушения на князя Оболенского, убийство губернатора Богдановича и министра Сипягина). 13-IX 1903 г. Гершуни был арестован в Киеве, вследствие указаний, полученных от агента Розенберга начальником местного ох. от-ния Спиридовичем. Последний об этом подробно рассказал в своих воспоминаниях, напечатанных в «Архиве русской революции» Гессена, кн. XV.

Относительно одного места этих воспоминаний необходимо сделать существенную поправку. Спиридович пишет (стр. 124), что Зубатов, беседуя с арестованным Гершуни, хотел «переломить его идейно», и в результате—последний дал подробное показание и тем купил себе свободу... Моральная беседа Зубатова была велика»...

В приведенной фразе все неверно. Гершуни никаких показаний не давал и, говоря просто, «обошел» Зубатова, притворно согласившись с его увещеваниями за тем, чтобы, получив свободу, организовать террор.

Будучи сослан на каторжные работы в Акатуй (В. С.), Гершуни умудрился бежать оттуда (был вывезен на волю в бочке), благополучно добрался до Парижа, где умер, если не ошибаюсь, в 1908 г. и похоронен на Монмартрском кладбище.

[2] Любовь Михайловна Клячко, урожденная Радионова, была арестована в мае 1900 г. в Петербурге, куда она привезла транспорт изданий «Свобода»; привлеченная к дознанию, она дала откровенные показания, значительно осветившие для жандармов дело,

[3] Полностью это воззвание приведено на основании моих документов С. Нечетным (Степан Слетов) в его статье, помещенной в сборнике «Социал-революционер», № 4, 1912 г.

[4] Гатовский, Гирш Янкелев, ремесленник, был выслан в 1902 году в Якутскую область на 5 лет, но в 1903 г. бежал из Киренска и жил потом в Париже.

Как выяснилось потом, нежинская типография «Рабочей партии» была устроена при содействии харьковской группы с.-р., от которой и была получена рукопись «Подсчет сил»; представитель помянутой группы Константин Александрович Иванов, ведший сношения с нежинской типографией, был впервые арестован по народовольческому делу в 1895 г.; высланный в В. С. на 8 лет, он бежал оттуда через 4 года и примкнул через воронежскую группу к партии с.-р.; 29-III 1901 г. Иванов был снова арестован в Нежине, после года тюремного заключения его снова отправили в В. С.; в 1903 г. он пытался бежать из ссылки, но был задержан и умер 19-VIII 1904 г. в Якутске.

[5] Мовша Вульфов Лурия впоследствии был сослан в В. С.; находясь в Якутске, участвовал в известном протесте «Романовцев», за что был приговорен в каторжные работы (приговор был отменен в 1905 г.); перебравшись за границу, Лурия умер от чахотки 15-IV 1912 г. в Лейзене (Швейцария).

[6] Из списков сек. с. саратовского ох. от-ния, который был представлен Бобровым в 1904 году д-ту п., видно, что фамилия «Хохлов» была псевдонимом агента Алексея Дмитриева Егорова (он же Жарков).

[7] Зубатов, находясь уже в отставке, писал Спиридовичу, по поводу книги его «Партия соц.-рев. и ее предшественники», между прочим, следующее: Азеф «революцией занимался ради ее доходности, а не по убеждению, как и службой правительству. Умалчивал он очень об очень серьезном не из сочувствия революционерам, а из опасения возбудить в чинах правительства особое рвение, всегда для его головы опасное. Положение его делалось все более опасным по мере повышения его в революционных чинах. Простите за дерзость, но он едва ли находил равновеликий персонаж среди его казенных руководителей. Дело прошлое, но все же любопытно, как Азеф мог проагентурить до 1908 г., когда мы с ним разругались еще в 1903 г., перед уходом моим из д-та. Что же могло усыпить у д-та мои открыто выраженные А. А. Лопухину сомнения о допустимости его тактики?»...

[8] Относительно личности Плеве не было двух мнений даже среди лиц, принадлежавших к его кругу. С. И. Демидова, урожденная Воронцова-Дашкова, писала в своих воспоминаниях про Плеве: «Ни одного хорошего слова мне про него никто никогда не сказал. Это была полицейская душа, характерный чиновник, льстивый с тем, кто выше его или был нужен ему почему-либо, и черствый и сухо-узкий с другими» («Голос Минувшего», 1, 1923 года).

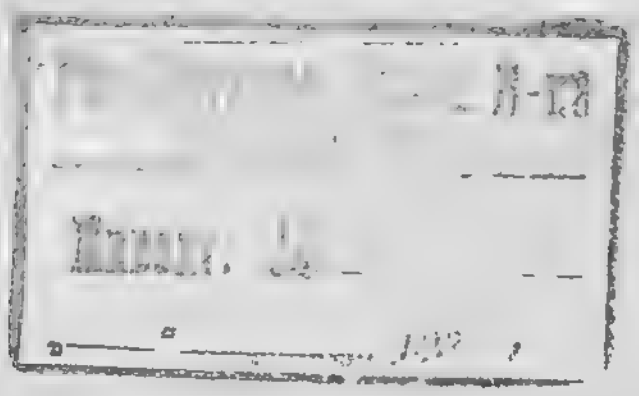
В одном из писем графа Витте (к Куропаткину), опубликованных в XIX т. «Красного Архива», мы находим такой отзыв Витте по поводу событий 15-VI 1904 г.: «С господином фон-Плеве сделалось то, что должно было сделаться, и страшно то, что нигде это преступление не встретило соболезнования. Только послышались вздохи облегчения и проклятия его памяти... В течение двух лет подносились самые подлые, самые лживые доносы и клеветы... Оказалось, что господин фон-Плеве был душой банды квантунцев, приведших Россию к несчастной войне... На этих днях последует назначение министра вн. д. Кто бы ни был назначен, таких подлостей, как Плеве, делать не будет»...

[9] Затевавшееся покушение очень колоритно описывал Медников в письме своем от 11-II 1903 г., когда он находился в Петербурге, где руководил наружным наблюдением.

«Были у нас два артиллерийских офицера-академика, оба из Киева, поручик и подпоручик—Григорьев и Надаров, за ними оба мы, т.-е. летучка, таскались с 1-го октября, в особенности за поручиком, от которого мы ждали нападения на карету «Орла» (Плеве), даже было приказано людям «Орла»,

в случае появления и слежки поручика за «Орлом», прямо в него стрелять; конечно, не пришлось, и слава господу богу, что не случилось этого. Приезжал в декабре из Киева к поручику социал.-революционер—брат его любовницы Флор Юрковский (дети повстанца), который прожил три дня в Питере, повидавшись с обоими офицерами и сестрой своей Юлией Юрковской; последняя искала исполнителей плана покушения на «Орла», т.-е. руководителя; была на нашей конспиративной квартире, т.-е. в петербургской группе с.-р., и просила свидания для брата, но ему почему-то было отказано, т.-е. не хотели перед ним давать отчета; казалось им низким, т.-е. полномочий у Юрковского мало оказалось.

Как киевской, так и питерской агентурам стало известно о поездке Юрковского в Питер, так все и шло, но 7-го февраля мне стало очень скучно, так что места себе не находил, в отделении поругался с Яковом Григ. Сазоновым; не зная меры тоски, я позвонил Серг. Вас. (Зубатову) по телефону, прося арестовать обоих офицеров,—он было на дыбы, я говорю, что они три дня пьют, не просыпаясь, и назначен царский парад Инженерному училищу, то я опасаюсь этих пьяниц. Тогда Сергей Вас. позвонил д-ру, которого дома не было—так решили обоих арестовать. Арестовали. У подпоручика нашли до 10 шт. разной нелегальщины, а у поручика... Утром доклад «Орлу», тот завопил, это было 8-го февраля; утром пришел Трусевич, его сколь возможно напичкали всякими агентурным хламом»...

[10] Шуберт, Конрад Николаев; офицер 1-го Финляндского стрелкового полка; желая скорее выслужиться, помимо доноса на Коноплянникову, представлял обширные доклады о «неблагонадежности» сослуживцев своих и очень усердствовал в подавлении Свеаборгского мятежа. За свои услуги он получал до 50 руб. ежемесячно. Шуберт род. в 1880 г., выше среднего роста, брюнет, красивый, с усами, говорит баском, держался с ухарством; человек способный, пробовал писательствовать (под псевдонимом «Конрадов»), очень кичился мундиром, кстати и некстати, величал себя «стрелком его величества». На этой почве у Ш. вышло недоразумение: находясь в С.-П. Б. 22-XII 1908 г., он потребовал у пожарного служителя Козлова отдания «чести», а на возражения того приставил к его груди револьвер с криком «я застрелю тебя, каналья»; собравшаяся толпа начала негодовать и заставила Ш. отправиться в участок, где ему раз'яснили, что пожарные служат по вольному найму и что они не солдаты.

[11] Охранный курьез: Шуберт доносил на с. сотрудника финляндской розыскной агентуры—Бориса Зайда, который ранее подвизался в Одессе и жил затем в Гельсингфорсе под фамилией Якобсона.